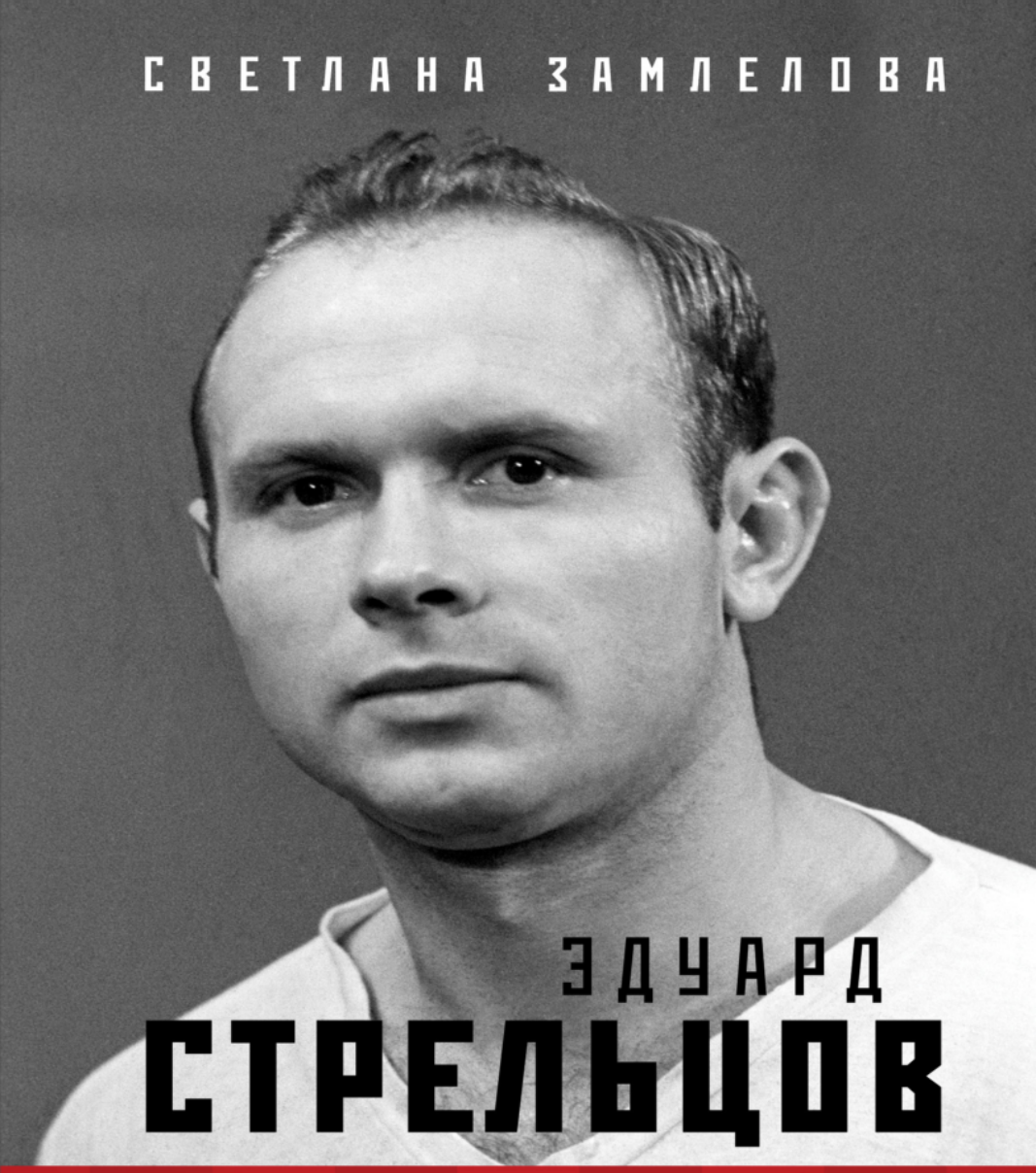
СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА



ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

★ ВОЛЯ К ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эдуард Стрельцов – легенда советского спорта. Именно с его именем связывают главную политическую несправедливость в истории отечественного футбола, и до сих пор многие задаются вопросом: «Что если..?» Он был гениальным игроком, настоящим феноменом, который в 18 лет стал лучшим бомбардиром первенства СССР и основным нападающим сборной. Чемпионат мира 1958 года мог бы стать бенефисом Стрельцова на международной арене, если бы не дальнейшие трагические события.

- Светлана Замлелова
  -
  - Начало
  - Роковой год
  - Была ли травля?
  - «Подстрелил стрелец лебедь белую…»
  - Так кто же это все-таки «заказал» Эдуарда Стрельцова?
  - «Поиграли ся, подрали ся – придется посидеть…»
  - «Не только ноги нужны в футболе – нужна в футболе, между прочим, голова!..»
  - «Знаете, каким он парнем был»?
  - Послесловие
  - Библиография
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Светлана Замлелова
Эдуард Стрельцов. Воля к жизни

© Замлелова С.Г. Текст., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Начало

В знаменитом романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» есть эпизод о злоключениях Швейка в поезде. Швейк, решив проверить действие аварийного тормоза, остановил поезд, за что и был высажен на станции Табор. Разобравшись в происшествии, начальник станции оштрафовал Швейка на двадцать крон, после чего тот отправился догонять свой поезд «навстречу новым приключениям будейовицкого анабазиса». Между тем все, кто присутствовал при разговоре Швейка с начальником станции, долго не расходились, обмениваясь впечатлениями от недавнего происшествия. Кто-то рассказывал, что поймали шпиона, фотографировавшего вокзал. Какая-то дама утверждала, что не было никакого шпиона, зато некий драгун зарубил офицера возле дамской уборной за то, что офицер ломился в уборную к возлюбленной драгуна, явившейся на вокзал, дабы проводить на фронт своего милого.

Возникновение этих фантастических версий Гашек связывает с нервозностью военного времени, для которого характерны обостренное восприятие действительности, недоверчивость и поиск самых невероятных объяснений для событий самых обыкновенных. Добавим, что нервозность эта присуща не только военному времени, но и любой переходной эпохе, когда людьми владеют страх, растерянность и разочарование. Именно в такие периоды истории рождаются новые мифы, на осмысление и преодоление которых уходят впоследствии долгие годы. Нечто похожее произошло и в России в конце XX века, когда большая страна ослабла и распалась на полтора десятк-ка государств. На этих величавых обломках и появилась новая мифология, определившая во многом течение дальнейшей жизни 1/6 части суши и оказавшая влияние на мировоззрение нескольких поколений. Из закрытого социалистического общества миллионы людей шагнули в открытое капиталистическое. Но отсутствие иммунитета и вообще слабое представление о новой жизни превратили акклиматизацию в тяжелейшее испытание.

Перестройка и последовавшие за ней 90-е годы, которые сегодня кто-то вспоминает с ужасом, а кто-то с нежной грустью, нанесли народам бывшего СССР тяжелейшую травму. Травма возникает в периоды, когда происходит ломка упорядоченного мира, ломка стереотипов общественного сознания, когда человеку отказывают в доступе к жизненным благам, когда оскорбляют память и смеются над верой. Такая травма может

буквально разрушить общество, обесценив ценное и возведя в ранг нормы недопустимое прежде. Травму может вызвать революция или государственный переворот; иностранная оккупация или принудительная миграция; экономический кризис или экономическая реформа; громкий правительственный скандал или убийство руководства страны; проигранная война или ревизия героических традиций. Польский социолог П. Штомпка пишет о разновидностях травмы, выделяя травму демографическую или биологическую, структурную и культурную. Культурную травму П. Штомпка считает самой опасной и самой труднопреодолимой. Эта травма способна сохраняться в коллективной памяти на протяжении поколений, проявляясь время от времени. Именно с ней связаны внутригрупповая ненависть и конфликтность. Эта травма не имеет отношения к индивидуальным нарушениям психики, она переживается всем обществом и вызвана разрушительными событиями, ломкой ценностных и семантических систем.

Обедневшее вдруг и обманутое население постсоветского пространства лишилось как социальных благ, так и всяческих прав. Появились в огромном количестве бездомные и наркоманы, бандиты выделились в отдельную прослойку. И все это на фоне издевательств и жестокости нуворишей, оскорбления достоинства, разрушения идеалов и глумления над историей. Миллионам людей вдруг заявили, что они – жалкие «совки», быдло, ни на что не годные лентяи и бездари, не создавшие за всю свою историю ничего путного, грязные, вонючие пьяницы. Ломка всегда грозит раздвоением или какой-то коллективной шизофренией, когда, по слову американского социолога Р. Мертона, «отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих». А с этой раздвоенностью связано постоянное напряжение, сохранение озлобленности и агрессивности. В мире все взаимосвязано: экономика, нравы, культура. И не просто связано: бытие, как известно, определяет сознание. Сознание человека разных цивилизаций и разных эпох прочно спаяно с его историческим бытием.

Нужно учесть и особенность информационной политики советского времени, когда о происшествиях говорилось настолько лаконично, что поневоле советские граждане пытались найти объяснения происходящему. Вспомним хотя бы гибель Ю.А. Гагарина, или пожар в гостинице «Россия», или столкновение в Цемесской бухте. Что? Как? Почему? События освещались настолько скупо, что удовлетворить естественное любопытство не удавалось. Поневоле приходилось додумывать и предлагать

собственные версии происходящего. Сегодня мы видим другую крайность: любое происшествие смакуется и обсуждается в мельчайших деталях, что порождает как пресыщенное равнодушие, так и разного рода нездоровый интерес. Тут и задумаешься, что же лучше: ограждать коллективную психику от информации, вызывающей стресс, или пустить все на самотек, предоставив граждан самим себе. Притом что, как выяснилось, даже засилье информации не защищает от порождения самых разнообразных слухов, перерастающих в мифы и объединяющих вокруг себя людей на манер секты.

Начиная с середины 80-х всю страну захлестнули разного рода разоблачения, на основе которых рождались новые мифы – по преимуществу отрицающего толка и объясняющие любой сложности явления при помощи одной-единственной нехитрой схемы: тоталитарный советский строй уничтожал народы и калечил судьбы. Да, сегодня доподлинно известно, что разоблачения тех лет появлялись не просто так, а с целью внушить народам СССР и соцлагеря простую, но важную мысль: «так жить нельзя», и потому «Карфаген должен быть разрушен». Но тогда растерянные, потрясенные люди воспринимали все за чистую монету. И постепенно утвердилась новая мифология, повествующая о миллионах расстрелянных ни в чем не повинных граждан, о сожженных на кострах и скормленных диким зверям заключенных ГУЛАГа, о памятниках Иуде, ритуальных убийствах и дьявольском присутствии в государственной символике СССР, о кровожадности и маниакальности советских лидеров, о вездесущем и всемогущем, как бог Шива, Комитете государственной безопасности; о загубленных биографиях и несостоявшихся карьерах, о нераскрытых талантах и затоптанных чувствах; о запуганности, забитости и раболепии советских людей. Характерно, что разветвленная, опутавшая чуть ли не полмира сеть секретных тюрем ЦРУ, где в XXI в. применяются пытки и прочие приемы подавления личности, не пугают обывателя так же, как пенитенциарная система внутри одной страны, совокупность исправительно-трудовых заведений, существующих в том или ином виде в любом государстве. Просто на СЕТЮР[1] ЦРУ не нашелся пока свой А.И. Солженицын, да и некому было бы тиражировать его сочинения на всю планету.

Но постепенно, по прошествии времени, появилась возможность знакомиться с историей Отечества не на страницах журнала «Огонек» и прочих аналогичных изданий. Некоторые из тогдашних сенсационных утверждений стали рассматриваться несколько иначе, а кое-кто из разоблачителей той поры оказался разоблачен уже в наши дни. И не все обвинения по адресу СССР

воспринимаются ныне столь же доверчиво и безоговорочно. Эпоха после 1991 г. научила многих сомневаться, критически мыслить и внимательно относиться к любой информации. Созданные три десятилетия назад мифы подвергаются пересмотру.

Вот об одном из таких мифов, а также об одной замечательной судьбе мы и поговорим на этих страницах. Но сначала – быль.

21 июля 1937 г. в подмосковном городке Перово в семье Стрельцовых родился мальчик, получивший от родителей имя Эдуард. Это сегодня Перово – район Москвы. А с 1925 по 1960 г. бывшее село Перово числилось городом. Население этого небольшого городишки было занято на нескольких заводах, в большинстве обанкротившихся и расформированных к настоящему времени. На одном из таких предприятий, ныне канувшем в Лету заводе режущих инструментов «Фрезер», работали и Стрельцовы. Сначала отец и мать, а потом и подросший сын Эдуард. А вот счастья в семье не было. Богатырского сложения отец нрав имел спокойный, а руки – золотые. Так что даже вся мебель в доме была сделана этими руками. А вот матушка отличалась характером взбалмошным, и едва ли не первое, и уж точно единственное детское воспоминание Эдика об отце было связано с бурным выяснением отношений между родителями. Вспылив, Софья Фроловна Стрельцова схватила с плитки горячий кофейник и запустила в мужа. Но кофейник, налетев на выставленную ладонь отца семейства, отскочил, врезался в стену и рухнул со всем содержимым на пол.

> ВСЮ ЖИЗНЬ ЕМУ НЕ ХВАТАЛО ОТЦА И УЖАСНО ХОТЕЛОСЬ УЗНАТЬ: ЛЮБИЛ ЛИ ОТЕЦ ФУТБОЛ И ВИДЕЛ ЛИ ХОТЬ РАЗ ИГРУ СВОЕГО ЗНАМЕНИТОГО СЫНА.

– Успокоилась? – поинтересовался супруг, закурил и продолжать выяснение отношений отказался.

Впрочем, возможно, на характер Софьи Фроловны влияние оказывало ее отнюдь не богатырское здоровье: молодой еще женщиной она перенесла инфаркт, страдала астмой, так что к сорока годам имела инвалидность.

Когда началась война, отец ушел на фронт. Ушел рядовым, а пришел на побывку в 1943-м офицером разведки. Тут бы жить да радоваться, тем более в 1945 г. вернулся отец живым и здоровым. Да вот только вернулся он не в родное Перово, а в Киев, оставшись с другой женщиной после того, как Софья Фроловна,

узнав от ординарца о внебрачной связи супруга на фронте, запретила тому возвращаться домой. Так и вырос Эдик без отца, на которого смотрел с восхищением, о котором помнил и больше всего на свете жалел, что не мог видеть его хотя бы время от времени. Всю жизнь ему не хватало отца и ужасно хотелось узнать: любил ли отец футбол и видел ли хоть раз игру своего знаменитого сына. И оставалась обида на мать, лишившую сына чего-то важного, а может быть, и самого главного в жизни.

Но это было потом. А пока шла война. Эдик рос и, как большинство советских детей, ходил в детский сад, а потом – в школу. Воспитательница в саду вспоминала о нем впоследствии, что хоть озорным он и не был, но если попадался за шалость, то никогда не просил прощения. Вспоминая уже о взрослом Эдуарде Стрельцове, первая жена его Алла Деменко отмечала ту же черту, сохранившуюся с детства, – просить прощения он не любил и как будто не умел. Эта черта любопытная и кое о чем говорящая, так что в свое время мы к ней еще вернемся.

Военное время было голодным, все время хотелось есть, так что порой, за неимением другой еды, приходилось грызть жмых. Надеть было нечего, и мать ругала за разбитые мячом ботинки, в которых Эдик ходил в детский сад, – уже тогда он играл в футбол. Во дворе дома в Перове была площадка, засыпанная опилками, где местные мальчишки гоняли мяч.

Голодное, оборванное военное детство пролетело быстро. И вот уже, окончив семь классов, Эдик пошел работать на «Фрезер» слесарем-лекальщиком и почти сразу оказался в юношеской футбольной команде завода. Он был самым маленьким в команде, но за лето 1949-го вдруг вытянулся сразу на тринадцать сантиметров и благодаря взрослому телосложению и уже заметной манере игры оказался во взрослой команде.

Несколько лет он играл и за взрослых, и за юношей, пока в 1953 г. на стадион «Фрезер» в перовском районе Плющеве не приехала на товарищескую встречу юношеская сборная «Торпедо». Фрезерский тренер М.С. Левин дружил с торпедовским В.С. Проворновым и попросил его взглянуть на своих ребят – Эдика Стрельцова, Женю Гришкова и Леву Кондратьева. Проворнов взглянул и всех троих пригласил в «Торпедо».

Надо сказать, что Стрельцов в то время уже мечтал о другой команде, напитываясь большим футболом на московских стадионах. Часами отстаивал он очереди за билетами на стадион «Динамо», чтобы увидеть игру прославленных мастеров. Трофимов, Бобров, Дементьев, Федотов… Из-за Федотова и Боброва он болел за армейцев, но командой мечты оставался «Спартак». И когда впоследствии его пригласили играть за

любимую команду, он был склонен принять это приглашение и уйти из «Торпедо». Соблазн оказался очень велик, играть за «Спартак» представлялось ему огромной честью. Но в «Спартаке» надлежало занять место Н.П. Симоняна – игрока, которого Стрельцов бесконечно уважал, а потому не смог пойти на такой шаг, не хотел чувствовать себя человеком, который выжил товарища из команды. Он считал, что вполне может дождаться, когда Симонян закончит карьеру и уйдет из футбола. Вот тогда можно было бы перейти в любимый «Спартак». Однако этому не суждено было сбыться.

А пока в 1953 г. он с командой торпедовских мастеров попал на сборы в Сочи. Старший тренер «Торпедо» В.А. Маслов счел нужным провести совместную подготовку новичков с опытными игроками. Так стремительно началась футбольная карьера Эдуарда Стрельцова, почти сразу попавшего в основной состав мастеров. К слову, сам Стрельцов вспоминал потом, что о его приятеле Леве Кондратьеве кто-то из тренеров отзывался как о более интересном и перспективном игроке. Но ни Кондратьев, ни Гришков так и не стали серьезными футболистами. Оба вскоре поступили учиться и занятия в институте и техникуме не стали совмещать с футболом. И только Стрельцов оказался болен игрой, из той троицы он один мечтал посвятить себя мячу и полю.

В первых матчах за «Торпедо» он оставался в основном на скамейке запасных. На поле выпускали его ненадолго – минут на двадцать. Дебют состоялся 4 апреля 1954 г., когда «Торпедо» играло в Харькове с местным «Локомотивом». Стрельцова выпустили за двадцать минут до конца матча. Мяча он не забил, зато спустя много лет его первый выход на поле в составе «Торпедо» оказался в центре внимания любителей футбола. Дело в том, что арбитр из Риги Эдгар Клавс, ведший протокол того матча, утверждал, что четвертый гол – а «Торпедо» выиграло у харьковского «Локомотива» 4:1 – забил не кто иной, как Стрельцов. Правда, судя по всему, об этом Стрельцов и сам не знал, потому что в своей книге «Вижу поле» о той харьковской игре сообщает буквально несколькими словами. Но выяснилось, что газета Завода имени Сталина (так до 1956 г. назывался Завод имени Лихачева) «Сталинец» (впоследствии – «Московский автозаводец») откомандировала в Харьков и журналиста, и фотокора. Так что в распоряжении редакции имелась не только заметка со стадиона, но и фотография того самого спорного гола. На фото было видно, как мяч летит в ворота от ноги Виталия Вацкевича. Стрельцов же вообще не попал в кадр, то есть рядом с забитым мячом его не было.

Следующий выход Стрельцова состоялся там же, в Харькове,

8 апреля на встрече с ленинградской командой «Трудовые резервы». В книге «Вижу поле» Стрельцов пишет, что в той игре смог принести своей команде «некоторую пользу», утверждая, что атаковал ленинградского защитника, с перепугу ударившего в собственные ворота: «Когда меня выпустили, наши 0:2 проигрывали. Но не собирались сдаваться. И второй гол при моем непосредственном участии сквитали – я прямо на защитника шел, он от испуга ошибся и мимо своего вратаря пробил…» Правда, ни в «Советском спорте» от 10 апреля 1954 г., ни в «Социалистичной Харькивщине» от 9 апреля 1954 г. о Стрельцове не говорится ни слова. Действительно, ленинградский защитник Александр Донцов за 6 минут до конца игры отправил мяч в свои ворота. Но не после атаки Стрельцова, а в ходе борьбы с Александром Гулевским. К тому же в своей книге Стрельцов называет «Трудовые резервы» ленинградским «Динамо». Но будем считать, что название команды подзабылось, а вот ощущения от игры, чувство своей причастности к забитому мячу сохранились на всю жизнь.

Зато гол юного форварда из «Торпедо» в ворота тбилисского «Динамо» ни у кого не вызывает сомнений. В Тбилиси почему-то сразу же полюбили Стрельцова. Более того, именно в грузинской столице, по воспоминаниям самого Эдуарда Анатольевича, начали складываться его отношения с футбольной публикой. А тбилисские болельщики всегда тепло принимали Стрельцова. Уроженец Тбилиси, спортивный журналист и азартный болельщик А.Т. Вартанян вспоминал, как еще накануне приезда в Грузию автозаводской команды любители футбола, собиравшиеся ежедневно возле турнирной таблицы тбилисского стадиона «Динамо», дабы обсудить последние новости игры с мячом, заговорили о появившемся в «Торпедо» вундеркинде по фамилии не то Стрелков, не то Стрельников.

Неизвестно, каким образом эти слухи дошли до Тбилиси, но поглазеть на чудо-парня в дождливый апрельский день явились многие. Матч начинался в 17.30 по местному времени, но уже на тренировке москвичей народу на трибунах было немало. Стрельцов публике сразу понравился: высокий (182 см), стройный, длинноногий. «Весь такой чистенький, – вспоминает А.Т. Вартанян, – светленький, голубоглазый, кровь с молоком – красавец парень, глаз не отведешь». Просто чудо-богатырь из русской сказки. Очарованная на тренировке публика не разочаровалась и во время игры, ведь Стрельцов забил тогда первый свой мяч в составе «Торпедо». А.Т. Вартанян свидетельствует: «Побежал он за укатившимся к зрителям мячом и оказался в двух-трех шагах от примыкавшей к полю трибуне:

так близко никогда больше Стрельцова не увижу. Ему зааплодировали. Эдуард зарделся, смущенно улыбнулся и, словно в благодарность за радушный прием (может, так и было), под невероятно острым углом ухнул в дальний верхний угол. Тут же раздался мощный, слившийся воедино многоголосый залп: так приветствовали только своих…» Стрельцов тоже с благодарностью вспоминал тбилисских болельщиков, утверждая, что именно в Тбилиси публика сразу как-то по-особенному к нему отнеслась, да и потом всегда радушно встречала.

15 апреля 1954 г. газета «Советский спорт» описала, как на 28-й минуте игры молодой нападающий Стрельцов (№ 7), получив передачу от Гулевского, отквитал один мяч. Между тем Стрельцову в ту пору не исполнилось еще и семнадцати. Но он уже оказался в центре внимания всей страны. Стоит признать, что подобный груз не в состоянии подчас выдержать и более зрелые люди. А тут – подросток с рабочей окраины, да к тому же не имевший ни отца, ни старшего брата, ни более опытного друга. Словом, никакой поддержки. Еще вчера он лакомился жмыхом и донашивал стоптанные ботинки, и вдруг – любимец миллионов, о котором пишут газеты, а публика валом идет посмотреть на юного нападающего «Торпедо» и каждое его удачное движение встречает восторженным гулом. А дальше – больше. 18 апреля московское «Торпедо» играет с горьковским. И снова Стрельцов, открывший счет, в центре внимания публики и прессы. 3 мая в игре с московским «Локомотивом» единственный гол торпедовцев забил именно Стрельцов. Пройдя с мячом по краю, обыграв двух защитников, он ударил по воротам, но сначала вратарь «Локомотива» отразил мяч. Тогда Стрельцов повторным ударом забил гол. В той игре он оставался еще левым крайним нападающим, но, по воспоминаниям Эдуарда Анатольевича, постепенно переходила к нему роль центрфорварда. А летом он уже вполне освоился с этой ролью. «Советский спорт», рассказывая об игре «Торпедо» с тбилисским «Динамо» 25 июля, сообщает о Стрельцове именно как о центральном нападающем. Кстати, примерно к этому же времени относятся и зачатки мифа о Стрельцове. Мифа, объединившего впоследствии вокруг себя настоящую секту. В «Советском спорте» от 17 июня 1954 г. вышла передовица, в которой некий автор (передовица не подписывалась) посмел критиковать шестнадцатилетнего Стрельцова и руководство команды, плохо, по мнению редакции, работавшее с молодежью. О Стрельцове было сказано, что обладает он хорошими данными, однако техника его игры пока невысока. Что, заметим, неудивительно, учитывая его возраст и недавнее присутствие в команде. Далее говорилось, что

у Стрельцова есть все данные для роста и превращения в высококлассного мастера футбола, но для этого необходимо трудиться кропотливо и напряженно. Руководству же команды рекомендовалось сосредоточиться на воспитательной работе, поскольку Стрельцов растет медленно, у него появилось зазнайство, что может помешать его росту. Казалось бы, а что не так в передовой? Разве сегодня в футболе руководствуются какими-то другими идеями и принципами? Разве не нужно спортивным руководителям думать о воспитательной работе, а молодым игрокам – о повышении индивидуального мастерства? Оказывается, Стрельцов, по мнению сегодняшних его поклонников, не мог зазнаться. Написать о нем такое пришло бы в голову только недоброжелателю и завистнику, этакой «Кассандре советского образца» – ведь через несколько лет Стрельцова действительно среди прочего не раз обвинят в зазнайстве. Писать же о нем в 1954 г. следовало совсем иначе: указать на прогресс, похвалить за старание, мягко указать, над чем стоит работать. Странный, однако, ход мысли. Да и вообще странная идея – обращать свои советы в прошлое. Мало того что никто их не услышит и ничего уже не изменится. Так ведь и судить из дня сегодняшнего о том, что было шестьдесят лет назад, можно лишь очень приблизительно. По той простой причине, что далеко не все нам видно с высоты минувших лет. Да и понятно тоже не все. Кому-то вот кажется, что не за что было ругать Стрельцова образца 1954 г. А в статистической таблице игроков «Торпедо» за 1954 г. у Стрельцова – две желтые карточки. Для сравнения: две желтые карточки получил в том же году Вячеслав Соловьев и по одной – Борис Сафронов и Анатолий Архипов. Остальные семнадцать игроков обошлись без взысканий. Заметим, что статистика относится к периоду до так называемой «травли» Стрельцова, до столкновения с Фурцевой и до прочих происшествий, о которых мы еще расскажем. Значит, не такой уж застенчивый и робкий был приближавшийся к своему семнадцатилетию центрфорвард, раз получал от судей желтые карточки. Кстати уж напомним, что это такое. Игрок получает желтую карточку, если постоянно нарушает правила, если затягивает игру или играет грубо, если выходит на поле или покидает его без согласия и разрешения судьи. А также в случае обмана судьи или протеста против его решений. В 1954 г. Стрельцов сподобился заработать предупреждения на матчах с харьковским «Локомотивом» и с тбилисским «Динамо», в обоих случаях за грубую игру.

Да и не так уж важно, за что именно получал нарекания игрок «Торпедо» Эдуард Стрельцов. Главное, что он не мог или не

считал нужным сдерживать свой темперамент. А с какой стати судьи и журналисты должны были относиться по-особенному к «торпедовскому мальчишке»? Ведь играл он не за юношескую команду, где было бы уместно журить и мягко указывать на ошибки. Его взяли играть вместе со взрослыми игроками, значит, и ответственность на него легла такая же, как и на всех остальных. Почему вообще сегодня зашла речь о каких-то поблажках, которые заслуживал якобы Стрельцов? Впоследствии мы убедимся, что поблажек и так было немало. Наша задача – объективно во всем разобраться, избегая по возможности влияния существующих мифов и стереотипов и всячески уклоняясь от создания новых преданий.

Критиковали Стрельцова не только в «Советском спорте». В годовом отчете старшего тренера «Торпедо» Н.П. Морозова, написанном явно не ради травли юного игрока, сказано, что Стрельцов при хорошем физическом развитии технически еще плохо подготовлен. Удар, особенно с левой ноги, у него не поставлен, головой играет плохо. При этом тактически грамотный игрок. А вот морально-волевые качества невысокие. Да и трудолюбия необходимого нет. И все же тренер выразил уверенность, что игрок перспективный и весьма способный.

Поклонники Стрельцова умудряются сегодня спорить с тренером, видевшим и отлично знавшим слабые и сильные стороны всех своих подопечных. Но создатели мифов ссылаются на уже забитые в те годы голы Стрельцова и особенно – на «выстрел» в дальний угол в Тбилиси. Дескать, чему зрители аплодировали, да и как бы он забивал, если бы бить не умел? Так ведь Морозов и не писал, что Стрельцов не умеет бить. Он писал, что удар не поставлен, а другими словами, что не отработана техника удара, что пока юный форвард остается дилетантом с хорошими задатками и что нужно много работать, чтобы задатки позволили стать профессионалом. Можно, например, научиться играть на любом музыкальном инструменте и даже исполнять сложные произведения. Однако это не будет означать владение техникой игры. То же и с пением. Есть превосходные красивые и сильные, но при этом непоставленные голоса. Поскольку вдохновение, способности – это одно, а техника, профессионализм – это уже нечто другое. В любом деле можно овладеть техникой, но не обладать талантом. А можно, обладая хорошими врожденными данными, так и не овладеть техникой. Судя по отзывам тренера и журналистов, наблюдавших за игрой, в 1954 г. Стрельцов, поразивший любителей футбола своими природными способностями, не обладал еще необходимой профессионалу техникой. В чем нет ничего удивительного или

обидного.

Давайте посмотрим, а мог ли центрфорвард Стрельцов зазнаться в 1954 г.? Все, кто знал Эдуарда в те годы, утверждали, что в повседневном общении он оставался простым и открытым парнем. Но ведь в передовице «Советского спорта» речь могла идти о другом зазнайстве – спортивном. И нарушение правил Стрельцовым вплоть до двух желтых карточек за сезон – тому подтверждение. Вспомним, как быстро произошел этот взлет, как из юношеской команды «Фрезер» Стрельцов попал во взрослую команду «Торпедо». Еще вчера никому не известный, не достигший совершеннолетия парень из Перова играет в высшей лиге, выходит на одно поле со своими недавними кумирами и забивает в их ворота голы.

А ведь помимо игр в рамках чемпионата СССР, «Торпедо» проводит товарищеские матчи. В 1954 г. были организованы шесть товарищеских встреч с командами класса «Б»: «Нефтяник» (Баку) и «Буревестник» (Кишинев), а также встречи с командами из Батуми, Ростова-на-Дону, Сталиногорска, несколько встреч с зарубежными командами. Так, в июне в Москве проходит игра с «Форвертс» (ГДР). После чего «Торпедо» отправляется в турне по Финляндии, играя в Хельсинки, Турку, Котке. Затем проводится встреча с финнами в Москве. А осенью торпедовцы едут в Ливан и Сирию. В Финляндии Стрельцов отличается, забив два гола в ворота сборной шести клубов (Финляндия). И если, участвуя в двадцати двух из двадцати четырех игр чемпионата СССР, Стрельцов забил четыре мяча, то и в товарищеских матчах мячей было не меньше.

В книге «Вижу поле» Эдуард Анатольевич вспоминает, что долго у него не складывались отношения с игроками «Торпедо». Только с Валентином Ивановым – вторым нападающим автозаводцев – они прекрасно взаимодействовали, понимая друг друга без слов и поддерживая друг друга в нападении. Другие игроки не спешили отдавать ему пас. А на вопросы Стрельцова «почему не пасуют?» отмалчивались. «Понять их тоже, конечно, можно, – пишет Эдуард Анатольевич. – Ну, кто я такой был – в команде без году неделя, и вот поди же – создавай мне условия. Я, получалось, претендовал на особое положение. Они, наверное, думали: еще один гол забьет – совсем занесется». Может быть, автор не совсем точно выстроил фразу, а может быть, и проговорился. Потому как это «совсем» говорит о том, что он уже начал заноситься, а если ему потакать, занесется совсем.

А что же кроме футбола? Пока жил он в Перове, все свободное время проводил в кино или на танцах. Прежние знакомые знали, что теперь он играет в высшей лиге, бывает за

границей. С одной стороны, отношения оставались прежними – простыми, но с другой, как пишет сам Стрельцов, к нему стали проявлять уважение и, по всей видимости, интерес. Уже в то время он постоянно чувствовал себя в центре внимания не только на стадионах, но и среди старых знакомых. Однако вскоре Эдуард вместе с матерью переехали из Перова в Москву на улицу Автозаводскую, в дом, где жил Валентин Иванов. Впрочем, Эдуард Анатольевич писал, что ему и в Перове было неплохо, а поводом для переезда послужил один случай, когда хватились его, а дома не застали – ушел центрфорвард на танцверанду. Но есть и другое мнение. Его, в частности, озвучил торпедовский тренер В.И. Горохов. Квартиру Стрельцову дали в районе завода, чтобы отвадить от перовских дружков. «Живя в Перове, – рассказывал В.И. Горохов, – он находился в окружении людей морально неустойчивых. После игр он выпивал со своими дружками из Перова <…> Они преследовали Стрельцова своей дружбой». Когда ЗИС предоставил ему квартиру, расчет был простой: молодому и талантливому футболисту надо помочь, надо сделать так, чтобы он изменил тот образ жизни, к которому начал привыкать. Забегая вперед, отметим, что место «перовских дружков» вскоре заняли другие люди, от которых не получилось отгородиться новой квартирой. Но это будет потом. А пока с 1955 г. Стрельцов был приглашен в расширенный состав сборной СССР.

Тогда же, зимой 1955-го, случилось и еще одно знаменательное событие. Поистине судьба была благосклонна в то время к Стрельцову! Многие пишут, что с первой женой – Аллой Деменко – Эдуард был знаком еще в школе. Но сама Алла рассказывала о своем знакомстве с будущим мужем иначе. Да, ей казалось, что она видела его в детстве. Школы были в то время раздельные, и когда девочки возвращались после уроков домой, их подстерегали мальчишки из соседней школы и били портфелями – такое типично подростковое проявление внимания. И вот уже взрослой Алла подумала, что Эдик Стрельцов тоже мог быть среди этих мальчишек, потому что одного такого ухажера с портфелем Алла хорошо знала. А потом выяснилось, что Эдик дружил с ним. Впрочем, это не имеет никакого значения. Главное, что зимой 1955 г. Алла в перовском клубе увидела такого красивого парня, что невольно задержала на нем взгляд. А он этот взгляд перехватил и даже сделал шаг в ее сторону, но, окруженный плотным кольцом друзей, так и не подошел. Потом началось кино, все разошлись, и Алла больше не видела этого парня. Но он не забыл о девушке из клуба. И уже летом – 10 июня 1955 г. – на танцах в Липовом парке все в том же Перове некий

знакомый заговорщицки сообщил Алле, что с ней хочет познакомиться один мальчик – Эдик Стрельцов. Алла футболом не интересовалась, и имя нападающего из сборной СССР ей ни о чем не говорило. Но сам мальчик был до того эффектен, что красавица Алла заробела – уж больно хорош: «высокий, статный белокурый, голубоглазый такой скандинав. Очень красиво одет (а одет был в такую голубую гамму перваншевую, ну никто из мальчишек тогда так не одевался), красиво курил, и голос такой приятный, глухой…» В общем, Алла влюбилась сразу и наповал…

Но сначала в январе 1955 г. он отправился в составе сборной в Индию.

Стоит вспомнить, что сборная СССР формировалась фактически заново. После Олимпиады в 1952 г. в Хельсинки, где советская команда проиграла команде Югославии, сборную распустили, в результате чего СССР не участвовал в чемпионате мира 1953 г., проходившем в Швейцарии. Но и тут современные мифотворцы уверяют, что в 1952 г. «виновные», то есть футболисты, проигравшие Югославии, понесли относительно мягкое наказание по советским меркам. Как будто бывали случаи, что проигравших спортсменов расстреливали или отправляли на Колыму.

В преддверии XVI летней Олимпиады 1956 г. решено было воссоздать сборную страны. Готовиться к предстоящим играм следовало начинать заранее. И в 1954 г. началось формирование сборной и подготовка к предстоящим соревнованиям. Новая сборная встретилась с командами Швеции, Венгрии, Болгарии и Польши. А в начале 1955 г. под руководством Г.Д. Качалина отправилась в турне по Индии. В итоге на Олимпиаду поехала новая сборная, куда вошли молодые игроки из московских команд, всего 19 человек. Вратари: Лев Яшин («Динамо»), Борис Разинский (ЦДСА), защитники: Николай Тищенко («Спартак»), Анатолий Башашкин (ЦДСА), Михаил Огоньков («Спартак»), Борис Кузнецов («Динамо»), Анатолий Порхунов (ЦДСА), полузащитники: Анатолий Масленкин («Спартак»), Алексей Парамонов («Спартак»), Игорь Нетто («Спартак»), Йожеф Беца (ЦДСА), нападающие: Иван Мозер («Спартак»), Борис Татушин («Спартак»), Анатолий Исаев («Спартак»), Никита Симонян («Спартак»), Сергей Сальников («Спартак»), Анатолий Ильин («Спартак»), Валентин Иванов («Торпедо»), Эдуард Стрельцов («Торпедо»), Владимир Рыжкин («Динамо»), Юрий Беляев (ЦДСА). Стрельцов пишет, что к началу 1955 г. было человек тридцать кандидатов в сборную. Причем не только из Москвы, были, например, и киевляне…

С 26 января по 6 марта футболисты провели 19 матчей в

разных городах Индии. Конечно, матчи были неофициальные, но Индия все равно очень тепло и с большим интересом встретила советских футболистов. Перед заключительной игрой, подсчитав общее количество забитых и пропущенных мячей, выяснили, что выиграли у Индии 97:4. Кто-то пошутил, что для ровного счета хорошо бы забить еще три гола. И, представьте себе, забили! Словом, поездка казалась чудесной. А для паренька из Перова – и вовсе сказочной: невиданная прежде экзотика, множество новых, интересных знакомств, доброжелательные хозяева, удачно складывающаяся игра – появившись в пятой игре, Стрельцов стал автором хет-трика. 5 февраля, когда сборная СССР проводила встречу со сборной комиссара города Дели на Национальном стадионе в Нью-Дели, Стрельцов забил третий, пятый и шестой голы. Выходившая в Бомбее газета «The Times of India» написала 6 февраля под заголовком «Русские слишком хороши»: «Сегодня русская футбольная команда переиграла сборную главного комиссара города Дели со счетом 9:0. Русские к перерыву выигрывали со счетом 7:0. Голы забивали: Стрельцов (3), Иванов (2), Кузнецов, Рыжкин, Шабров и Карпов».

В следующий раз Стрельцов забил в Джабалпуре, где 9 февраля сборная СССР сыграла со сборной штатов Индии, выиграв 5:2. А после игры в Мадрасе 12 февраля в «The Times of India» вышла статья «Русская молодежь потопила Мадрас»: «Сегодня в выставочном матче, обменявшись к перерыву голами, дублеры гостящей у нас русской футбольной команды переиграли сборную Мадраса со счетом 6:1. Шестьдесят минут блестящего футбола гостей были украшены хет-триком их центрального нападающего Стрельцова. Шабров, Иванов и Кольцов забили оставшиеся три гола. У Мадраса левый крайний Уильямс реализовал пенальти».

17 февраля в мадрасской газете «The Indian Express» под заголовком «Русские переиграли сборную Индии со счетом 11:0» можно было прочитать следующее об игре на Университетском стадионе Тривандрума: «Показывая футбол высочайшего класса, гости практически уничтожили робкое сопротивление индийцев, и если бы не их вдохновение, разница в счете была бы фантастической. Гости были великолепны в каждом эпизоде игры. Каждый игрок был идеально готов физически и показывал мастерство и ум в каждом своем движении. Русские играли непринужденно. Их сильной стороной была командная игра.

Их оборона была уникальной и продемонстрировала жесткий отбор и мощную борьбу. Их система игры с тремя защитниками была проблемой для индийских нападающих, не привыкших к такой схеме. Русские нападающие показали много идей и

отличное взаимопонимание. Благодаря своей потрясающей скорости и великолепному контролю мяча они создали множество брешей в защите противника.

Победители играли хорошо все до единого. Стрельцов, самый молодой в команде, был самым заметным игроком на поле и стал автором пяти голов своей команды.

Прямо с самого начала русские задали убийственный темп и усилиями правого полусреднего Иванова открыли счет на третьей минуте. К пятой минуте, после того как Стрельцов забил два раза подряд, они выигрывали уже со счетом 3:0. Этот неожиданный взрыв результативности убил все сопротивление со стороны проигравших, и их совсем не было видно до самого перерыва.

Исаев на десятой минуте резким ударом головой забил четвертый гол, а потом снова дважды подряд сетку нашел Стрельцов. Правый полусредний Иванов увеличил отрыв своей команды до семи голов, когда на двадцатой минуте вогнал в цель прекрасную подачу Шаброва. За три минуты до перерыва Стрельцов сделал счет 8:0.

В перерыве капитаны представили свои команды Его Высочеству раджпрамукху.

После короткого отдыха индийцы заиграли решительнее и провели пару безуспешных атак. Победители наращивали давление, но индийской защите удавалось удерживать свою цитадель до 15-й минуты второго тайма, когда Исаев забил девятый гол. Через минуту Стрельцов травмировался и вынужден был покинуть поле, а победители продолжили матч в неполном составе. Несмотря на это, они продолжили диктовать условия, и Карпов забил десятый гол, успешно замкнув выверенный прострел Шаброва. А за минуту до финального свистка русские установили окончательный результат усилиями Иванова, забившего великолепный гол…»

Индия поразила воображение юного Стрельцова. Вылетела команда из заснеженной Москвы, а играть пришлось среди пальм и бамбуков. Тем более игры проходили не только в Дели или Калькутте, но и в том же Тривандруме, на берегу Индийского океана. Вспоминая ту поездку, Эдуард Анатольевич рассказывал, что хоть и старался он держаться по возможности солидно, однако реагировал на многое совершенно по-детски. И не мог он не засматриваться на слонов и обезьян, «когда видел их прямо на улице, а не в зоопарке». Но главное, Иванов и Стрельцов утвердились в сборной СССР.

В следующий раз в составе сборной они играли уже в июне. А начиная с апреля участвовали в товарищеских встречах «Торпедо», а также в играх чемпионата СССР. За это время

«Торпедо» провело 10 беспроигрышных матчей в рамках чемпионата, причем Стрельцов забивал практически в каждой игре. Но настоящий триумф ждал его летом.

Во-первых, 10 июня он встретился наконец с Аллой. И, по ее воспоминаниям, в то лето они бесконечно гуляли по каким-то перовским паркам и скверам, по кусковским, плющевским лесам. Во-вторых, 26 июня в Стокгольме на стадионе «Росунда» сборная СССР провела товарищеский матч со сборной Швеции, обыграв скандинавов 6:0. В этой игре, которую еще до начала принялись обсуждать спортивные издания разных стран, Стрельцов снова стал автором хет-трика.

Шведы, после прошлогоднего проигрыша в Москве 0:7, были уверены, что на сей раз выиграть советским футболистам не удастся. Но надежды не оправдались, со счетом 0:6 Швеция проиграла. В «Советском спорте» Стрельцова отметили особо, написав, что в нападении советской команды выделялся именно он. При этом не только сам прорывался к воротам соперников, но и создавал благоприятные условия для атаки своим партнерам. В книге «Международные встречи советских футболистов», вышедшей в 1957 г., известный спортсмен, в ту пору заместитель председателя Спорткомитета РСФСР В.А. Гранаткин, описывая матч в Стокгольме, назвал Стрельцова «тараном команды». Он же рассказал о карикатуре, помещенной в одной из шведских газет: в облаках парит советская сборная, внизу скучились шведские игроки. Подпись гласит: «Удержится ли советская команда после матча с Венгрией на той высоте, куда ее подняли шведские футболисты?»

Команда Венгрии упоминалась не случайно. В 1954 г. сборная СССР и сборная Венгрии – одна из самых сильных европейских команд в те годы – уже провели встречи разных составов. Журнал «Огонек» от 21 сентября 1955 г. писал: «Ровно год назад московские и будапештские любители футбола одновременно были свидетелями интересной борьбы сборных футбольных команд СССР и Венгрии. В Москве встречались первые сборные команды, в Будапеште – вторые. В матче первых сборных был зафиксирован ничейный результат (1:1), а в состязании вторых команд победили советские футболисты (3:0)». Теперь любители футбола ждали новой встречи в Будапеште, намеченной на 25 сентября.

Но сначала в Москве предстояло встретиться с немцами и французами. Особенно, конечно, важной была встреча с немецкой командой. Во-первых, не забудем, что со времени окончания войны прошло всего десять лет, и отношение к Германии было не самым благожелательным, а воспоминания о той поре еще

свежими. Проиграть немцам в таких условиях было бы позором и настоящей травмой. Во-вторых, ФРГ на тот момент была чемпионом мира, выиграв в 1954 г. в Швейцарии у венгров 3:2. Советская же сборная, как мы помним, лишь недавно возродилась. В-третьих, отношения между СССР и ФРГ оставались натянутыми. Как раз в 1955 г. Германия вступила в НАТО, причем как будто в издевку над СССР – в День Победы. В ответ буквально через несколько дней между Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией был подписан Варшавский договор.

И несмотря ни на что, инициатива проведения «матча века», как назовут потом эту встречу, принадлежала СССР. На сохранившихся фотографиях видно, что 21 августа стадион «Динамо» был, что называется, переполнен. Как написал тогда журнал «Огонек»: «Здесь собрались гости разных частей света. Немцы из Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии в костюмах из легкой шерсти, в ярких спортивных джемперах, в рубашках, перекрещенных ремнями фотоаппаратов и биноклей, в непривычных нашему глазу коротких штанишках и тирольских шапочках; индийцы – многие в чалмах и национальных костюмах; аравийцы в просторных одеждах белее снега; китайцы, перекинувшие через руку синие форменные куртки; величавые темнолицые сирийцы, светловолосые поляки, англичане, корейцы, американцы – многие народы были представлены здесь своими «болельщиками». И едва ли можно было найти на стадионе человека, который бы не чувствовал, что присутствует при чем-то очень хорошем, очень правильном, очень значительном».

Интересно, что и Германия отнеслась к приглашению сыграть в Москве чрезвычайно серьезно. История о том, как Германия готовилась к футбольному матчу с СССР, разрушает построения отечественных мифотворцев, убежденных, что политика и спорт переплетались только в Советском Союзе. Решение о поездке в Москву принималось в Бонне на самом высоком уровне. Тем более что вместе с футболистами приглашение в Москву получил и бундесканцлер Конрад Аденауэр.

Чемпионы мира, немцы в те годы получали множество предложений. Всем хотелось сыграть с лучшей командой планеты. Однако график у немецких футболистов был настолько плотным, что из штаб-квартиры Немецкого футбольного союза (ДФБ) во Франкфурте то и дело отвечали: «Сожалеем, но в течение ближайшего года у сборной нет свободных дней». После приглашения из Москвы, полученного в июне 1955 г., через двое

суток было собрано заседание совета ДФБ. У немцев были свои соображения. Во-первых, июль для немецких футболистов – время каникул, а в Москву звали приехать именно в июле. Во-вторых, в СССР все еще оставалось немало немецких военнопленных, а вот дипломатические отношения напрочь отсутствовали.

Но в Бонне решили, что приглашение необходимо принять, и руководству СССР сообщили о согласии провести игру в середине августа. Немцы немедленно стали готовиться к предстоящему поединку. Начало сезона в оберлигах перенесли, с игроками, находившимися в отпусках, связались и объяснили необходимость начать тренировки. Долго не могли найти объяснения поразившей большинство немецкой команды эпидемии гепатита. Наконец выяснилось, что на прошлогоднем чемпионате врач, делавший игрокам уколы, использовал один и тот же шприц, в результате чего один болевший в то время игрок заразил невольно всю команду.

Когда речь зашла об отъезде, выяснилось, что в Москву собрались не только футболисты, но и отряд журналистов и, главное, толпа болельщиков. Однако Советский Союз не рассчитывал на такое количество гостей, и болельщикам было отказано в гостеприимстве. Тогда желающим смотреть предстоящий матч пришлось оформлять туристические поездки. Отправиться в СССР хотели не только западные, но и восточные немцы, почему это турне и назвали тогда «общенемецким».

Капитан сборной ФРГ Фриц Вальтер вспоминал впоследствии: «Мы были очень горды тем, что нам довелось участвовать в подобном событии. Прежде всего игра имела для нас чисто спортивный интерес, поскольку никто из нас не имел ни малейшего представления о советском футболе. Но и сама по себе поездка была довольно ответственной. Не то чтобы мы боялись: ведь после окончания войны прошло уже десять лет. Но такого дружеского приема, честно сказать, не ожидали. Атмосфера на стадионе «Динамо» была просто потрясающей! Было и много другого, о чем приятно вспоминать. Каждый из нас, выйдя на поле, получил по огромному букету цветов, чем мы, естественно, были очень тронуты. Никогда не забыть мне и встречи с Игорем Нетто. Мы были капитанами команд, а в игре действовали как раз друг против друга. С того дня я стал глубоко уважать Игоря и как футболиста, и как человека. Впоследствии мы встречались еще неоднократно.

Играли мы в общем-то неплохо. Я сделал счет 1:1 – Огоньков потерял мяч, и Лев Яшин не смог его ошибку исправить. В другом эпизоде мне удалось сделать острый пас Хельмуту Рану, который забил еще один гол, но арбитр Линг не засчитал его, поскольку

на противоположном фланге один из наших игроков находился в офсайде. Полагаю, игра доставила много удовольствия зрителям, и не думаю, что поражение покрыло нас позором.

На следующий после игры день мы посмотрели Москву, зашли в ГУМ. Впервые в жизни я купил икру. Когда мы уже вернулись домой, мне как-то позвонил мой партнер Хорст Эккель и сказал, что икра ему не пришлась по вкусу. Тогда я попросил его принести оставшуюся часть продукта на ближайшую тренировку, потому что со дня матча в Москве икра стала одним из моих самых любимых блюд…»

В книге «Это футбол» (1974) Игорь Нетто написал о том матче: «Может быть, он и не имел такого уж большого спортивного значения, так как не шел в зачет крупных, официальных соревнований. Но в историю международного футбола он вошел. И в мою личную биографию футболиста тоже.

Вероятно, наши команды были равны по классу. Мы ни в чем не уступали чемпионам мира в этом матче. Наоборот, превзошли их в физической подготовке и оказались более волевыми…»

Эдуард Стрельцов тоже наблюдал за игрой, но только… со скамейки запасных. Он писал, что приболел тогда, и тренеры не выпустили его на поле. Спустя годы А.П. Нилин уточнит, что же в действительности смутило тренеров – болезнь Стрельцова была довольно пикантного характера. Конечно, об этом можно было бы и вовсе не упоминать. Но в контексте нашего повествования это обстоятельство имеет значение и несколько колеблет образ Эдика Стрельцова как застенчивого и скромного юноши.

Врач команды «Торпедо» С.Ф. Егоров в 1958 г. расскажет, что после того как Стрельцова взяли в сборную, после того как он побывал за границей, центрфорвард очень переменился. Он действительно продемонстрировал прекрасные способности, вкусил славы и… – опять это слово! – зазнался. Егоров считал, что Стрельцов уже тогда становился высокомерен, хотя бы потому, что отовсюду восемнадцатилетнему парню внушали, какой он незаменимый игрок. Об этом писали газеты, говорили тренеры, кричали болельщики. Тренер сборной СССР Г.Д. Качалин, бывавший у Стрельцова дома, убеждал Софью Фроловну, что «Эдика надо беречь, создавать ему необходимые условия, так как он незаменимый игрок для Советского Союза». А Софья Фроловна, в свою очередь, заявила Егорову, что без Эдика «Торпедо» все равно не обойдется, так что следует ему поклониться.

Расскажет Егоров и о той самой пикантной болезни Стрельцова, полученной, кстати, в компании «девушек с пониженной социальной ответственностью», а также

«спартаковцев, смелых бойцов» Огонькова и Татушина. С этой болезнью Стрельцов обращался к какому-то частному врачу на Арбате, заплатив 600 рублей. Но долечиваться пришлось в 65-й поликлинике Пролетарского района Москвы. Причем лечение осложнялось тем, что Стрельцов начал пить. И Стрельцов подтвердит, что так и было. Все, кто знал его в те годы, дружно указывают на пагубное влияние Михаила Огонькова – приятеля по сборной СССР. За Огоньковым ходила дурная слава, на его счету – постоянные выпивки, драки, проститутки. Начальник футбольной сборной «Спартака», за который играл Огоньков, отзывался об Огонькове как об очень талантливом игроке, сделавшем отличную карьеру, но потерявшем голову от свалившейся на него славы и того финансового благополучия, которое давал большой футбол даже в советские времена. В совокупности с семиклассным образованием и отсутствием культуры это действовало на личность разрушительно.

Пьянство среди футболистов было делом распространенным в те годы. И несмотря на то что каралось подобное нарушение режима и дисквалификацией, и отстранением от поездок за границу, добиться отказа футболистов от спиртного не удавалось. Огоньков то и дело оказывался втянутым в какие-то трагикомические истории. Например, в 1955 г. он в числе других игроков «Спартака» побывал на квартире у каких-то киевских проституток. К продажной любви в те годы закон относился не так, как сегодня. А потому спустя некоторое время футболистам пришлось держать ответ в прокуратуре. Тогда же с их слов и выяснилось, что на квартире у проституток они провели несколько часов за чаепитием.

Словом, многие тогда говорили Стрельцову, что Огоньков – неподходящая компания. Но разве кто-нибудь и когда-нибудь прислушивается к таким советам?

Любопытно, что мифотворцы пытаются создать из Стрельцова едва ли не диссидента, приписывая ему какое-то особенное чувство свободы, совершенно не вписывавшееся в среду и время и обрекавшее Стрельцова на несчастья. Мы еще увидим, насколько смехотворно это утверждение, а пока отметим, что отсутствие дисциплины в спорте, армии, учебе, на службе не приветствовалось нигде и никогда. И нет в мире такой страны, где за несоблюдение правил и законов объявляют благодарность или хотя бы не наказывают. Почему СССР должен стать исключением в этом ряду, непонятно. И вовсе не травлей и не чьими-то происками объясняется недовольство поведением Стрельцова, а как раз-таки самим поведением. Мы помним две желтые карточки, полученные центрфорвардом «Торпедо» за

сезон чемпионата СССР 1954 г. За сезон 1955 г. «Торпедо» перемещается с 9-го на 4-е место. Стрельцов оказывается лучшим бомбардиром с шестнадцатью голами и… с четырьмя желтыми карточками – каждый раз за грубую игру и даже за попытку ударить игрока по лицу. Кроме него, в команде только Иванов заработал одну желтую и одну красную карточки. Можно, конечно, сказать, что все это пустяки. Но нельзя не отметить закономерности: чем лучше Стрельцов играет, чем в большую входит силу, тем грубее и развязнее ведет себя на поле. И снова остается только удивляться современным поклонникам Стрельцова, чья вера в непогрешимость своего кумира делает их похожими на сектантов. В наши дни вокруг Стрельцова действительно образовалось нечто вроде секты, создавшей культ Стрельцова и вероучение о клевете и травле, организованных против него. Вероучение, естественно, разбивается о факты. Но когда факты и логика останавливали сектантов? Так же и в нашем случае. Например, 4 октября 1955 г. «Торпедо» играло в Куйбышеве с местными «Крыльями Советов». Игра шла достаточно напряженно, и хозяева поля не уступали столичным гостям. Только на восемьдесят пятой минуте Стрельцов наконец открыл счет. Со счетом 1:0 игра и закончилась. Однако именно во время этой игры Стрельцов получил очередную свою желтую карточку «за попытку ударить Кузина рукой в лицо». 6 октября в «Советском спорте» появилась заметка куйбышевского журналиста Н. Пшенина, отметившего, что «состязание, проходившее в упорной спортивной борьбе, к сожалению, было омрачено недостойными выходками игрока «Торпедо» Стрельцова, который вел себя неспортивно и неоднократно вступал в пререкания с судьей».

Если посмотреть мировую статистику, то подобные истории время от времени случаются с разными игроками. Как мы видели, Стрельцов и в 1954 г., едва придя в «Торпедо», уже отличился буйным нравом и недисциплинированностью. Но создатели его культа утверждают, что этого быть не могло. Из троих судей, судивших игру в Куйбышеве, двое оказались местными, один – из Алма-Аты. Значит, арбитраж должен был быть пристрастным. Нас уверяют, что не стоит считать выходкой эмоциональное несогласие с решением судьи. Но вообще-то, по правилам, именно протест против решений судьи наказывается предупреждением или желтой карточкой. Нам возражают: ну не ударил же он никого, не покалечил! Не ударил. Хотя и пытался. А вот если бы ударил или покалечил, то опять же, по правилам, заслуживал бы не предупреждения, а удаления с поля, то есть красной карточки. Тогда нам приводят совсем убийственный

аргумент. Оказывается, А.Т. Вартанян в «Летописи советского футбола», публиковавшейся в газете «Спорт-экспресс» за 2011–2016 гг., уличил Н. Пшенина не то в ошибке, не то в бессовестной клевете на другого игрока – Сергея Сальникова. Это произошло во время другого матча, и тогда же инцидент был разобран, и Пшенина наказали. Но на этом основании нам предлагают не верить журналисту. Значит, судье мы не должны верить, потому что он местный, журналисту – потому что когда-то он не то солгал, не то ошибся (кстати, зачем бы после взыскания он повторял былые промахи?..). А как же другие журналисты и судьи? Оказывается, стоит задуматься: а не началась ли в Куйбышеве та самая культовая травля Стрельцова? Так ведь и раньше получал он предупреждения; случалось, и поругивали его в прессе. Но нас пытаются убедить: разумнее не верить всей стране, чем допустить, что Стрельцов зазнался и грубил на поле.

Но в 55-м на выходки Стрельцова смотрели сквозь пальцы, очевидно, надеясь на исправление молодого нападающего. Тем более впереди ждала Олимпиада в Мельбурне, и к ноябрю 1956 г. нужно было достичь лучшей своей формы. Новый год обещал быть очень насыщенным: кроме Олимпиады, предстояло участвовать в Спартакиаде, а также в товарищеских матчах за сборную и в чемпионате СССР за «Торпедо».

В Спартакиаде, проходившей в Москве со 2 по 16 августа, сборная СССР значилась как сборная Москвы. Фактически так и было: все игроки играли за московские клубы. В финале сборная Москвы выиграла у сборной Грузинской ССР. Стрельцов вспоминал, что играл тогда раскованно, в хорошем настроении. Сомнений в победе не было, хотя украинская и грузинская команды считались довольно сильными. Проходила Спартакиада в основном на новом московском стадионе «Лужники», который открылся 31 июля и в строительстве которого футболисты принимали участие. Сама идея проведения Спартакиады накануне Олимпийских игр оказалась очень правильной – короткий турнир стал хорошей разминкой для спортсменов.

Но до Мельбурна предстояло еще несколько интересных встреч. 15 сентября сборная выступила в Ганновере на матче-реванше против команды ФРГ. Честно говоря, читая сегодня воспоминания отечественных знатоков футбола о той (да и не только!) встрече, поражаешься обилию яда в адрес любого, кто смел критиковать игру наших футболистов. Достается и тренерам, и особенно футбольному руководству. Но задача любого тренера – добиваться от каждого игрока максимальной отдачи. Кто, как не тренер, знает возможности своих подопечных, а потому естественно, что играющий не в полную силу футболист

вызывает недовольство наставника. Кроме критики, были и восторженные отзывы. Немцы не видели игру Стрельцова в Москве, но уже были наслышаны о его необыкновенных способностях. Оказывается, в Германии о советском 19-летнем форварде рассказывали какие-то чудесные истории. Тренер немецкой сборной Зепп Гербергер выставил против Стрельцова самого опытного защитника Юппа Посипала. Но Посипал не справился с поставленной задачей, оказавшись не в состоянии предугадать, что намерен делать его оппонент. После такого поражения «беднягу» Посипала больше не брали в сборную.

Игре в Ганновере придавалось не меньшее значение, чем игре со сборной ФРГ в Москве. Как нарочно, накануне футбольных встреч отношения стран обострились. Если перед встречей в Москве ФРГ вступила в НАТО, то в канун матча в Ганновере 17 августа Германия запретила коммунистическую партию (судебный процесс против КПГ длился с ноября 1954 г.). Конечно, этот шаг расценивался в СССР как недружественный, потому и к футболу не получалось относиться исключительно как к спорту. И не зря тренер сборной Г.Д. Качалин говорил потом, что «играть и выиграть – это означало помочь нашим друзьям, которые ушли в подполье».

> СТРЕЛЬЦОВ ОБЛАДАЛ ВСЕМИ НЕОБХОДИМЫМИ КАЧЕСТВАМИ: СКОРОСТЬЮ, АТЛЕТИЗМОМ, СПОСОБНОСТЬЮ БЫСТРО ОЦЕНИВАТЬ ОБСТАНОВКУ И ТАК ЖЕ БЫСТРО ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ, ОСОБОЙ ИНТУИЦИЕЙ И ОСОБЫЙ «ФУТБОЛЬНЫМ УМОМ».

И все же никаких выяснений отношений ни на поле, ни на трибунах не случилось. После поражения в Москве немцы тоже были настроены на выигрыш. Газеты напоминали читателям, что советская сборная на встрече 31 июля с командой Израиля в Тель-Авиве выглядела довольно скромно, выиграв у не самой сильной сборной со счетом 2:1. В то же время немецкие футболисты провели успешную встречу с командой Норвегии, вничью сыграли со шведами. «Несмотря на отличную форму сборной СССР и ее непобедимость в течение ряда лет, – призывали немецкие журналисты, – только не бояться русских!» Вспоминая сегодня эту фразу, многие отмечают, как забавно она звучит в наши дни. В том смысле, что подобный лозунг, брошенный ныне, вызовет в Германии разве что улыбку или недоумение.

А тогда спортивный обозреватель Гофманн уверял: «Победа над столь высокоценимыми советскими футболистами может вернуть немецкой команде уверенность в своих силах, которую она потеряла в мрачные месяцы после поражений чемпионата

мира».

К сожалению для немецких и к радости советских болельщиков, игра закончилась со счетом 1:2 – сборная СССР выиграла у сборной ФРГ. Стрельцов, не игравший с немцами в Москве, словно хотел наверстать упущенное, уже на третьей минуте открыв счет. В советских СМИ наперебой хвалили центрфорварда: «Советские футболисты на сей раз играли более уверенно. Этому способствовало и то обстоятельство, что в самом начале игры Э. Стрельцов забил мяч, который ободряюще подействовал на наших футболистов и внес некоторую нервозность в игру хозяев поля…» («Огонек»); «Советской команде пришлось вести атаки через центр, где выделялся своей активностью Стрельцов <…> Лучше обычного сыграл на этот раз Стрельцов…» («Спортивные игры»).

Впрочем, пишут о Стрельцове не только в связи с товарищескими матчами сборной СССР. Игры внутреннего чемпионата пресса не оставляет без внимания. И Стрельцов упоминается едва ли не после каждой игры. Причем центрального нападающего как хвалят, так и поругивают. Казалось бы, ничего удивительного. Вполне естественно, что к центральному нападающему и требования, и внимание выше. Этот игрок всегда, что называется, на острие атаки. Он – главная угроза воротам противника. Его задача – забивать голы, наносить удары по воротам после атаки по центру поля или высокого паса с фланга. Он всегда словно выдвинут вперед, ему надлежит и открывать зону для удара по воротам, и быть помехой для обороны соперника. Центральный нападающий завершает атаку своей команды, для этого ему необходимо обладать хорошей скоростью, подвижностью, высокой техничностью. От центрального нападающего ждут, чтобы он постоянно атаковал, а в случае потери мяча преследовал соперника, дабы вернуть мяч. Стрельцов обладал всеми необходимыми качествами: скоростью, атлетизмом, способностью быстро оценивать обстановку и так же быстро принимать решения, особой интуицией и особым «футбольным умом», умение точно определить, на кого сделать пас и как нанести удар по воротам, чтобы сбить вратаря с толку, – все это было присуще ему. Но… Но многие отмечали, что играет он неровно, что не отдается игре полностью, что порой ленится и склонен играть по настроению. Даже тренер сборной Г.Д. Качалин написал о своем подопечном: «Старается Стрельцов – он инициативен, стремителен, его рывки вперед мощны и опасны. Но этот молодой растущий футболист играет по настроению, со срывами. В отчетной встрече он также злоупотреблял обводкой, медлил с передачей мяча, когда его партнеры были открыты.

Особенно нехорошее впечатление оставляет то, что Стрельцов, если у него отобрали мяч, выключается из игры, становится наблюдателем того, как товарищи стремятся исправить его ошибку. Это вредная привычка, особенно для игрока, входящего в сборную страны…» («Советский спорт», 19 мая 1956 г.). В том же «Советском спорте» 21 августа 1956 г. по поводу игры между московскими командами «Динамо» и «Торпедо» И.В. Бару так отозвался об игре Стрельцова: «У торпедовцев хочется сказать о Стрельцове, который провел этот матч (особенно вторую его половину) достаточно энергично и осмотрительно. Он, как правило, переигрывал Крыжевского. Однако я все же склонен согласиться с оценкой Г. Федотова. «Футболист божьей милостью, – говорит он о Стрельцове, – но ленив, нет полной отдачи в игре…» Стрельцову об этом напоминали неоднократно…»

Если полистать «Советский спорт», «Футбол», «Спортивные игры», да и любые другие спортивные издания тех лет, можно убедиться: ничего особенного в такой критике нет, хвалили и критиковали разных спортсменов. И Стрельцов здесь не исключение, даже учитывая, что он как центральный нападающий действительно оказывался в центре игры, а значит, и в центре внимания. Разбор матча – абсолютно нормальная практика для любой команды в любой части света. Но мифотворцы и создатели культа Стрельцова возмущаются любым замечанием в адрес своего кумира, каким бы справедливым оно ни было, видя в каждом упреке или журьбе каплю из лавины травли. А как быть с предупреждениями, полученными Стрельцовым в играх за «Торпедо»? То за умышленное наступание противнику на ногу, то за удар лежащего противника ногой? Тоже списать на местечковый патриотизм и злоумышления судей да журналистов? Или, как пытаются нас убедить, замечали только Стрельцова, пытавшегося дать сдачи?

Сегодня можно было бы и не вспоминать об этом. Но мифы заслоняют настоящего Стрельцова. По-своему интересного, спорного, в чем-то простого и прямолинейного, а в чем-то, напротив, сложного и непонятного. Но в любом случае реальный человек со всеми своими недостатками, ошибками и промахами всегда интереснее и важнее, чем выдуманный, лакированный образ.

Не только победы были в 1956 г. Не говоря о внутреннем чемпионате – «Торпедо» в 1956 г. оказалось на пятой строчке, были поражения и в товарищеских матчах сборной. Так, 0:1 проиграли Венгрии в «Лужниках» и 1:2 Франции на стадионе «Yves-du-Manoir» в Коломбе. Французов привел в восхищение Лев

Яшин, получивший от них прозвище «черт». Газеты наперебой расхваливали советского голкипера, а «Le Franc-Tireur» написала, что победа Франции была бы более убедительной, «если бы не исключительное мастерство русского вратаря».

Кстати, по поводу игры с Венгрией тоже не обходится без мифов, нелепость которых просто очевидна. Так, бытует мнение, что матч с Венгрией был осложнен политикой. Советские футболисты как часть империи, подавляющей свободу братьев по социалистическому лагерю, чувствовали себя неловко. Да вот только пресловутый матч в «Лужниках» состоялся 23 сентября. А «душить свободолюбивый венгерский народ» Советский Союз приступил ровно через месяц. Так что не могло быть неловкости. Да и насчет свободы… Сегодня как минимум странно называть фашистский реванш, спровоцированный натовской спецоперацией и обернувшийся в Венгрии 56-го кровавой резней, борьбой за свободу.

Что касается обидных поражений, их называют «первыми после восстановления сборной СССР в 1954 г.». Правда, собравшись сначала как сборная Москвы, новая команда проиграла Болгарии и Польше. Но будем считать, что сборная СССР состоялась на стадионе «Динамо» на матче со Швецией со счетом 7:0.

Конечно, хочется все время выигрывать. Но когда впереди Олимпиада, товарищеский матч не кажется таким уж важным событием. Перед Мельбурном сборная провела игру в Ташкенте, выиграв у местного «Пахтакора» 11:1. А 15 ноября уже играла с командой Австралии на стадионе «Melbourne Showgrounds», одержав победу 15:1. Эдуард Анатольевич вспоминал, что летели на Олимпиаду «как стрела из лука – в цель. Иначе и не выиграли бы. Хотя объективно: команда наша – самая, пожалуй, сильная была из всех, участвовавших в турнире». В Москве осталась его ждать Алла, с которой они встречались весь год и которой он успел сделать предложение. Ей было всего 19 лет, и она робко, но запротестовала. Он сказал только: «Вот вернусь – и все-таки будет свадьба». И уехал в Австралию.

Футболистам предстояло провести пять игр. Анатолий Исаев вспоминал, что перед поездкой в Австралию игроков и тренеров пригласил к себе председатель Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР Николай Романов и с каждого взял клятву выиграть все матчи в Мельбурне. Поскольку клятва была дана, приходилось держать свое слово.

В первой игре соперником сборной СССР стала объединенная сборная Германии. Это была не та команда, с которой играли в Москве, а потом в Ганновере. Однако не менее сильная и

слаженная. Немцы, избравшие оборонительную тактику, не давали проводить скоростные атаки по флангам. Инициативу отдали советской сборной, сами только контратаковали. Но такая вязкая игра, по свидетельству футболистов, может измотать нападающих сильнее, чем любая другая. Но в итоге вышло так, что немцы измотали сами себя. Первый гол был забит Исаевым, второй – Стрельцовым, протаранившим немецкую оборону. Эдуард Анатольевич рассказывал, что опекавший его защитник настолько переутомился, что просто выпустил советского нападающего из внимания. Вот тут-то в ворота сборной Германии Стрельцов отправил второй мяч. Выиграли 2:1, но вымотались изрядно.

Второй и третий матчи были со сборной Индонезии. Казалось, можно расслабиться. Но не тут-то было. Первая игра закончилась со счетом 0:0. Валентин Иванов вспоминал, что это был какой-то кошмар. Наблюдая за игрой со скамейки запасных, он устал больше, чем в игре с немцами на поле. И это вместо легкой и быстрой победы, в которой никто не сомневался. После этой встречи в гостинице устроили совещание, на котором в течение четырех часов обсуждали, как быть дальше. Со Львом Яшиным был нервный срыв, он задумался даже об уходе из спорта. Вероятно, так подействовал на вратаря один эпизод. Буквально за несколько минут до финального свистка индонезийцы, измотавшие противника, вдруг активизировались. И центральный нападающий индонезийской команды едва не забил гол в ворота Яшина. Как сказал потом Алексей Парамонов: «Ехать за тридевять земель, чтобы, на потеху публике, уступить сборной Индонезии, – это было бы уж слишком…» Ведь сборная Индонезии в отличие от сборной СССР не считалась сильной командой. Несмотря на то что повторную игру с Индонезией удалось выиграть 4:0, советские футболисты возвращались в раздевалку измученными.

Предстоял полуфинал с болгарами. А тут – новые трудности. Правый защитник Николай Тищенко сломал ключицу. Лев Яшин говорил, что кость у него просто выпирала из-под майки. Но уйти с поля он не захотел – заменять травмированных игроков было нельзя. Врач привязал ему руку к телу, и так он отправился доигрывать. Через некоторое время получил травму колена Валентин Иванов. Но тоже не ушел с поля. С хромым и безруким, однако, выиграли 2:1. Игроки сборной Болгарии в прямом смысле слова расплакались – уходили с поля со слезами.

Наконец финал. Игра со сборной Югославии за золото Олимпийских игр. Накануне Г.Д. Качалин принял решение изменить состав команды, чтобы выпустить на поле отдохнувших

или не успевших устать игроков. Кроме того, поскольку Стрельцов, например, играл в связке с Ивановым, а Иванов, как мы помним, из-за травмы не мог выйти на последнюю игру, то торпедовскую пару тренер заменил на спартаковскую. В итоге Иванова, Стрельцова, Рыжкина сменили Симонян, Исаев и Ильин.

Стоит ли говорить о том, что поклонники Эдуарда Анатольевича уверены в злокозненности такой замены! Советская сборная выиграла у сильнейшей команды Югославии 1:0. Но, к сожалению, по тогдашним правилам олимпийские медали получали только те игроки, которые участвовали в последнем матче. То есть ни Иванов, ни Рыжкин, ни Стрельцов медалей не получили. Кто-то сегодня намекает на то, что виной всему – советское руководство. Но в действительности таковы были правила олимпийского движения. И пострадал не только Стрельцов, но и другие игроки сборной. Кстати, получивший медаль Никита Симонян хотел отдать ее Стрельцову, чье участие было, несомненно, более заметным и результативным на той Олимпиаде – голы в играх с Германией и Болгарией. Но Эдуард Анатольевич проявил подлинное благородство, сказав Симоняну: «Ты что, Палыч? Мне еще двадцати нет, на мой век побед хватит, а для тебя она наверняка последняя, так что носи и не переживай!» Симоняну уже исполнилось тридцать, и, конечно, рассчитывать на новые Олимпиады он не мог. Однако уже на борту «Грузии» он снова подошел с медалью к Стрельцову. Но тот просто обиделся, и Симонян понял, что больше возвращаться к этому не стоит.

Олимпиада, конечно, большой праздник. Но советские спортсмены смогли почувствовать это, только взойдя на палубу теплохода «Грузия», доставившего их из Австралии во Владивосток. В конце декабря 1956 г. «Грузию», вошедшую в порт Владивостока, встречали протяжными гудками корабли у причалов. Олимпийцев вышел встречать, наверное, весь город. И по дороге до Москвы к поезду приходили люди с гостинцами и подарками. Рассказывают, что какой-то заиндевевший дед вышел на сибирский полустанок, только чтобы дотронуться до Льва Яшина. Участник Великой Отечественной войны, борец, победитель в тяжелом весе Анатолий Парфенов скажет, что подобное видел только в 45-м…

Триумфом закончился 1956 год для советских олимпийцев, для футбольной сборной и лично для Эдуарда Стрельцова. Все складывалось просто чудесно, все получалось, и не беда, что не досталось золотой медали – в будущем он еще сможет проявить себя в полную силу и на чемпионатах, и на Олимпиадах…

Но мы должны не только порадоваться за Стрельцова,

«Торпедо» и нашу сборную, но и постараться представить себе, что могло происходить со взошедшей звездой отечественного футбола, восхищавшей болельщиков всего мира. В 1955 г. Эдуарду Стрельцову исполнилось 18 лет. Могли для этой неокрепшей психики пройти даром и такой стремительный взлет, и всестороннее внимание, и всеобщее обожание? Эдуард Анатольевич писал о тех годах: «Когда жизнь сразу резко изменилась, столько свалилось на меня нового и неожиданного, могла ли голова не закружиться – от одной только смены впечатлений. В такой ситуации остановись, подумай, оглянись. Но откуда же такая возможность? Все развивалось быстро, все вокруг меня менялось, но сам я, как мне казалось, не менялся. В худшую, я имею в виду, сторону. По-моему, я оставался прежним. Но когда смотрят на тебя со всех сторон, от одной неловкости, непривычности отношения к тебе можешь чего-то и не понять, в упор не рассмотреть. Слишком уж во многом надо было разобраться – и разобраться немедля…»

Конечно, никто и никогда не скажет о себе: «Как я изменился в худшую сторону!» Человек не замечает происходящих с ним перемен. Более того, люди меняются не сразу, не вдруг. И очень быстро привыкают к самим себе. Зато перемены видят и чувствуют окружающие. До Аллы Деменко, в ту пору – невесты Эдуарда Стрельцова, доносились какие-то отголоски, «что он вообще ведет себя неправильно». Но тогда она просто не придавала этому значения.

А ведь кроме славы появились немалые по тем временам деньги – за Олимпиаду, например, футболисты получили хорошую премию. Никита Симонян рассказывал: «Спорткомитет «раскошелился» на премию олимпийским чемпионам в размере двенадцати тысяч рублей. Тогда нам казалось, что это неплохо, ведь автомобиль «Москвич» стоил 16 тысяч…» Появились возможности, которыми обладали в те времена очень немногие. На характере нашего героя мы еще остановимся подробно, но даже не вникая в тонкости и перипетии, можно сказать, что подобные испытания ни для кого, пожалуй, не проходят бесследно. И не зря говорят, что не так страшно и сложно пройти огонь и воду, как медные трубы. Кстати, греческое слово «перипетия» означает внезапную перемену в судьбе, исчезновение удачи как следствие гнева богов из-за чрезмерной самоуверенности и неблагодарности человека за посланные дары. Крылатая богиня возмездия Немезида карала тех, кто нарушал общественный порядок, кто попирал мораль и преступал закон. Немезиду часто изображали с весами, на которых взвешивались людские деяния, а также с мечом или плетью, что

символизировало скорое и неотвратимое наказание.

Вспомним, как все начиналось для Стрельцова. Почти молниеносные перемены, переход из никому не ведомого «Фрезера» во взрослую команду высшего дивизиона, зачисление в сборную и поездка в сказочную Индию, знакомство с красавицей Аллой, прекрасная физическая форма и возможность играть, вместо того чтобы стоять у станка или заниматься другим малоинтересным делом. Всеобщая любовь, доходящая до поклонения, восторги прессы и достаток, особенно заметный на фоне вчерашней бедности. А еще победы в международных товарищеских матчах, в матчах чемпионата СССР и, конечно, на Олимпиаде в Мельбурне, после которой девятнадцатилетний Стрельцов получил звание Заслуженного мастера спорта (в 1957 г. только он да Валентин Иванов имели такое звание в команде «Торпедо»). И главное, чувство, что все удается, что забитые мячи становятся то решающими для исхода игры, то обращающими на себя внимание красотой и растущей техникой.

«Могла ли голова не закружиться?» – задавался вопросом Стрельцов. Нет, не могла. Голова действительно закружилась. И в этом не было ничего удивительного. И винить тоже было некого – просто так сложились обстоятельства.

Роковой год

Самое неприятное случится со Стрельцовым в 1958 г. Но весь предшествующий год с ним происходило так много странного, что обойти вниманием как сами происшествия, так и вызвавшие их психологические причины было бы неверно. Современный миф о Стрельцове крепко привязан к 1957 г. События того периода дали основания для умозаключений в духе Ярослава Гашека.

Едва советские олимпийцы вернулись в Москву, как были приглашены в Кремль на торжественное чествование. «Советский спорт» написал, что спортсмены-победители стали гостями на новогоднем балу в Большом Кремлевском дворце. Прибывших в Кремль ждали нарядная елка, Дед Мороз, угощение и даже танцы. В разгар вечера появился Н.С. Хрущев в сопровождении других руководителей страны и гостей из Китая. Начались поздравления и пожелания. И вот тут-то со Стрельцовым случилось нечто необыкновенное.

Утверждают, что на вечере к нему подошла Е.А. Фурцева, бывшая в то время секретарем ЦК КПСС и первым секретарем Московского горкома партии, и попросила познакомиться с дочерью. Миф о Стрельцове, появившийся годы спустя, берет свое начало из этого разговора. Дело в том, что выпивший Стрельцов отказался знакомиться со Светланой Фурцевой. Однако никаких точных данных на этот счет не существует. Со ссылкой друг на друга биографы Стрельцова утверждают, что такой разговор состоялся. Допустим. Но чего хотела Фурцева от Стрельцова? Светлана Фурцева родилась в мае 1942 г. В январе 1957 г. ей было четырнадцать с половиной лет. И что? Фурцева мечтала выдать четырнадцатилетнюю дочь, то есть ребенка, замуж за практически незнакомого парня? Не станет такая здравомыслящая женщина, какой была Екатерина Алексеевна, мечтать о замужестве четырнадцатилетней дочери – рановато еще. Что же остается? Свести несовершеннолетнюю дочь с футболистом – чего ради? Несложно представить, чем могут закончиться подобные отношения. А в те времена нравы были построже нынешних. Сомнительно, чтобы Фурцева смотрела на незнакомого ей Стрельцова как на жениха для дочери про запас – в этом тоже никакого смысла, да и многое может измениться за то время, пока дочь достигнет совершеннолетия. Словом, матримониальные претензии Фурцевой в данном случае просто нелепы и несолидны. Очень трудно вообразить, чтобы первый секретарь МГК КПСС бегала по Кремлю и отлавливала женихов для дочки-школьницы. В конце концов, дочь не перестарок и не

уродина – сама жениха найдет.

Самое разумное объяснение – Фурцева просто хотела сделать приятное девочке, познакомив ее с известным футболистом, к тому же симпатичным парнем, наверняка нравившимся Светлане. Познакомить ради самого факта знакомства. Ну или, возможно, ради автографа. И это при условии, что такой разговор действительно имел место. Что, между прочим, так и осталось недоказанным. Но слухи имеют свойство обрастать подробностями. А потому неподтвержденная история с Фурцевой получила продолжение. Якобы на просьбу о знакомстве Стрельцов провозгласил:

– Я свою Алку ни на кого не променяю!

По другой версии, он выразился резче, объявив матери, что лучше повесится, чем женится на такой <…>, как ее дочь. Что было дальше – неизвестно. И это обстоятельство, кстати, само по себе уже подозрительно, поскольку, оказавшись в щекотливом положении, Екатерина Алексеевна должна была как-то реагировать – что-то сказать, стушеваться, заплакать, выбежать из зала, рассмеяться, влепить обидчику пощечину и т. д. Но об этом история умалчивает, и умалчивает, скорее всего, потому, что у кого-то не хватило фантазии додумать реакцию Фурцевой. Так и провисла байка об оскорблении Стрельцовым Фурцевой, затаившей обиду. Зато вывод был сделан: после той встречи в Кремле Стрельцов оказался «в зоне особого внимания». К нему стали придираться, его начали наказывать и активнее порицать, устроили даже травлю в печати.

К Фурцевой мы еще вернемся, когда подробнее остановимся на мифе о Стрельцове и о различных версиях, выдвигаемых мифотворцами. Пока нам нужно предельно объективно рассмотреть события 1957 г. и убедиться, кто же был виноват в нападках на центрфорварда: тайные недоброжелатели или, может быть, кто-то еще.

Алла Деменко вспоминала, что в начале января, когда Эдуард уже вернулся из Мельбурна, они рассказали торпедовскому вратарю Альберту Денисенко, что собираются пожениться. И вскоре вся Автозаводская знала об их планах. Софья Фроловна пришла в ярость: все вокруг только и говорят, а мать родная слыхом не слыхивала! Так разобиделась Софья Фроловна, что даже поссорила молодых. Все, кто знал Эдуарда Стрельцова, все в голос утверждали: влияние на него матери было огромным. Врач команды «Торпедо» С.Ф. Егоров рассказывал, что, по его мнению, Стрельцова испортили во многом большие деньги. Он считает, что и на Софье Фроловне внезапно свалившееся благополучие сказалось не самым хорошим образом. Так, Егоров уверен, что

мать была против женитьбы Стрельцова, потому что Алла происходила из простой и малообеспеченной семьи. А Софье Фроловне было бы желательно породниться с людьми посолиднее. Егоров постоянно общался со всеми своими подопечными и не раз бывал дома у каждого игрока. Стрельцова, пожалуй, он опекал особо, тем более что к 1957 г. центральный нападающий «Торпедо» стал все больше выпивать и дебоширить, не ночевал дома, порывался уйти от матери.

Егоров провел с Софьей Фроловной не одну беседу, прежде чем убедил строптивую женщину, что сыну, особенно в его положении, было бы лучше жениться; что Алла Деменко – замечательная девушка, что они любят друг друга и что если не мешать им, они непременно будут счастливы. Наконец Софья Фроловна уступила и согласилась на женитьбу сына.

Алла всего этого не знала. Она объяснила себе исчезновение Эдика захватившим его «звездным гулянием» после Олимпиады. Жених действительно пропал надолго, и только в апреле на работу Алле (не поступив в институт, она работала на заводе «Стальмост» в отделе главного конструктора) вдруг позвонила Софья Фроловна и объявила, что Эдик хочет пойти с Аллой на балет на льду. В Москве как раз проходили гастроли Венского балета на льду. Дальше произошел примерно такой весьма показательный диалог:

Алла: А где же сам Эдик?

Софья Фроловна: Да вот он, рядом стоит.

Алла: Что же он, не может говорить?

Софья Фроловна: Даю, даю ему трубку!

Затем воцарилось молчание, нарушенное Аллой, сказавшей неизвестно кому, что согласна, и поинтересовавшейся, куда ехать. На что голос Эдика в трубке ответил: «Приезжай сначала к нам».

Алла отправилась на Автозаводскую, откуда они с объявившимся женихом поехали смотреть балет. Он, как и в детстве, не извинился за то, что, сделав предложение и получив согласие, пропал на три месяца. Но она и так уже все простила.

После этой встречи он снова уехал, и в следующий раз Алла увидела его только в мае. Вспоминая о тех временах, она признавалась, что вела себя легкомысленно, что будь она чуточку серьезнее, то поостереглась бы и не стала бы торопиться с замужеством. Стоило присмотреться к жениху, тем более что «слухи про него доходили неважные». Но она была влюблена и не хотела думать о неприятном.

Что же это за слухи? 7 марта 1957 г. в газете «Московский автозаводец» появился фельетон «Головокружение», посвященный Эдуарду Стрельцову, устроившему незадолго до того пьяный

дебош во Дворце культуры ЗИЛа. К слову, о Стрельцове, чье пристрастие к спиртному становилось все более заметным, корреспонденты «Московского автозаводца» уже не раз порывались написать. Но всякий раз руководство останавливало журналистов, как-то невнятно объясняя нежелание бороться с пьянством. Когда же фельетон все-таки вышел, реакции на него ни со стороны «Торпедо», ни со стороны героя публикации не последовало.

Конечно, поклонники Стрельцова скажут, что заговор уже плелся, травля набирала обороты, а потому и появился злосчастный фельетон. Однако жизнь ни тогда, ни сейчас не вращается вокруг одного человека. И борьба с пьянством в СССР велась (хоть, может быть, и безуспешно) по всей стране. Причем пресса играла далеко не самую последнюю роль в этой борьбе. В советской публицистике теме пьянства уделялось особое место. Почти в каждом издании, публиковавшем карикатуры, можно было найти изображения пьяниц с забавными подписями. Поэтому нет ничего удивительного, что сотрудники не самого крупного издания столицы тоже хотели включиться в антиалкогольную кампанию – на то они и журналисты. Тем более перед глазами всегда был подходящий пример. А в ту пору Стрельцов близко сошелся с Михаилом Огоньковым – игроком «Спартака» и коллегой по сборной. По свидетельству всех, кто знал Огонькова, влиял он на младшего приятеля не лучшим образом. Другой футболист сборной – Анатолий Исаев – в интервью «Советскому спорту» рассказывал, что «хорошо знал, как могут вести себя Эдик Стрельцов и Миша Огоньков даже после одной рюмки водки», поэтому был против, чтобы Борис Татушин проводил с ними свободное время. Значит, Огоньков дурно влиял на Стрельцова, вместе они дурно влияли на Татушина. Невольно задаешься вопросом: а кто испытал влияние всех троих? По воспоминаниям складывается впечатление, что Огоньков – главный злодей советского футбола, злой гений сборной СССР, где собрались не здоровые парни, а кисейные барышни, которых всей страной необходимо было ограждать от пагубы порока.

Кстати, старший тренер «Спартака» в 1955–1959 гг. Н.А. Гуляев подтвердил и головокружение игроков своей команды. Оказывается, «зазнался» не один Стрельцов: «после победы на XVI Олимпийских играх нескольким игрокам нашей команды <…> было присвоено звание Заслуженных мастеров спорта. Они были награждены орденами. Все это вскружило голову игрокам, и появилось большое зазнайство», – так отозвался Гуляев о спартаковцах, приятелях Стрельцова.

О совместном времяпрепровождении Стрельцова с Огоньковым наслышаны были многие. Как-то раз в 1957 г. к старшему тренеру «Торпедо» В.А. Маслову пришел Слава Метревели и рассказал, что к ним в заводское общежитие заявился пьяный, без ботинок Стрельцов и не желает идти домой. Обратились к Егорову, который поехал к Софье Фроловне выяснить, что там случилось. Егоров и раньше призывал Софью Фроловну не держать дома спиртного и не выставлять сыну бутылки. Видимо, она последовала совету врача, потому что, когда парочка друзей в компании неизвестной молодой дамы заявилась домой к Стрельцову и не нашла там желанного угощения, Эдик, осерчав на мать, в носках убежал из дома. Однако Огоньков со своей дамой не последовал за приятелем, а расположился на кровати Софьи Фроловны. Когда же явился Егоров и предложил Софье Фроловне выдворить непрошеных гостей, она испугалась, что Эдик может обидеться, и предпочла оставить все как есть. Огоньков потом объяснял свое поведение тем, что не мог оставить мать Стрельцова одну, после того как сам Эдик куда-то скрылся. Об этой навязчивой опеке Огонькова торпедовцы сообщили руководству «Спартака» в надежде, что воспитательная работа будет проведена. Однако они здорово ошибались.

Впрочем, и со Стрельцовым уже ничего не могли поделать. И когда к нему взывали, чтобы он изменился, то в ответ получали угрозу уйти в «Спартак», куда Стрельцова действительно приглашали. И завком, и партком, и райком комсомола и партии не раз и не два обсуждали поведение Стрельцова, его дружбу с Огоньковым и заметные уже всем последствия этого приятельства. Но Стрельцов, обычно молчавший на таких мероприятиях, как-то на завкоме заявил: «Отстаньте от меня, мне все это надоело, делайте со мной, что хотите». А хотели только одного: чтобы пить перестал.

Софья Фроловна утверждала, что много и часто Эдуард стал выпивать после Олимпийских игр 1956 г. Часто он возвращался домой среди ночи пьяным, на возмущение Софьи Фроловны отвечал, что выпивка его освежает.

Врач С.Ф. Егоров говорил потом, что всегда был против потакания игрокам. Скидки футболистам за непристойное, мягко говоря, поведение делались руководством в погоне за выигрышем. Тот, кто может добыть победу команде, оказывался, по сути, вне закона или над законом. А могла ли голова не закружиться от такого отношения? Представим: молодые парни, да к тому же без образования, но с немалыми по тем временам материальными возможностями, привыкшие, что любая выходка

сходит с рук… Не святые же они, чтобы оставаться невозмутимыми и безучастными. Удивительно другое: в наши дни взрослые люди совершенно серьезно, да еще с возмущением доказывают, что все, кто порицал Стрельцова за пьянки, драки и за дебоши, – все участвовали в какой-то хорошо спланированной гоньбе. Ругая Советский Союз, эти люди сами вобрали худшее, что было в то время, усвоив, что все равны, но некоторые равнее, что вся страна должна была нянчиться с теми, кто способен порадовать любителей футбола хорошей игрой. То есть добровольно стали продолжателями той линии, против которой С.Ф. Егоров выступал уже в пятидесятые годы.

Возвращаясь в 1957 г., отметим, что вскоре после фельетона в «Московском автозаводце» Стрельцов создал новый информационный повод, о котором узнали уже не только на ЗИЛе. 11 апреля на одесском стадионе «Пищевик» во время матча московского «Торпедо» с минским «Спартаком» центральный нападающий «Торпедо» Эдуард Стрельцов получил предупреждение за неэтичное поведение, выразившееся в замахе ногой на А. Иванова, и удаление за умышленный удар по колену В. Артемова – последовательно желтую и красную карточки. С этого момента, по мнению современных поклонников Стрельцова, против их кумира пошла открытая травля. Реакция прессы, освещавшей вообще-то все заметные спортивные соревнования, включая чемпионат СССР, была закономерной и предсказуемой. Да, Стрельцов забил гол, но за безобразное поведение был удален с поля. Но сегодня нас пытаются убедить, что такая реакция не является нормальной, что пресса повиновалась некоему кличу «Ату его!», брошенному, конечно же, властью не без стараний Е.А. Фурцевой. Никаких фактов, что такой клич действительно существовал, что Фурцева имела к нему отношение, ни, как мы уже выяснили, что была какая-то пьяная выходка со стороны Стрельцова в адрес Фурцевой, в природе не существует. Однако поклонники Стрельцова уверены: удаление с поля за травмирование противника и осуждение в прессе грубой игры центрального нападающего высшей лиги страны – это результат умышленной травли.

Но обо всем по порядку. За что выдается желтая карточка, мы уже выяснили в первой главе. Посмотрим теперь, какие деяния игрока влекут его удаление с поля, другими словами, что нужно сделать, чтобы получить красную карточку. Игрок получает красную карточку в случае, если уже в течение игры получил от судьи две желтые карточки; если совершает так называемый фол последней надежды, то есть с помощью нарушения лишает соперника явной возможности забить гол; если бросается

сопернику под ноги и может его травмировать; если нанесена травма и вообще применена сила против игроков, зрителей или судьи или за плевок в сторону тех же лиц; если нанесено оскорбление сопернику или судье; если в своей штрафной была намеренная игра рукой. Что же сделал Стрельцов? В объяснительной записке судья М.Е. Шляпин, проведший с 1951 по 1966 г. сорок семь матчей, написал следующее: «На 14-й минуте первой половины игры между командами «Торпедо» (Москва) – «Спартак» (Минск) за нетактичное поведение, выразившееся в замахе на игрока № 3 «Спартака» т. Иванова, мной был предупрежден игрок № 9 «Торпедо» т. Стрельцов.

На 21-й минуте этой половины игры Стрельцов был удален с поля, причиной удаления было следующее: Стрельцов, идя с мячом в центр поля и видя, что его пытается атаковать игрок № 5 «Спартака» Артемов, пустил ногу поверх мяча на колено Артемова. В результате чего Артемов получил травму колена…

В перерыве я зашел в комнату врача, где Артемову оказывалась медицинская помощь, и выяснил, что у Артемова ушиб колена со ссадинами от шипов».

Можно себе представить эту ссадину, оставленную ногой центрального нападающего… Но нас уверяют, что судья Шляпин судил избирательно, нам пытаются внушить, что 1957 г., как и весь советский период, это время доброе и либеральное только к заплечных дел мастерам, профессионально делавшим свое черное дело. То есть судью Шляпина за удаление по правилам игры Стрельцова с поля называют профессиональным палачом. Можно ли назвать такую реакцию на футбол адекватной? Едва ли. Впрочем, нам предлагают объяснения. Оказывается, игроки минского «Спартака» тоже играли нечисто – толкались, дергали за футболки, орудовали локтями. В 1987 г., в разгар разоблачительной эйфории, в «Советском спорте» вышла статья Романа Ксирова «Трудное счастье Эдуарда Стрельцова». Не касаясь достоинств и недостатков статьи, приведем только воспоминания Н.Д. Угланова из Минска, предполагаемого автора книги «Грибы лесов Белоруссии» и страстного футбольного болельщика. Ксиров пишет, что познакомился с Углановым на стадионе «Торпедо» во время матча с минчанами. Видимо, Угланов специально приехал из Белоруссии поболеть за «своих». Об этом болельщике Ксиров отозвался как о ходячей футбольной энциклопедии. Предварив таким образом недоуменные вопросы насчет надежности и достоверности, настроив нужным образом читательское восприятие, автор привел слова этого чудо-болельщика: «Что со Стрельцовым на поле ни вытворяли защитники! – вспоминал Николай Дмитриевич. – Толкали,

цепляли, хватали за трусы, били по ногам, а он хоть бы что! Идет себе впереди – и мяч как приклеенный к ногам… Удивлялся я ему – будто без нервов; не отвечал никогда на грубость! Правда, однажды не выдержал… Могу и точную дату назвать – 11 апреля 1957 года. В Одессе на стадионе «Пищевик» торпедовцы Москвы играли с нашим, минским, «Спартаком» (теперешнее «Динамо»). Проиграл тогда «Спартак». Единственный, но красивый гол ему забил все тот же Стрельцов: ох как он обыграл двух защитников! И… А удар у него, сами знаете, был пушечный! Но спустя несколько минут допустил грубость – за товарища заступился, за Иванова. Того защитник «Спартака» Артемов локтем под дых ударил. Можно сказать, буквально нокаутировал. Ну а Стрельцов возьми да ответь Артемову… После того случая его на три игры дисквалифицировали…»

А теперь посмотрим, как передал этот рассказ А.Т. Вартанян в книге «Эдуард Стрельцов. Насильник или жертва?»: «Что со Стрельцовым на поле вытворяли защитники! Толкали, цепляли, хватали за трусы, били по ногам… Проиграл тогда «Спартак». Единственный, но красивый гол ему забил все тот же Стрельцов: ох, как он обыграл двух защитников! А удар у него, сами знаете, был пушечный! Но спустя несколько минут допустил грубость – за товарища заступился, за Иванова. Того защитник «Спартака» Артемов локтем под дых ударил. Можно сказать, буквально нокаутировал. Ну а Стрельцов возьми да ответь Артемову… После этого случая его на три игры дисквалифицировали».

Есть разница? Конечно! Ведь тот неведомый болельщик говорит вообще. По его наблюдениям, Стрельцова на разных играх задирали соперники – толкали, цепляли, хватали. И только однажды (!) Стрельцов не выдержал! Было это 11 апреля 1957 г. в Одессе, когда Стрельцов ответил не тем, кто лично его толкал, цеплял и хватал, а минскому защитнику за удар Валентину Иванову. А что же мы читаем у А.Т. Вартаняна? Из приведенного им отрывка следует, что защитники минского «Спартака» толкали, цепляли, хватали Стрельцова, а «заплечных дел мастер» Шляпин не обращал на это внимания. Когда же Стрельцов ответил толкавшим, цеплявшим и хватавшим, его немедленно удалили с поля. Именно так понимает читатель приведенные отрывки. И именно на такое восприятие все и рассчитано.

«Ай да болельщик!» – восклицают поклонники Стрельцова. Действительно, удивительный болельщик, видевший с трибун все поле в деталях и запомнивший виденное на всю жизнь. Высоко сижу, далеко гляжу… Остается только горьковский вопрос: «А был ли мальчик?» Существовал ли этот удивительный болельщик, с которым автор «Советского спорта» случайно познакомился

в 1987 г. на московском стадионе и который пролил столько света на неприятную историю вокруг Стрельцова? Ведь больше никаких упоминаний об этом человеке нет. За исключением авторства «Грибов лесов Белоруссии». А представьте, что другой корреспондент написал бы в любом другом издании примерно так: «В тот день я не собирался идти на стадион «Динамо», но позвонил заболевший приятель и с горечью сообщил, что пропадает билет. Чтобы не расстраивать друга, я пошел на матч. Играли «Динамо» с «Торпедо». День выдался дождливый, и на стадионе оказалось не так уж много народу. Да, – сказал вдруг мой сосед, симпатичный пожилой человек в сером плаще, укрывавшийся от дождя серебристым зонтиком, – а раньше, бывало, дождь не был помехой истинному болельщику. Вот как измельчали люди! Когда Эдик Стрельцов играл, народ валом валил, дождь – не дождь… Что уж говорить! Сильный был игрок, хотя и вел себя порой странновато. Мог ни с того ни с сего садануть соперника по колену. Я ведь был на том матче, все видел, все помню…» И что? Тоже верить прикажете? Такие чудесные болельщики с такими уместными и нужными воспоминаниями не вызывают особенного доверия как надежный источник информации.

К слову, Стрельцов, как мы могли убедиться, не был таким уж безответным игроком. На его счету предупреждений больше, чем у всех остальных игроков «Торпедо». Так что и огрызался он, и сдачу давал, и просто не всегда считал нужным сдерживаться.

В подтверждение воспоминаний Угланова приводят и слова Валентина Иванова, описавшего в книге «Центральный круг» (1973) похожую ситуацию. Правда, Валентин Козьмич пишет о матче с «Черноморцем», вышедшим в класс «А». Но ни в 1957-м, ни в 1956-м или 1955-м «Торпедо» не играло с «Черноморцем». Более того, в 1957 г. команда, получившая впоследствии название «Черноморец», именовалась ДСО «Пищевик». «Черноморцем» они стали с 1958 г., в класс «А» пробились только в 1964 г. Но, допустим, Валентин Козьмич запамятовал, с кем играл в 1957 г. Однако удар под дых наверняка запомнился надолго. Иванов пишет: «На поле ко мне приставили защитника – его фамилию я теперь уж и не припомню, – который совсем меня замучил. Стоило мне прикоснуться к мячу, как я получал сильнейший удар по ногам. А однажды, когда мы вдвоем подпрыгнули, пытаясь достать головой высокий мяч, он изо всех сил стукнул меня локтем в живот и угодил в солнечное сплетение. Некоторое время я не мог не то что подняться, но даже вздохнуть. В боксе это называется – нокаут. Подошел Стрельцов. Посмотрел на меня, на защитника.

– Сейчас я ему покажу, – и отошел.

Прошла минута, и оба они покинули поле. Стрельцова выгнал судья, защитника унесли…»

Иванов приводит этот пример не как иллюстрацию несправедливости, допущенной к Стрельцову, но в качестве характеристики Стрельцова-друга. Тому было 19 лет, а в таком возрасте, как подметил Иванов, «мы не всегда умеем верно оценивать свои и чужие поступки и обуздывать свои чувства». Стрельцов хотел заступиться за друга, но сделал это не лучшим образом и повел себя не очень умно, оставив команду играть вдесятером. Да и месть за друга оказалась неадекватной – Иванова-то не уносили с поля. Недозволенные приемы противника обходились без травм. Так с какой стати говорить об избирательной каре, о травле?

За нанесение травмы, как мы выяснили выше, игрока удаляют с поля. Что и произошло со Стрельцовым, намеренно разбившим сопернику колено. Возможно, минчане играли грубо. И возможно, грубили исподтишка, то есть не перед носом у судьи. Что, конечно, подло и некрасиво, но если судья не видит нарушений, он не сможет на них ответить. Когда же нарушение не просто явное, но еще и нарочитое, то почему судья не должен реагировать на него? Только потому, что Эдик хороший и ему еще нет двадцати лет?

В истории мирового футбола есть самые разные случаи с красными карточками. Например, в финале чемпионата мира 2006 г. на матче Италии и Франции судья показал капитану сборной Франции Зинедину Зидану красную карточку за то, что Зидан ударил головой в грудь итальянского защитника Марко Материцци в ответ на оскорбления. В итоге Италия выиграла тот чемпионат. Но мы знаем, что за оскорбление также полагается красная карточка, однако судья изгнал с поля только Зидана. Значит ли это, что против Зидана началась травля? Нет, это значит лишь то, что арбитр не всегда может быстро и досконально разобраться в происходящем на поле и отмечает явные, бросившиеся в глаза нарушения. Как быть, например, с «рукой Бога», дважды помогавшей Марадоне? Сначала в 1986 г. в матче с англичанами, когда аргентинец отправил мяч в ворота левым кулаком, а судья посчитал, что гол забит головой. Затем в игре со сборной СССР в 1990 г. Марадона подставил кулак под летящий мяч в ворота сборной Аргентины, и судья отказался фиксировать нарушение правил. Против кого велась травля в этих случаях и во многих других?

Но оказывается, что об удалении Стрельцова написали в газетах подробнее, чем писали обычно об удалениях других

игроков. Кроме того, Стрельцова за его поступок назвали «хулиганом», но главное – дисквалифицировали на три игры. А.Т. Вартанян пишет, что 23 апреля «Советский спорт» «радостно» оповестил об этом читателей. Понятно, что если оповещение прошло радостно, значит, редакция «Советского спорта» и все, кто стоял за изданием, испытывали удовлетворение. А испытывать удовлетворение они могли в том случае, если справились, например, с поставленной задачей – в данном случае затравили парня. Но, откровенно говоря, никакой особенной радости в той публикации не ощущается. Как равно и во всех прочих.

12 апреля, на другой день после той игры, «Физкультурник Белоруссии» написал: «Лучший игрок «Торпедо» Стрельцов минут за 15 до перерыва был удален из игры за грубость. Москвичи продолжали состязания вдесятером…»

13 апреля в «Советском спорте» в заметке «С грубостью пора кончать!» значилось: «Гол, забитый Стрельцовым, и решил исход встречи. Но можно ли назвать центрального нападающего торпедовцев, неоднократного участника сборной СССР героем матча? Нет! Через 20 минут Заслуженный мастер спорта Эдуард Стрельцов позволил себе безобразный поступок – ударил спартаковца Артемова, нанеся ему серьезную травму. Хулиган был удален с поля. И этот возмутительный поступок испортил впечатление от матча».

18 апреля в «Советском спорте» снова появляется материал о том матче. На сей раз в статье «К чему это барство?», написанной П. Хиджакадзе из Одессы, говорилось об обманутых ожиданиях одесситов: «Внимание многих тысяч зрителей было приковано прежде всего к двум олимпийцам – Заслуженным мастерам спорта Э. Стрельцову и В. Иванову, ибо они играли в Одессе впервые. И если капитан «Торпедо» Валентин Иванов оказался на высоте положения, играл с огоньком и принес много пользы своей команде, то Эдуард Стрельцов, хотя и забил единственный гол, своим поведением вряд ли может служить примером для спортсменов. Зрители увидели не футболиста высокого класса, а зазнавшегося барина, прогуливавшегося по полю в ожидании мяча, хулигана, попирающего нормы спортивного товарищества. За четверть часа пребывания на поле Стрельцов успел получить замечание судьи, а «под занавес» грубо сбил с ног полузащитника минчан, нанеся ему серьезную травму, и ударил еще одного спартаковца. Своим недопустимым поступком Стрельцов вызвал бурю негодования зрителей и оставил свою команду вдесятером почти на всю игру…»

Почему «барство»? Но мы же помним, его и раньше обвиняли, что играет не в полную силу, что ленится и часто простаивает.

Да, сам Стрельцов объяснял манеру своей игры, ссылаясь на плоскостопие. С этим дефектом непросто было весь матч проводить в движении. Но представим себе впечатления зрителей, много слышавших о Стрельцове и увидевших его впервые: вроде бы центрфорвард, а бегает мало, все больше стоит, да еще и дерется! Другие, значит, бегай, а он тумаки будет раздавать. И впрямь барин.

Наконец 23 апреля «Советский спорт» опубликовал решение Всесоюзной секции футбола: «Неспортивное поведение игрока московского «Торпедо» Эдуарда Стрельцова вызвало единодушное осуждение любителей футбола и спортивной общественности. Редакция «Советского спорта» получила много писем читателей, обвиняющих Стрельцова в зазнайстве и высокомерии. Члены Всесоюзной секции футбола также осудили неспортивный поступок футболиста. Сам Стрельцов признал несовместимость его поступка с высоким званием советского спортсмена. Всесоюзная секция футбола решила объявить Стрельцову строгий выговор и дисквалифицировала его на три игры».

Почему же Стрельцову уделили столько внимания? Во-первых, мы уже отмечали, что безропотным игроком он не был, регулярно и чаще других получая предупреждения за пререкания с судьями, грубую игру вплоть до битья лежащего соперника ногой. Кто-то удивляется: что же тогда его не удаляли с поля, не «песочили» в газетах? Но это неправда. С поля не удаляли, потому что обходилось без травм, а в газетах разное было, случалось, и поругивали. Словом, за Стрельцовым уже была репутация игрока грубого. Конечно, не Херардо Бедойя[2] с его сорока шестью удалениями, но для СССР 1950-х и регулярных предупреждений было достаточно, чтобы снискать славу не самого дисциплинированного футболиста.

Во-вторых, Стрельцов был игроком сборной страны, а потому интерес, внимание и требования к нему были повышенными. Хиджакадзе так и написал: «Внимание многих тысяч зрителей было приковано прежде всего к двум олимпийцам – Заслуженным мастерам спорта Э. Стрельцову и В. Иванову, ибо они играли в Одессе впервые». Представьте, что вы приходите посмотреть на игрока или артиста, о котором наслышаны и от которого ждете чудес. И вдруг оказывается, что восхищавший вас человек хамит и вообще ведет себя недостойно и некрасиво. Конечно, все впечатления от давно ожидаемой встречи сведутся к разочарованию. Кроме того, не будем забывать, что в советское время отношение к спорту было несколько иным, нежели сегодня. На спорт возлагалась педагогическая, воспитательная миссия. Спортсмены должны были быть эталоном, примером для

подражания. Конечно, практика подчас расходилась с теорией, но в идеале спорту предписывалось воспитывать в советских людях и чувство прекрасного, и патриотизм, и стремление к гармонии. Спортсменам надлежало быть своего рода образцом всестороннего развития. В чемпионах должны были сойтись физическое совершенство, духовное богатство, нравственная чистота. В те годы считалось, что спортсмен представляет не себя одного и даже не просто свою страну – спортсмен рассматривался как воплощение идеалов своей страны и нации. И не все могли выдержать напряжение этой миссии, поскольку требования соответствия были достаточно высоки, а сами идеалы труднодостижимы.

> В ЧЕМПИОНАХ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СОЙТИСЬ ФИЗИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО, ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО, НРАВСТВЕННАЯ ЧИСТОТА.

В-третьих, Стрельцов не просто кого-то пнул или толкнул в игре, он нанес травму, так что игрока после его нарочитого удара унесли с поля. Это все видели, и, возможно, только Николай Дмитриевич Угланов с высоты трибун не понял, в чем была штука. Потому и назвали Стрельцова «хулиганом», что на виду у всех он саданул Артемова по колену. Если это не хулиганство, то что же тогда? Да, потом стало известно, что таким неловким образом он заступился за друга. Но сначала-то об этом никто не знал. Особенно те, кто наблюдал за матчем со стороны. Для наблюдателей его поступок выглядел как хулиганская выходка. Да если бы и знали, то могли в лучшем случае лишь посочувствовать Иванову – оправдания поступку Стрельцова все равно бы не было. Его мотивы понятны, но методы неприемлемы. Материцци обложил всю женскую половину семьи Зидана, но это не спасло последнего от удаления, а сборную Франции – от поражения. Да и вообще в футболе случается разное. И кому как не его любителям не знать этого. Так зачем же сочинять мифы о взявшем на себя грехи советских людей Эдике Стрельцове?!

Сегодня пишут, что Секция футбола СССР сыграла якобы роль наемного убийцы, выполнила заказ недоброжелателей Стрельцова из партийных верхов, объявив ему строгий выговор и дисквалифицировав на три игры. Но никаких доказательств, что кто-то в партийных верхах требовал ради неясных целей такого решения, не существует. Более того, сразу после той злополучной игры 11 апреля состоялось общее собрание футбольной команды мастеров «Торпедо» – руководство команды закономерно отреагировало на происшествие. В протоколе собрания сказано, что присутствовали 30 человек, что докладчиком выступил

начальник команды и что «11 апреля 1957 года в календарной встрече по футболу между командами «Торпедо» (Москва) – «Спартак» (Минск) игрок команды «Торпедо» Стрельцов был удален с поля за проявленную грубость, выразившуюся в применении недозволенного приема (накладка)». Далее говорится, что, «несмотря на неоднократные грубые действия игроков команды «Спартак» (Минск) по отношению к Стрельцову и Иванову, тов. Стрельцов не должен был отвечать грубостью, зная заранее, что мог быть удален с поля и тем самым поставить коллектив в трудное положение».

Стрельцов сообщил о грубой игре соперника и просил дать возможность искупить свою вину. Выступали старший тренер В.А. Маслов и несколько игроков, предлагали дисквалифицировать Стрельцова на один матч условно. В итоге постановили: «1) Осудить неспортивное поведение тов. Стрельцова в данной игре и просить ДК Комитета по футболу дисквалифицировать на одну игру условно. 2) Игрокам команды сделать соответствующий вывод и в случае повторения такого проступка просить ДК Комитета по футболу о дисквалификации на более продолжительный срок».

Об этом случае узнала вся страна. И в первую очередь узнали на заводе ЗИЛ. Ответственный секретарь газеты «Московский автозаводец» Александр Новичков рассказывал, что заметка «С грубостью пора кончать!» впервые появилась в их газете и что написал ее начальник бюро кадров железнодорожного цеха завода (по другой версии, статью написал С. Левков из Одессы). И только потом заметку перепечатал «Советский спорт». Прослышав об обеих публикациях, пьяный Стрельцов, на сей раз в компании с Софроновым, снова устроил дебош до Дворце культуры ЗИЛа. Дошло до драки, Стрельцов сквернословил, кричал, грозился позвонить директору завода Крылову. Уже после этого поведение Стрельцова обсуждалось в Комитете по делам физкультуры и спорта.

Кстати, Новичков и другой сотрудник «Московского автозаводца» Владимир Устинов тоже присутствовали на том заседании Комитета. По мнению журналистов, обсуждение свелось к забалтыванию, поскольку ни о пьянках, ни о дебошах не было сказано ни слова. Представители команды уверяли, что Стрельцов раскаивается, очень переживает и уже исправляется. А спустя два дня газетчикам влетело от завкома за отсутствие заводского патриотизма. Ведь Стрельцов защищает честь завода, но если его обижать – например, газетными фельетонами, – он может и уйти в другую команду. Опять же, говорить о травле Стрельцова невозможно, потому что журналисты обращали свои

перья не против одного дебошира, были и другие футболисты, чье поведение осуждалось «Московским автозаводцем» и покрывалось руководством завода и команды.

> СМИ НАПЕРЕБОЙ ПИСАЛИ О СТРЕЛЬЦОВЕ, ЧТО ОН ОСОБЕННО ХОРОШО ДЕЙСТВУЕТ В НАПАДЕНИИ, ЧТО ВЗЯТЬ ЕГО МЯЧИ СОПЕРНИК НЕ МОЖЕТ, ЧТО ОН ВЫВОДИТ ИЗ РАВНОВЕСИЯ ИГРОКОВ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩЕЙ КОМАНДЫ.

Помимо боязни обидеть появилась и еще одна причина для прекращения обличений: 30 апреля «Советский спорт» опубликовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями спортсменов, тренеров и работников физической культуры и спорта». Награждены были многие олимпийцы, в том числе и Эдуард Стрельцов, получивший орден «Знак Почета». Думается, это помогло Стрельцову пережить последствия одесского казуса, да и дисквалификация не была продолжительной – 4 мая Стрельцов уже играет за «Торпедо» в городе Сталино (Донецк). А после игры с московским «Динамо» в День Победы «Советский спорт» уже отмечает игру Стрельцова как одного из лучших футболистов матча: «Зрители увидели интересную игру. Восторженно аплодировали они футболистам, показавшим большое спортивное мастерство. Эти аплодисменты заслужили Яшин, который спас ворота от нескольких, казалось бы, верных голов, Крыжевский, мастерски отбивавший мяч в падении, Стрельцов, несколько раз точно и остро передававший мяч партнерам, Б. Кузнецов, в акробатических прыжках отбивавший мяч «ножницами» через себя и благодаря этому выигрывавший единоборство с соперниками». А после матча в Ленинграде 14 мая с местным «Зенитом» СМИ наперебой писали о Стрельцове, что он особенно хорошо действует в нападении, что взять его мячи соперник не может, что он выводит из равновесия игроков противоборствующей команды, что он принадлежит к числу особенно опасных игроков. Словом, о недавнем происшествии все забыли.

Между тем руководство команды убеждало Софью Фроловну: Эдику надо жениться. Сама Софья Фроловна уверяла, что никогда ничего не имела против женитьбы сына на Алле Деменко. Но тренеры, врач – все в один голос говорят, что мать Стрельцова возражала против их свадьбы. Видимо, под давлением она уступила. И как вспоминала Алла, 17 мая они подали заявление, 21 мая расписались, а 25 была свадьба. О возражениях Софьи Фроловны знали те, кто имел возможность постоянно общаться с ней и с Эдуардом. Алла не могла поначалу знать об отношении к

их браку Софьи Фроловны. Напротив, ей казалось, что будущая свекровь ее любит и даже как будто караулит, зазывая к себе ночевать, когда сын уезжал. «Розочкой» называла Софья Фроловна будущую невестку.

Но не прошло и двух месяцев, как все розочки завяли. Поддавшись на уговоры торпедовского руководства, Софья Фроловна, очевидно, и впрямь рассчитывала, что жена будет иметь положительное влияние на сына и тем самым облегчит ей жизнь. Но Алла отнюдь не принадлежала к числу сильных и властных женщин. Скорее наоборот. «Мне казалось, – вспоминала она, – что Эдик должен быть как будто старше, что вроде я должна бы его слушаться». Но, кроме футбола, Эдик не мог ничего предложить, и слушаться его было невозможно. Просто потому, что слушать было нечего. Зато, почуяв прежнюю волю, отсутствие давления и требовательности со стороны нового члена семьи, Эдик расслабился и вернулся к привычной жизни. 9 июля он явился домой пьяным среди ночи, и молодая жена, не знавшая, как следует вести себя и уже порядком изведшаяся в ожидании загулявшего супруга, растерялась. Если бы Эдик извинился, наговорил бы всякого вздора, поцеловал ручку и преподнес да хоть букет ромашек, Алла наверняка бы успокоилась. Но, как мы помним, Эдик не умел просить прощения, особенно у женщины, и вместо слов примирения он, по словам Аллы, «так нагло улыбнулся», что супруга не выдержала и отвесила ему пощечину. Тут же выскочила Софья Фроловна, утратившая все иллюзии в отношении Аллы, и нет чтобы пристыдить сына, начинающего супружескую жизнь с загулов, набросилась на невестку. И когда Эдик с подсказки матушки понял, что все сделал правильно, а его обижают, он, по старой привычке, убежал из дома. Все-таки Алла догнала неразумного муженька, вымолила прощение, взяла обещание не задерживаться до ночи и вернула его домой. Но было уже поздно, потому что Софья Фроловна поняла, что продешевила, поддавшись на уговоры торпедовского начальства. Зачем ей такая невестка? Мало того что за душой ни гроша, так еще и толку никакого – сын как пил, так и пьет. Только заботы прибавилось.

Когда на следующий день Алла вернулась с работы, муж с ней не разговаривал, как будто это она давеча заявилась домой подшофе в половине второго ночи. Воинственная Софья Фроловна, убедившаяся в никчемности невестки, плюс ко всему не умевшей вести хозяйство и плохо помогавшей свекрови по дому, принялась убеждать сына, что такая жена ему ни к чему. Нужно ли говорить, что Софья Фроловна избрала неверную тактику. Настроив сына против жены, она добилась только того,

что Эдик с новой силой запил и как можно меньше времени старался проводить дома. Алла, быстро сделавшая вывод, что с пьяным отношения лучше не выяснять – толку все равно не будет, и здесь не угодила свекрови, предпочитавшей набрасываться на сына в любое время и не выбиравшей нужной минуты для серьезных разговоров. Поскольку невестка отказалась поддерживать ее в нападках на выпившего сына, ко всем прочим недостаткам Аллы добавился еще один: нежелание перевоспитывать Эдика. То есть сначала Софья Фроловна настроила сына против жены, а потом обвинила невестку, что та отказывается пилить супруга, который пьет отчасти из-за того, что не хочет проводить время с разонравившейся стараниями матери женой. Как говорила героиня одного известного фильма, «высокие… высокие отношения».

Точно не желая замечать всего этого абсурда, сторонники теории антистрельцовского заговора дружно прицепились к одной неловкой фразе, сказанной руководителем Секции футбола Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров СССР В.П. Антипенком после игры сборной СССР со сборной Румынии, проходившей 1 июня в «Лужниках» и окончившейся со счетом 1:1. Оказывается, после невероятного мяча, забитого румынам Эдиком, Антипенок произнес фразу, якобы невозможную для нормального человека в нормальной стране: «Мы узнали, что перед этой ответственной игрой Стрельцов женился. Факт говорит о слабой воспитательной работе в команде “Торпедо”». Нам пытаются внушить, что Антипенок был ненормальным человеком и страна СССР тоже была ненормальной. А вот интересно, после того как врач сборной ФРГ заразил всю команду гепатитом, можно ли было называть Германию «нормальной страной»? Эту несчастную фразу начальника Управления футбола цитируют все биографы Стрельцова, наперебой упражняясь в остроумии, нетерпимости к человеческой глупости и неприятии тоталитарных замашек. А между тем все объясняется предельно просто. Но, во-первых, любая фраза, оторванная от контекста, может показаться до неприличия глупой и вообще лишенной смысла. Во-вторых, что же хотел сказать Валентин Панфилович Антипенок? Свадьба Стрельцова состоялась 25 мая – за несколько дней до ответственного матча. Зная повадки Стрельцова, можно было опасаться, что на матч он вообще не явится или явится в том состоянии, когда играть будет, мягко говоря, тяжело. Вот поэтому Антипенок и выразил пожелание, чтобы накануне ответственных соревнований – ведь излишним будет напоминать, что спортсмены не принадлежат себе – не устраивались такие важные

торжества, как свадьбы. Просто свадьба накануне матча может расстроить и свадьбу, и матч. Так что ничего особенно возмутительного и глупого не сказал Антипенок. Возможно, выразился неловко, да и то судить об этом можно было бы, только зная контекст. Но этот контекст почти никто не публикует, очевидно, понимая, что в этом случае исчезнет возможность блеснуть остроумием и явить миру собственное неприятие тоталитаризма.

Впрочем, А.Т. Вартанян в своей «Летописи…» дает и честное толкование слов Антипенка, и расширенную цитату. Оказывается, играли-то плохо, вяло, так что даже румынский капитан отозвался о Стрельцове как об игроке опасном, но ленивом. А Стрельцов хоть и сравнял счет из неудобного положения, играл, что называется, не на пике возможностей. Румынская газета «Информация Букурештиулуй» называла игру обеих команд посредственной, арбитр матча Стен Альнер из Швеции заявил, что «русские показали не ту игру, которую я от них ожидал. Действия олимпийского чемпиона не отличались четкостью». Вот на этом фоне В.П. Антипенок и высказался, что «наша сборная играла с командой Румынии плохо. В этом виноваты не только футболисты, но и мы, руководители. Если раньше была какая-то дистанция между футболистами и тренерами, между футболистами и Управлением футбола, то сейчас такой дистанции нет, это очень мешает нашей работе <…> Мы узнаем о том, что перед этой ответственной игрой Стрельцов женился. Это говорит о слабой воспитательной работе в команде, что мы отмечали неоднократно в прошлом…» То есть причины заторможенности игроков напрямую связаны с недавними возлияниями.

Отдохнув, команда показала совсем другую игру. На 1958 г. был намечен чемпионат мира, поэтому шестнадцати национальным сборным предстояло завоевать право участвовать в турнире. СССР надлежало сыграть по два матча с командами Польши и Финляндии. 23 июня в Москве прошел первый отборочный матч со сборной Польши. Советская сборная, проведя блестящую игру со счетом 3:0, отправлялась готовиться к отборочному матчу с Финляндией.

Год у Стрельцова выдался насыщенным. Помимо девятнадцати, с учетом дисквалификации, игр чемпионата СССР предстояло участие в трех товарищеских матчах (Румыния, Болгария, Венгрия), в пяти отборочных матчах на чемпионат мира и шести встречах на Международном турнире III дружеских игр молодежи и студентов. А тут еще женитьба и постоянные выяснения отношений. В августе стало известно, что жена ждет

ребенка. Но известие это никого не обрадовало. Самое интересное, что молодые, не успев толком узнать друг друга, уже друг в друге разочаровались. Если Стрельцову не нравилось, что Алла мало помогает его матери по хозяйству, то Алла не могла принять бесконечные пьянки и отлучки мужа неизвестно с кем и куда.

Но едва речь зашла о ребенке, вдруг выяснилось, что никому, кроме Аллы, это неинтересно. Когда 16 августа Стрельцов приехал из Финляндии, где сборная СССР выиграла отборочный матч чемпионата со счетом 10:0, причем Стрельцов забил два гола и был признан наравне с финским нападающим Канкканеном лучшим игроком матча, Софья Фроловна, пока Алла спала, успела на нее нажаловаться. Среди ночи Эдуард объявил проснувшейся жене, что больше не любит ее и не хочет с ней жить. На все недоумения и вопросы он отвечал, что Алла плохая хозяйка, ничего не хочет делать по дому и не помогает матери. Что касается беременности… А поступай, как знаешь! Помочь – поможем, но живи теперь как хочешь.

Софья Фроловна, воспринимавшая невестку с токсикозом как лишнюю обузу, выдала пятьдесят рублей на аборт и отправила к маме. Когда же Алла, изгнанная из дома, уходила, Эдик «лежал в коридоре на диване, повернувшись лицом к стене». Она хотела уйти тогда же – ночью. Но Софья Фроловна, испугавшись молвы, велела дождаться утра. Побоялась, что люди осудят – мол, выгнали ночью беременную невестку.

А утром – ничего, можно. И вот, по воспоминаниям Аллы, вышла она от Стрельцовых с авосечкой, с сумкой книг и пошла домой. По дороге съела мороженое, а дома к ней приступила уже собственная мама: «Если жизнь не получилась, то этот ребенок не нужен. Завтра пойдем в больницу». И если бы не младший брат, неизвестно, что было бы, потому что Алла не собиралась делать аборт, как настаивали мама со свекровью.

Тем временем статистик футбола К.С. Есенин уже начал свой отсчет «100 дней Эдуарда Стрельцова». Начиная с 21 июля, когда центрфорварду исполнилось 20 лет, и до 26 октября он участвовал в двадцать одном матче и забил тридцать два мяча. Впрочем, в «Торпедо» за 1957 г. Стрельцов оказался не самым результативным бомбардиром, став автором двенадцати голов после Валентина Иванова с четырнадцатью голами. Справедливости ради надо уточнить, что Стрельцов в сезоне 1957 г. сыграл за «Торпедо» только пятнадцать игр – на три игры он был дисквалифицирован, а после матча с ленинградским «Зенитом» 30 октября Стрельцов уже не играл из-за травмы.

И еще одна любопытная деталь, о которой не любят

упоминать биографы Стрельцова, поскольку она идет вразрез с навязываемой теорией преследования. 6 августа сборная СССР проводила полуфинальный матч Международного турнира III дружеских игр молодежи и студентов. Играли со сборной Чехословакии, арбитром выступал англичанин Роберт Х. Манн. Матч оказался интересным, напряженным. Хотя советская команда выиграла с перевесом в одно очко – 4:3, но чехи духом не падали и уступили только в дополнительное время. Возможно, игра складывалась бы иначе, если бы на сорок девятой (а по другим источникам – на шестьдесят четвертой) минуте судья не удалил игрока сборной СССР. Игроком этим оказался не кто иной, как Эдуард Стрельцов. По утверждению В.И. Галедина, нигде не указывается, за что именно Стрельцов был удален, «но, обращаясь к прошлым случаям, можно с высокой степенью вероятности предположить, что это была реакция на грубый прием: первым Эдуард никогда не нападал». Но, во-первых, бывало и нападал. А во-вторых, поскольку в своей книге о Стрельцове В.И. Галедин ссылается на книгу Б. Набокова и Б. Турова «256 международных матчей» (1958), мы вынуждены отметить, что автор… чего-то недоговаривает. Именно в означенной книге читаем: «Вскоре за пререкание с судьей удаляется игрок советской команды. У чехов численное превосходство. Они стараются его использовать. Начинают все чаще и чаще атаковать ворота советской команды…» Учитывая, что удален был только один игрок, можно сделать единственно правильный вывод: Эдуард Стрельцов был удален за пререкания с судьей. Если же воспользоваться методом экстраполяции, предложенным В.И. Галединым, то можно с высокой долей вероятности предположить, как далеко зашли пререкания: ведь мы знаем, что препирательства с судьей наказываются желтой карточкой, то есть игрок получает предупреждение. Если же игрок удален за пререкания с судьей, то это означает, что футболист совершил уже второе нарушение, то есть получил повторное предупреждение за пререкания – после показа второй желтой рефери показывает нарушителю красную. Если же он получил красную без желтой, то, скорее всего, имело место оскорбление судьи. В любом случае английский арбитр вряд ли мог участвовать в травле русского футболиста, а его созвучие отечественным судьям лишь подтверждает, что Стрельцов играл грубо и оставался нарушителем на поле. Останавливаемся мы на этом потому, что большинство игроков старается не получать предупреждений и удалений. Открытая грубость на поле говорит либо о своеобразно понятой лихости, удали и молодецкости, либо о наплевательстве к другим участникам игры и

высокомерии, либо о неспособности сдерживать эмоции в возбужденном, взвинченном состоянии.

Именно о том же сказал в интервью польским корреспондентам Г.Д. Качалин после проигрыша сборной СССР полякам в Хожуве со счетом 1:2 20 октября: «Занервничал Стрельцов. Это еще молодой парень, неопытный. Он может проявить огромный свой талант, когда в команде лад, когда идет игра. Когда не получается, Эдик теряет голову. Ему кажется, что он в одиночку может решить все проблемы, взваливает на себя непосильную ношу. Парень очень способный, но натура необузданная». А ведь мы помним, что Гавриил Дмитриевич еще в 1956 г. писал о своем подопечном: «Этот молодой растущий футболист играет по настроению, со срывами». Но поклонники Стрельцова бросаются на защиту своего кумира: как это, дескать, «неопытный»? Это Стрельцов-то неопытный?! Да ведь неопытный не в смысле техники игры, а по части самообладания, не научившийся пока сдерживаться или держать себя в руках, не умеющий вести себя солидно, спокойно. Одно слово – необузданный. И обуздать его было некому. Оттого и попадал Эдуард Анатольевич во все переделки, оттого и страдал, наказывая самого себя.

Как, например, в ночь с 8 на 9 ноября, аккурат после празднества в честь 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Хороший, надо думать, выдался повод для любителей горячительного. 8 ноября Стрельцов, видимо, продолжал радоваться юбилею революции, потому что к 7 часам вечера был уже пьян и зол. В тот день проходил матч между «Торпедо» и «Динамо», причем Стрельцов не мог играть из-за травмы, полученной в игре с «Зенитом» 30 октября, и торпедовцы уступили 0:1. Возможно, с горя Стрельцов и выпил лишнего. После матча он поехал на Автозаводскую, но идти домой раздумал и вспомнил о каких-то знакомых в районе Крестьянской Заставы. Он уже отправился было на трамвайную остановку, как вдруг встретил припозднившуюся соседку Галину. Видя, в каком состоянии Стрельцов, сердобольная соседка решила не отпускать его далеко и во что бы то ни стало вернуть поскорей домой. Стрельцов сел в трамвай № 46, и Галина последовала за ним. Стрельцов сошел у Крестьянского рынка, сошла и Галина. Стрельцов побродил по пустой площади, заглянул в какой-то двор, Галина не отставала. Наконец согласился Эдик вернуться домой, и они опять пошли на трамвайную остановку, чтобы ехать обратно. А когда Стрельцов присел отдохнуть на ступени какого-то крыльца, подошел к ним подвыпивший парень и завел беседу. Эдуард, правда,

поддерживать разговор не пожелал и велел незнакомцу прервать назойливую речь, тем более что незнакомец пустился учить жизни и давать советы. Однако незнакомец воспринял отказ Стрельцова от общения как оскорбление и перешел к решительным действиям. Важно помнить, что вся эта прелюдия известна со слов весьма нетрезвого Эдуарда Стрельцова и его совершенно трезвой соседки Галины Чупаленковой. Так вот, Чупаленкова утверждала впоследствии, что между Стрельцовым и назойливым незнакомцем завязалась драка. Незнакомец ударил Стрельцова и разбил ему нос, после чего получил ответный удар. И только в разгар драки решил «сделать ноги» и покинул поле боя. Сегодня поклонники Стрельцова рассказывают, что-де Эдика побили – возможно, даже сломали нос, и он просто хотел наказать обидчика. Но откуда такие сведения? Единственный свидетель говорит именно о драке, а не об избиении Эдика.

Стрельцов мог бы поехать домой залечивать раны. Однако он действительно решил догнать незнакомца и проучить. И они все втроем среди ночи помчались куда-то в сторону Крутицкого вала, где незнакомец перелез через забор, а Стрельцов схватил его за штанину, да так, что, по показаниям Чупаленковой, незнакомец какое-то время висел вниз головой. Когда же Стрельцов устал и отпустил чужие штаны, незнакомец сверзился с забора и умчался в сторону дома № 15. Стрельцов преодолел забор и погони не оставил. И вот тут Чупаленкова – нет чтобы тащить Стрельцова обратно – нашла вход во двор, снова бросилась за Стрельцовым и даже подсказала ему дверь, куда, как ей показалось, шмыгнул незнакомец.

В это время дворники уже вовсю свистели. А неподалеку на Крестьянской площади уже стояла милицейская машина со старшиной Алистратовым и майором Жужакиным. Более того, к ним уже подошел сотрудник ОРУД и рассказал, что со стороны Крутицкого вала слышны свистки дворников. Когда Стрельцов ворвался в указанную Чупаленковой дверь, трое правоохранителей уже направлялись в их сторону. За дверью оказались две квартиры. Жильцы одной, несмотря на поздний час – начало второго, еще не вернулись из гостей. А в квартире № 3 мирно почивало семейство Спицыных – хозяин дома, его супруга и трое взрослых детей, две дочери и сын. Впоследствии одна из дочерей, Анна Спицына, уверяла, что проснулась из-за свистков дворников, выглянула за дверь и увидела окровавленного Стрельцова, энергично направлявшегося к ним в квартиру. Спицыным пришлось держать оборону, пока Стрельцов ломился в одну из их комнат, грозился убить и крыл отборным матом. Перед ним было несколько дверей, но ломился он как раз

в закрытую, потому что решил, что раз закрыта, то дело нечисто. Именно такая картина и предстала перед прибывшими милиционерами: здоровенный пьяный детина с окровавленной физиономией рвется в дверь одной из комнат, матеря всех и вся. На призывы правоохранителей успокоиться Стрельцов ответил несогласием, обматерив заодно и новоприбывших. Тут вышли из своего укрытия Спицыны, и, завидев младшего Спицына – Филиппа, Стрельцов бросился к нему, подозревая, что это и есть недавний обидчик. В.И. Галедин направо и налево обвиняет всех во лжи, клеймя за малейшую неточность в отношении Стрельцова. А как быть с его утверждением, что это Филипп Спицын разбил ночью с 8 на 9 ноября нос Эдуарду Стрельцову и заставил его бегать пьяным по Москве и ломиться в чужую квартиру? Ведь в Филиппе Спицыне Чупаленкова не признала нападавшего. Пьяный Стрельцов и подавно не смог бы его опознать. Так с какой же стати обвинять человека в преступлении? Биографы Стрельцова обычно возмущаются, когда центрфорварда называют хулиганом. Но при этом сами от себя лично обвиняют людей, чья вина судом не доказана, в совершении преступлений. Неужели опять все равны, но некоторые равнее?

Как бы то ни было, но Стрельцова увезли в 93-е отделение милиции и завели уголовное дело за номером 33120 по статье 74 ч. 1 УК РСФСР – хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания… По дороге Стрельцов материл милиционеров, кричал: «Вас надо убивать, вы – гады и сволочи», угрожал принятием строгих мер. В отделении он успокоился и был задержан до протрезвления.

Что такое «хулиганство»? Это действия, нарушающие общественный порядок и сопряженные с явным неуважением к обществу. Если пьяный человек среди ночи врывается в квартиру незнакомых ему людей, ломится в закрытые двери, поднимает с постелей ничего не понимающих граждан, при этом матерно орет и грозится всех убить – можно ли назвать его действия нарушением общественного порядка и проявлением явного неуважения к обществу?.. Так при чем же здесь травля? Или, может быть, это Фурцева подпоила Эдика и надоумила ехать на Крутицкий вал, а после подослала майора Жужакина? Впрочем, защитники Стрельцова вообще не понимают, за что придрались к их кумиру. А.Т. Вартанян назвал эту историю «делом, не стоящим и яйца выеденного». Кроме как наплевательством такое отношение к людям нельзя охарактеризовать. Впрочем,

неудивительно. Ведь для поклонников с одной стороны – Стрельцов, а с другой – так, пыль…

Тем временем, проспавшись, Стрельцов дал подписку и обязался «1) по первому требованию явиться к следствию по настоящему делу и 2) о всякой перемене местожительства впредь до разбора дела незамедлительно сообщить 93 о/мил». 11 ноября на ЗИЛе уже были готовы характеристика «на Заслуженного мастера спорта СССР по футболу тов. Стрельцова Эдуарда Анатольевича, 1937 года рождения, русского, чл. ВЛКСМ, образование 7 классов. В коллективе физкультуры ДСО «Торпедо» Московского автозавода им. Лихачева с 1953 г.» и ходатайство. Характеристика гласила: «За время пребывания в команде мастеров по футболу тов. Стрельцов Э.А. много и упорно работает над повышением своего спортивного мастерства, добросовестно относится к своим обязанностям. Член сборной команды Советского Союза, неоднократный участник международных встреч по футболу. Участник XVI Олимпийских игр. Добросовестно и корректно относится к своим товарищам. Дисциплинированно ведет себя в коллективе». Одновременно ЗИЛ умолял не привлекать Стрельцова Эдуарда Анатольевича к уголовной ответственности за совершенный проступок, а ограничиться мерами административного наказания. Заводской Комитет и Совет ДСО «Торпедо» обязались «сурово осудить поведение Стрельцова Э.А. за совершенный проступок на собрании комсомольской группы и на собрании всего коллектива команды мастеров футбола ДСО «Торпедо» ЗИЛ».

На следующий день дело № 33120 было передано в 70-е отделение милиции, и оперуполномоченный Павлов принял его к производству и приступил к расследованию. Впоследствии Павлов рассказал, что, ознакомившись с материалами, хотел вызвать Стрельцова на допрос. Но тот находился на сборах перед поездкой в Германию в каком-то санатории Совета Министров, так что даже адреса следователю не дали.

13 ноября на имя начальника отдела милиции исполкома Пролетарского района полковника М.И. Ермолаева поступило письмо с Завода имени Лихачева. В письме полковника заверяли, что Стрельцова «обсуждали на собрании коллектива команды, ему объявлен выговор, и он строжайше предупрежден о недопустимости повторения подобных поступков».

Тогда следователь Павлов вызвал начальника команды «Торпедо» В.М. Ястребова и узнал, что Ястребов уже побывал у Спицына, возместил тому материальный ущерб в виде оторванной филенки и погнутой кастрюльной крышки и призвал заявить об отсутствии претензий к Стрельцову.

15 ноября следователь Павлов вызвал Спицына, расхвалил Эдуарда Стрельцова, объяснил, что гражданин он молодой, а футболист хороший, так зачем же сидеть в тюрьме молодому гражданину и хорошему футболисту? Не лучше ли отпустить его на все четыре стороны? Спицын, подумав, согласился, что, пожалуй, лучше играть в футбол, чем сидеть в тюрьме, и написал заявление.

16 ноября дело изъяла Прокуратора Пролетарского района, дабы проверить законность действий следствия.

А 17 ноября 1957 г. сборная СССР выехала в Лейпциг на дополнительный отборочный матч VI чемпионата мира – матч с польской командой за первое место в группе. Об этой поездке биографы Стрельцова рассказывают по воспоминаниям Валентина Иванова, включенным в его книгу «Центральный круг» (1973). В тот день, задолго до отхода поезда, Иванов со Стрельцовым вроде бы встретились в парке «Сокольники», пообедали, навестили болевшую сестру Иванова и не спеша поехали домой. Пока собрались, пока то да се… Стрельцов первый забеспокоился, но товарищ рассеял тревогу: времени до 17:30 полно, такси домчит моментально. И Эдуард, «как всегда вне поля, подчинился воле другого человека». А потом оказалось, что на улице Горького пешеходы обгоняют машины: «был час пик, мостовую запрудили автомобили, и красный свет светофора ежеминутно останавливал движение», а потому, прибыв к Белорусскому вокзалу, друзья обнаружили, что поезд Москва – Берлин уже ушел.

Конечно, ссылка на пробки в Москве 1958 г., да еще на улице Горького, вызывает некоторое недоумение. В Москве и в восьмидесятые годы пробок не было, откуда же в 58-м взяться? Кто-то предложил версию затора, наподобие той, что описана С.В. Михалковым в «Дяде Степе»:

…Возле площади затор —
Поломался светофор:
Загорелся желтый свет,
А зеленого все нет…
Сто машин стоят, гудят —
С места тронуться хотят.
Три, четыре, пять минут
Им проезда не дают…

Но ведь Иванов не писал о заторе, он ясно выразился: час пик, машин много, красный свет ежеминутно останавливает движение. Так что никакого затора не было. Зато в книге Валентин Козьмич, вероятно, недоговаривая до конца, дает

обтекаемое объяснение происшествию: «Если бы мы обедали без вина да не захватили к сестре бутылку шампанского…» Сначала был обед с вином в «Сокольниках», потом продолжение банкета у больной сестры… А потом – известно, море по колено. Гораздо вероятнее, что объяснение опозданию на поезд следует искать не в московских пробках 1958 г., а, как обычно, на дне бутылки.

И все же в воспоминаниях Иванова не хватает чего-то главного. Во-первых, зачем они поехали гулять в тот день, да еще с хорошей выпивкой? Ну, не слабоумные же они, чтобы перед поездом просто так отправиться на другой конец города прогуляться в парке, пообедать и выпить! Особенно подследственный Стрельцов. Во-вторых, они жили в одном доме на Автозаводской. А встретились в «Сокольниках». Для тех, кто не знает Москвы, поясним, что между этими точками пролегает 14 км. Причем Иванов пишет, что они именно встретились в «Сокольниках». Не вышли вместе из дома и зачем-то поехали за 14 км, а съехались туда из разных мест. Что это были за места? Откуда каждый из них приехал в «Сокольники»? Почему они встретились именно там? Иванов сообщает: «Мы встретились со Стрельцовым днем <…> задолго до отхода поезда». Но поезд отходил в 17:30, и «днем» не может считаться «задолго» до этого времени. Скорее всего, Валентин Козьмич о чем-то умалчивает. И скорее всего, у них было какое-то дело, которое необходимо было завершить именно в тот день. Завершив его, они, что называется, расслабились. Отсюда и обед с выпивкой, и поход в гости с бутылкой шампанского. Но что это было за дело?

Из того, что могло бы заинтересовать двух друзей: в «Сокольниках», помимо парка, находится еще Ширяево поле[3], а также следственный изолятор № 1 ГУВД г. Москвы, иначе именуемый «Матросская тишина». И нет ли связи между этим заведением и желанием двух футболистов накануне поездки за границу прогуляться в Сокольническом парке?

Но если серьезно, то, скорее всего, «Сокольники» тут ни при чем. Не погонять же мяч на Ширяевом поле отправились перед ответственной поездкой Иванов со Стрельцовым. Скорее всего, были они совсем в другом месте. Например, у того же следователя Павлова в 70-м отделении милиции, находившемся не в «Сокольниках», или в Прокуратуре Пролетарского района на Крестьянской площади, куда накануне – 16 ноября – было изъято дело Стрельцова. А может быть, улаживали дела с документами Стрельцова – ведь подследственному могли запретить выезжать за границу. Или следователь Павлов мог вызвать Стрельцова, дабы оповестить о заявлении пострадавшего Спицына, согласившегося простить незваный ночной визит футбольной

знаменитости. А хорошую новость ведь не грех и отметить. Оттого и задержались…

Но, как бы то ни было, вместо поезда загулявшие чемпионы обнаружили одиноко стоящего на перроне В.П. Антипенко – бледного, растерянного и негодующего, собиравшегося ехать вместе с командой в ГДР, но оставшегося в Москве из-за пары пропавших игроков, из которых один находился под следствием. Что делать? Бросились к какой-то машине на площадь Белорусского вокзала и помчались в Можайск. Оттуда стали звонить заместителю министра путей сообщения. Благодаря его вмешательству поезд сделал незапланированную остановку, и опоздавшие наконец-то смогли занять свои места.

Об этом случае тоже слагаются легенды. Вот В.И. Галедин пишет, что приходится сталкиваться «с искажением реальных событий». Якобы Л.Б. Горянов приписал Л.И. Яшину «эффектную историю» о том, как Г.Д. Качалин отказался общаться с провинившимися и отправил их для беседы к старшим товарищам – Нетто, Симоняну и Яшину. Только почему же «приписал»? В книге Л.И. Яшина «Записки вратаря» (1976) читаем: «Побледневший и притихший, понурив голову и ни на что уже не надеясь, сидит на откидном стульчике в коридоре наш тренер Гавриил Дмитриевич Качалин. Он словно и не заметил, что поезд тронулся, не бросил даже прощального взгляда в окно. И вдруг неожиданно начальник поезда сообщает, что в Можайске мы сделаем минутную остановку, чтобы принять двух опоздавших пассажиров. Говорят, они прибежали на перрон, когда наш состав еще не скрылся из виду, застали там провожающих, и один из них, усадив обоих в свою машину, бросился по Можайскому шоссе вдогонку.

Это сообщение переполошило всех, кроме Качалина. Ни радости, ни оживления не увидел я на его лице. Он понуро поднялся со своего места, подозвал к себе Игоря Нетто, Никиту Симоняна и меня – трех самых старших из игроков сборной – и каким-то невыразительным, бесцветным голосом сказал:

– Если верно, что они к нам присоединятся в Можайске, решайте их судьбу сами. И разговаривайте с ними сами. Как вам подскажет совесть, так и поступайте. А я с ними говорить не могу. И видеть их не могу…» Еще бы! Мало того что два нападающих не явились вовремя и вообще неизвестно куда делись – кому играть-то в Лейпциге? Так один из них еще и подследственный. А ведь 15 ноября председатель Совета ДСО «Торпедо» ЗИЛ направил в Пролетарский районный отдел милиции справку о том, что «в настоящее время Стрельцов Э.А. выехал в составе сборной футбольной команды СССР в Германскую Демократическую

Республику для игры за первенство мира по футболу с командой Польши». И вдруг выяснится, что никуда гражданин Стрельцов не выезжал. Скандал? Не то слово.

Но воспоминаний никто не приписывал Льву Ивановичу – книга прижизненная. «Не было ничего подобного!» – утверждает В.И. Галедин. А не было, потому что Симонян-де в Лейпциг не ездил из-за травмы. Действительно, в том матче из-за травм не смогли принять участие Никита Симонян, Сергей Сальников, Анатолий Ильин и Анатолий Исаев. Но ведь мы уже не раз убеждались, что путаница присутствует в любых воспоминаниях. Быть может, и Лев Яшин что-то забыл или перепутал, что не отменяет факта обиды Качалина и беседы с провинившимися старших игроков. Кстати, М.И. Якушин в книге «Вечная тайна футбола» тоже подтверждает факт разговора: «Разговор с провинившимися был суровым. Но, как значительно позже выяснилось, не всем этот случай послужил серьезным уроком».

Что же дальше? Уже в Лейпциге они узнали о решении руководителей Спорткомитета – позволить отыграть матч и разобраться с происшествием уже в Москве. Впрочем, многое зависело и от результатов игры. По воспоминаниям Иванова, Стрельцов, узнав о таком решении, сказал: «Да. Просто выигрыша мало. Надо забивать гол». Эдуард Анатольевич в книге «Вижу поле» написал о том же: «Кругом виноваты – такую вину надо, как на фронте, кровью смывать. Но тут не кровь наша требовалась, а забитые голы. У меня ко всему травма – как я могу гарантировать, что забью? Если же не забью в этой ситуации – кому такой форвард нужен?» И Стрельцов, переживавший свою вину перед командой и отлично к тому же понимавший, что «подвигов» за ним и так уже слишком много, совершил почти невозможное. Но, забегая вперед, обратим внимание на удивительную связь событий. Описаны случаи, когда вполне ответственные люди вдруг опаздывали на самолет, после чего узнавали об авиакатастрофе, участниками которой не стали только благодаря опозданию. А ведь похожая история приключилась и со Стрельцовым. Это отметил еще капитан советской сборной Игорь Нетто. Ведь если бы пара нападающих так и не доехала до Лейпцига с установкой «победить любой ценой», то, скорее всего, сборная СССР проиграла бы сборной Польши и на чемпионат мира не поехала бы. А значит, той проклятой гулянки в мае 1958 г. не случилось бы, и дальнейшая судьба Стрельцова могла сложиться иначе. Конечно, наверняка такие вещи знать нельзя. Однако и связь между событиями нельзя не отметить.

Тем более был еще один знак. В Лейпциге, едва только

началась игра со сборной Польши, Стрельцов столкнулся с польским защитником и упал. Подняться сам не смог и буквально отполз на гаревую дорожку. Остался бы в стороне от игры, и снова тот же сценарий – СССР проигрывает и не едет в Швецию, май 1958 г. проходит без эксцессов. Но он сам себе дал установку: искупить опоздание на поезд и прочие «художества» голами и выигрышем. А посему потребовал от врача заморозки, чтобы снова выйти на поле. Эдуард Анатольевич вспоминал: «Я нашему врачу Белаковскому говорю: “Уж вы, Олег Маркович, что-нибудь сделайте, чтобы мне только на поле выйти…”» Ему стянули мышцу эластичным бинтом, и он отправился играть.

Вообще советская команда в тот день напоминала какой-то лазарет на выезде. Четверо игроков не смогли участвовать в игре. Стрельцов и Татушин играли, можно сказать, каждый на одной ноге. В последнюю минуту выбыл Мамедов, и в его футболке на поле вышел Федосов, так что началась путаница, и Федосова еще долго называли Мамедовым. И несмотря ни на что, хромой Стрельцов на 31-й минуте забил первый гол, а под конец матча с его передачи забил в ворота польской сборной Федосов.

Поляки проиграли 0:2 и на чемпионат мира в Швецию не поехали. А Г.Д. Качалин, простивший своих непутевых, но одаренных подопечных, воскликнул тогда: «Эдик, ты никогда так здорово на двух ногах не играл, как сегодня на одной!» После матча завалились в кафе, куда тотчас нахлынула толпа болельщиков, выстроившись в очередь за автографами. И неунывающий Стрельцов произнес ставшую знаменитой фразу: «Пива, водки для всех! Гуляем!»

А спустя месяц, в самом конце декабря, следователь Прокуратуры Пролетарского района Москвы товарищ Пронский, рассмотрев дело Эдуарда Анатольевича Стрельцова, обвиняемого в хулиганстве, установил, что преступление в действиях подозреваемого, конечно, усматривается, но учитывая, что они были вызваны нападением неизвестного гражданина и характера цинизма не носили, к тому же Стрельцов попал в поле зрения правоохранителей впервые, да и по работе характеризуется лучше некуда, то, пожалуй, привлекать его к уголовной ответственности нецелесообразно. Действительно, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. по поводу 74-й статьи говорилось, что суды не должны применять ее по отношению к лицам, совершившим антиобщественные действия впервые и по случайным причинам, особенно если эти лица «являются в общественном и бытовом отношении достойными членами советского общества». Поэтому судам предписывалось всегда «тщательно выяснять личность подсудимых, их производственную

и общественную работу, их поведение в быту».

Установив, что обвиняемый Стрельцов совершил преступление случайно, что в быту и общественной жизни он оставался весьма достойным членом советского общества, товарищ Пронский постановил прекратить уголовное дело по обвинению Стрельцова Эдуарда Анатольевича. Прокурор Пролетарского района постановление следователя утвердил, и, казалось бы, об уголовном прошлом можно было бы забыть. Но не тут-то было.

26 января наступившего 1958 г. Стрельцов в компании Славы Метревели расслаблялся в районе станции метро «Динамо» – не иначе как у «Яра», в ресторане гостиницы «Советская». Ближе к полуночи, когда Метревели с земляками еще оставался догуливать, Стрельцов направился домой. Кто знает, о чем он думал, добравшись до метро, и какие чувства переполняли его, но в вестибюле станции вздумалось Эдуарду заговорить с гражданами. Примерно как два месяца назад неизвестному парню у Крестьянской заставы. И точно так же, как и сам Стрельцов тогда, теперь другие граждане не желали общаться с пьяным. Более того, милиция отказалась пропускать его в метро. И центрфорвард вышел из себя. Учитывая одно обстоятельство, а именно – нанесение ударов удостоверением Заслуженного мастера спорта по лицу некоего гражданина Иванова, можно даже предположить, что именно выкрикивал Стрельцов. Когда дело доходит до удостоверений, обычно этому предшествует затрагивание стержневой и краеугольной темы «А ты кто такой?». Вероятно, Эдуард Анатольевич хотел прояснить непонятливому гражданину Иванову, кто перед ним и кому он смеет делать замечания. Разъяснения сопровождались поминанием не самым ласковым словом родни гражданина Иванова, а заодно и подоспевших сотрудников милиции. Это сегодня срамословие в России стало нормой, народ матерится с таким видом, как будто пытается кому-то что-то доказать. Но в те далекие годы отношение к публичной матерщине было иным, и человек, матерившийся на людях, воспринимался как опустившийся босяк, что, кстати, никогда не смущало подвыпившего Эдуарда Стрельцова.

Около 23 часов разбушевавшегося центрфорварда задержали и препроводили в комнату милиции, где задержанный продолжал буйствовать, пытаясь драться с представителями закона и изрыгая на них потоки площадной брани. За что Эдуард Анатольевич в очередной раз сподобился привлечения к ответственности. Собранные материалы отправили в народный суд Ленинградского р-на г. Москвы, и новым делом Стрельцова занялась народный

судья Ленинградского р-на г. Москвы товарищ Филолова.

Вообще-то его действия подпадали под все ту же статью 74 УК РСФСР, имея в виду «совершение буйства или бесчинства, т. е. действий, которые связаны с насилием, повреждением или уничтожением имущества и других, например, дебош в клубе, в театре или других общественных местах», но, как и в ноябре, за нарушителя общественного спокойствия вступились. Теперь заместитель начальника отдела футбола Спорткомитета СССР В.В. Мошкаркин направил судье Филоловой справку о планах гражданина Стрельцова выехать в Китайскую Народную Республику для проведения сбора по подготовке к первенству мира по футболу 1958 г. не далее как 2 февраля, то есть совсем скоро – через несколько дней. Учла товарищ Филолова справку и привлекла Стрельцова всего лишь по Указу от 19 декабря 1956 г. «Об ответственности за хулиганство». Указ устанавливал административную ответственность в виде штрафа или ареста, назначая наказание трое суток ареста. Уже 29 января Стрельцов мог начать готовиться к поездке в Китай. По поводу краткосрочности его наказания А.Т. Вартанян почему-то пишет: «Только легче ему от этого не стало». Конечно, не стало! Ему значительно полегчало бы только в одном случае: прекрати он пить и дебоширить в общественных местах. И обществу тоже полегчало бы, и правоохранителям работы было бы меньше. Но поклонники Стрельцова каждый его шаг толкуют исключительно в его пользу. И даже все хулиганские выходки осуждаются не потому, что они хулиганские, а значит, недопустимые, а потому что центральный нападающий сборной давал тем самым козыри в руки недоброжелателям. И не проделки Стрельцова называются ненормальными, а реакция людей, недовольных этими проделками и не желающих прощать Стрельцова только за то, что футболист он хороший. Такое выворачивание наизнанку всех представлений об общественном устройстве похуже и пострашнее хулиганства…

А ведь накануне драки в метро Стрельцовы получили новую квартиру в доме напротив – с двумя изолированными комнатами. На заводе все питали надежды на исправление буйного нападающего и рассчитывали, что квартира с раздельными комнатами поможет Эдуарду сохранить семью, которая в свою очередь поможет сохранить Эдуарда. Ведь Алла не смогла придумать ничего лучше, чем обратиться к тренеру сборной СССР Г.Д. Качалину и к руководству «Торпедо». И если Качалин, пообещав помочь, так ничего для нее и не сделал, то заводское руководство пыталось найти выход.

Софья Фроловна вспоминала, что «на следующий день после

прихода Эдика из милиции его вызвали в команду, и он вернулся и сказал, что команда настаивает, чтобы он жил с женой и прописал ее, а также дал доверенность на деньги, а если он откажется написать заявление, то они сами ее вселят с милицией». И вот якобы в полночь семь человек из команды и завкома привели Аллу, с которой, по словам Софьи Фроловны, Эдик жить не хотел и согласился на ее возвращение только из-за скандала «в связи с задержанием милицией».

Алла, конечно, запомнила те события немного иначе. «Профкомы и парткомы» завода пытались уговорить Софью Фроловну согласиться на примирение с невесткой – «ну пропадает парень, ну что же это такое». И вот однажды Аллу остановил на улице Сергей Александрович Кулаков с ЗИЛа и сказал: «Аллочка, здравствуй! Мы сейчас вот пойдем в гости, давай быстренько». Привели Аллу в новую квартиру Стрельцовых, а там!.. «Там что-то такое невообразимое. Я даже не поняла. Много мужчин, а моя Софья Фроловна что-то такое на них кричит в истерике. Как я теперь понимаю, примирения со мной ей не хотелось. По серости своей она, наверное, думала – уж какая может быть жизнь с этой невесткой, раз она так со мной поступила».

Но Алла осталась и прожила с мужем целых две недели. Три дня отношения супругов были хорошими, зато свекровь с ними не разговаривала. Потом сын переключился на маменьку и перестал замечать жену. Аллу они так и не прописали, а Софья Фроловна кричала, что невестка нахалка, что сын с ней жить не хочет и нечего было навязываться. Руководство команды, врач С.Ф. Егоров приходили уговаривать Софью Фроловну не мешать сыну жить семейной жизнью. Но Софья Фроловна церемоний не разводила. Егоров вспоминал, что приходил к Стрельцовым почти каждый вечер, «чтобы помешать матери вмешиваться в их семейную жизнь». Как-то перед его уходом «мать Стрельцова выскочила из комнаты и стала кричать: “Это вы перед ним так заискиваете, вон отсюда”». Стрельцов, вышедший проводить врача, ничего не сказал на эту выходку матери. Егоров извинился и обещал больше не приходить. С того времени он перестал бывать у Стрельцовых.

Алле пришлось терпеть не только вздорную свекровь. День и ночь им звонили какие-то дамы и требовали Эдика. Приходили и домой. Однажды пришла барышня «в какой-то драной шубке заячьей» и просто сказала, что ей – Эдика. В другой раз «одна до двенадцати ночи простояла – караулила. Он от нее и туда, и сюда: “Отстань, я иду домой, никуда не пойду”. А та прямо молила вся в слезах: “Брата провожаю. Ради Бога, пойдем!” И

увела… Три дня он пропадал. А со мной все эти три дня торпедовский доктор Егоров провел, потому что Софья Фроловна ко мне даже в комнату не заходила. Доктор успокаивал: “Найдется”. Спрашивает: “Ты кого хочешь?” Я говорю: “Мальчика”. – “Ну вот, а я куклу тебе купил”».

Эдик действительно нашелся. Только, по воспоминаниям Аллы, в совершенно непотребном виде, производя впечатление человека, валявшегося на помойке. И тут, наверное, впервые все это показалось Алле настолько противным и гадким, что назавтра же она решила уйти. Но… Завтра он уехал на сборы в Сочи, и Алла осталась с любимой свекровью. Софье Фроловне очень не нравилось, что Алла приехала к сыну не просто так, а еще и вещи свои притащила. Прописывать невестку она не собиралась и даже написала заявление на имя управдома Савкина с требованием не прописывать невестку без ее, Софьи Фроловны, ведома и согласия. Видимо, буйным нравом сын пошел в мать.

16 февраля Стрельцовы окончательно расстались с Аллой Деменко. Софья Фроловна, пока не было сына, предложила Алле уйти по-хорошему, потому как Эдик с ней жить не собирается и делать ей тут нечего. Когда же Алла отказалась, свекровь просто вытащила ключи из ее сумочки, покрутила перед носом и велела убираться. На этом семейная жизнь Аллы с Эдуардом окончательно завершилась. Сборная по футболу СССР и команда «Торпедо» отнеслись к Алле внимательнее и человечнее, нежели супруг со свекровью. Молодая, здоровая женщина родила недоношенного ребенка только потому, что ее, беременную, дважды выгоняли из дома, да и молодой муж «радовал» непрерывно. Когда в марте Алла родила, Эдик был в Одессе. Ему говорили, что не мешало бы съездить навестить жену в роддоме, но он не пожелал. Как, впрочем, и Софья Фроловна. Так что приезжали к роженице только представители сборной и команды «Торпедо». Материальной помощи семейство Стрельцовых новорожденной дочке и внучке тоже не оказывало.

«Я ничего не поняла в этой семье», – рассказывала потом Алла. А разве можно тут что-нибудь понять?..

Понятно только тем, кто уверен, что Эдику дозволено все, а вот осуждать его могут только подонки и провокаторы. Ну и конечно, завистники с недоброжелателями. Во всяком случае, именно так оценивается любое недовольство поступками Стрельцова. Даже нормальная, закономерная реакция на его закидоны со стороны сборной, «Торпедо» и Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта СССР расценивается как предательство, травля и преследование инакомыслящего. Вспомним, что после драки на Крутицком валу он не понес

наказания. Его не лишили звания, не выгнали из сборной, вытащили из тюрьмы. И то нас уверяют, что задержали его незаконно и судить тоже хотели незаконно – ведь история-то яйца выеденного не стоит! Наконец он, что называется, всех достал. И футбольное начальство все-таки решило принять меры.

Но за это действия футбольного начальства подвергаются жесткой критике. Хотя не всегда понятно, чего больше в этой критике: лжи, манипуляции или непонимания. Например, А.П. Нилин считает, что игроки сборной, поддержавшие его исключение, совершили подлость, возможно, из зависти, но это можно понять: «в том и заключался замысел власти, чтобы страну сплачивала общая вина каждого перед каждым». Что это за утверждение? На чем оно основано?

А.Т. Вартанян, а за ним и другие биографы пишут о каких-то недобросовестных пасах Спорткомитета и Секции футбола СССР. Мы помним, что 30 января Стрельцова вызывали на собрание команды завода. Было собрание и сборной Союза. Решения собраний двух команд рассматривались и утверждались Секцией футбола. Но окончательное решение принимали все-таки в Госкомспорте. 4 февраля Президиум секции футбола СССР составил свой документ для утверждения в Спорткомитете СССР.

> «СЛУШАЛИ:
>
> «О недостойном поведении игрока футбольной команды «Торпедо» ЗИЛ Э. Стрельцова» (докладчик В. Гранаткин).
>
> ПОСТАНОВИЛИ:
>
> а) согласиться с решением общего собрания сборной команды Советского Союза и «Торпедо» о снятии с Э. Стрельцова звания Заслуженного мастера спорта и решением общего собрания сборной команды СССР о выводе Стрельцова из состава сборной команды СССР за поведение, порочащее советского спортсмена;
>
> б) просить Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР снять с Э. Стрельцова звание Заслуженного мастера спорта и вывести его из сборной команды СССР по футболу».

И вот А.Т. Вартанян, ссылаясь на ветры свободы, сорвавшие железные оковы с дверей архивов, уличает Секцию футбола во лжи. Оказывается, что на собрании сборной футбольной команды СССР было принято совсем другое решение.

> «Решение собрания сборной футбольной команды СССР:

1. Снять с т. Стрельцова звание Заслуженного мастера спорта.

2. Снять стипендию.

Решение принято единогласно.

Председатель – *Н. Симонян*

Секретарь – (подпись неразборчива)».

То есть решения о выводе Стрельцова из сборной собрание сборной не принимало. Но позвольте! Ведь в протоколе собрания Секции футбола говорится о решении «общего собрания сборной команды Советского Союза и “Торпедо”», а также о решении «общего собрания сборной команды СССР», а цитирует А.Т. Вартанян «решение собрания сборной футбольной команды СССР», что, согласитесь, не одно и то же. Да и секретарь парткома Завода имени Лихачева Александр Фатеев рассказывал, как после происшествия на станции «Динамо» собрание команды «Торпедо» действительно обратилось в Спорткомитет с просьбой лишить Эдуарда Стрельцова звания Заслуженного мастера спорта и вывести из состава сборной. Что, кстати, подтверждается другим письмом «Торпедо» в Спорткомитет, написанным в апреле 1957 г. и содержавшим на сей раз просьбу включить Стрельцова в сборную.

2 февраля сборная, как и планировалось, отправилась в Китай, куда Стрельцов вопреки заверениям В.В. Мошкаркина не поехал. Но это не означало, что Стрельцова окончательно изгнали из сборной – не взяли его в наказание. В итоге в сборную он вернулся и собирался ехать на чемпионат мира в Швецию. Тогда что имеет в виду А.Т. Вартанян, утверждая, что «решение о выводе Стрельцова из сборной принималось в более высоких кабинетах, и уже задним числом Николай Романов подписывает угодный кому-то приказ, ссылаясь на несуществующую просьбу коллектива. Вопрос об истинном инициаторе исключения Стрельцова из сборной повисает в воздухе»?..

Происшествие в метро и последующие за ним санкции стали своеобразным итогом года, который начинался так красиво и многообещающе. В самом деле, зачем центрфорварду звание Заслуженного мастера спорта – не граждан же по физиономиям в метро хлестать! И не разгневались ли к началу 1958-го боги за самоуверенность и неблагодарность? Не появилась ли рядом со Стрельцовым Немезида с мечом и плетью? Ведь что мы увидели, каким предстал перед нами Эдуард Стрельцов с января 1957 по февраль 1958 г.?

Во всех биографиях Стрельцова освещение событий напоминает какой-то моток спутанной пряжи – концов не

найдешь. Оттого и нет цельного впечатления о человеке – как он менялся, что происходило с его внутренним миром в разные периоды жизни, в какой последовательности протекали основные или наиболее яркие события его биографии. Когда факты подаются не в той очередности, как они совершались на самом деле, невозможно правильно представить себе, как и чем они связаны. Получается какая-то игра в наперстки: кручу-верчу, тебя запутать хочу. Именно такое впечатление оставляет большинство книг о Стрельцове. И увидеть человека, представить его портрет не получается. Мы попробовали выстроить события в ряд, отбросив лицеприятие и заинтересованность. И что же вышло?

Сначала он делает девушке предложение, потом, получив согласие, исчезает на несколько месяцев, потом доверяет матери звонить невесте и пригласить ее на концерт. Одновременно он пьянствует, надоедая всем вокруг, дебоширит, дерется, в игре допускает недопустимую грубость, дважды совершенно заслуженно оказывается под следствием. Опаздывает на поезд и чуть было не пропускает ответственные соревнования и вынуждает ради себя останавливать состав. Дважды он пассивно участвует в изгнании беременной жены из дома, не интересуется ни появившимся ребенком, ни здоровьем родившей раньше срока жены, ни благополучием изгнанных им супруги с младенцем, оказавшихся после изгнания в весьма стесненных жилищных условиях. А ведь это участник сборной СССР, любимец миллионов, находившийся постоянно на виду у всей страны. Можно ли считать недовольство его поведением чем-то ненормальным или непорядочным? А реакцию в прессе на его выходки можно ли назвать травлей? Кстати, всем памятно так называемое «дело Кокорина и Мамаева». Только почему-то никто не называет отклики СМИ на этих задорных молодых людей, известных буйством как Москве, так и Монте-Карло, «травлей» или «заказом». Да и что такое «заказной материал» в газете? Любое редакционное задание и есть «заказной материал», любая газета на 90 % состоит из «заказных материалов». Никто же, мы надеемся, не думает, что в газету тащат кому что заблагорассудится.

Дождался и Стрельцов, что пресса проявила интерес не только к его игре – уж очень насыщенным выдался 1957 г. Так постараемся разобраться, можно ли считать травлей этот интерес и чем руководствовались газетчики, обличая похождения Стрельцова и называя поведение центрфорварда симптомами «звездной болезни».

Была ли травля?

В.В. Мошкаркин, обращаясь к судье Филоловой, представил справку о планах гражданина Стрельцова 2 февраля выехать в Китайскую Народную Республику для проведения сбора по подготовке к первенству мира по футболу 1958 г. Но ни в какой Китай гражданин Стрельцов не поехал. Зато 2 февраля вместо поездки его ожидало другое приключение.

В этот день в газете «Комсомольская правда» вышел фельетон известного очеркиста и фельетониста С.Д. Нариньяни «Звездная болезнь», посвященный Эдуарду Стрельцову. Сразу поясним, что именно этот фельетон до сих пор воспринимается поклонниками Стрельцова как «удар по своим», подлое клеветничество, заказная хула и, наконец, продолжение давно начавшейся травли, затеянной некими недоброжелателями Стрельцова, какими-то загадочными враждебными силами, персонифицировать которые так никому и не удалось. Автора фельетона обвиняли в неточности, в язвительности, в создании из героя комического персонажа – да в чем только не обвиняли! Нашли кучу несоответствий и расхождений с действительностью, точно забыв, что фельетон – это что-то вроде литературной карикатуры, он не обязан быть точным в деталях, в задачи фельетониста не входит досконального описание людей или происшествий без малейших отступлений от фактов. И вообще фельетон показывает не столько сами факты, сколько смешную их сторону. Как, собственно, и карикатура. Вернее, фельетоны могут быть как вполне конкретным изображением действительности, так и обобщающим, сатирически заостренным. Однако нападки на Нариньяни начались не по поводу фельетонов вообще, а по поводу фельетона о Стрельцове. Из чего можно заключить, что писать фельетоны как таковые можно, нельзя писать фельетонов о Стрельцове.

Чтобы всем было понятно, о чем идет речь, предлагаем ознакомиться с текстом «Звездной болезни». Газетный материал неоднократно перепечатывался в работах о Стрельцове, но впоследствии фельетон вошел в книгу «Со спичкой вокруг солнца» (1978), то есть зажил самостоятельной жизнью. Книжный текст немногим отличается от газетного – не упоминается фамилия Стрельцова и вообще все фамилии исчезли; изменены некоторые фразы – например, в газете было написано «Все игроки едут с вокзала в автобусе, а Стрельцову и Иванову подают «ЗИЛы». Что это, как не развращение нравов?», а в книге – «Все игроки едут с вокзала в автобусе, а центру подают лимузин

директора завода». Не вошла в книгу часть фельетона, касающаяся злободневных событий: например, как «в прошлое воскресенье» Стрельцов заменял какого-то свадебного генерала на пирушке, а также абзац, повествовавший об актуальных планах футбольной сборной. Но поскольку газету цитировали уже много раз, процитируем для разнообразия текст книги:

«Друзья-спортсмены провожали футбольную команду на большой, ответственный матч. До отхода поезда оставалось несколько минут. Провожающие уже переобнимали всех отъезжающих, надавали им кучу советов: какой стороной обходить противника, какой ногой бить по мячу. Все было как будто на месте: солнце, цветы, поцелуи… Но сердца у отъезжающих оставались неспокойными. Они обнимались с друзьями вполсилы, слушали советы вполуха. «Да, да», – говорили футболисты, а сами не спускали взгляда с той стороны перрона, где находился подъезд вокзала.

– Как, бежит он или не бежит?

Поезд тронулся, а центра нападения все нет и нет.

– Где же он? Может, заболел?

– Был здоров, час назад я разговаривал с ним по телефону, – заявил тренер.

– Может, его сбил автобус?

Поезд набирал скорость. Он давно выскочил из границ станционных путей на магистраль, а у футболистов на душе вместо радостного, приподнятого настроения тревога. Каждый волнуется за результаты предстоящей встречи: «Как мы будем играть без центра нападения?» Каждого беспокоила судьба товарища: «Если центр попал в уличную катастрофу, то цел он или ранен?»

Волновались не только уехавшие, волновались и провожавшие. Начальник управления футбола, несмотря на годы и больное сердце, побежал к телефону-автомату звонить в «Скорую помощь». И вдруг в дверях вокзала – неожиданная встреча. Кто бы, вы думали? Центр нападения, а с ним рядом правый полусредний. Оба живы-живехоньки. И оба пьяны. Оказывается, дружки перед отъездом зашли в ресторан за посошком на дорогу.

– Честное слово, мы хотели выпить только по одной, а нам поднесли по второй!..

Ах, с каким бы удовольствием начальник управления футбола взял бы да по-отцовски отлупил сейчас обоих дружков! Но он не отец центру нападения, не отец правому полусреднему. И вместо того чтобы взяться за ремень, начальник управления сажает загулявших молодцов в машину и мчится по шоссе в погоню за

поездом.

Полтора часа бешеной гонки, и в конце концов у Можайска автомашина обгоняет поезд. А тут обнаруживается новая беда: скорый поезд в Можайске не останавливается. Начальник управления бежит к дежурному:

– Дорогой, сделай исключение!

А у «дорогого» от удивления брови лезут вверх, к лысине.

– Да вы что? Остановить скорый поезд! Это же ЧП, чрезвычайное происшествие.

Начальник управления звонит диспетчеру дороги:

– Притормозите, Христа ради, хоть на секунду! Мне только втолкнуть в вагон центра нападения.

Но диспетчеру нет дела ни до центра нападения, ни до мольбы начальника управления футбола. Как быть? Поезд приближается, вот-вот проскочит станцию. И тогда начальник управления звонит в Министерство путей сообщения, к одному замминистра, к другому:

– Помогите, у нас ответственный заграничный матч!

И один из заместителей министра, вняв этой просьбе, отдает в Можайск из ряда вон выходящий приказ! Замедлить ход поезда у пристанционной платформы. И вот машинист кладет руку на тормоз, и два друга хватаются за поручни:

– Ребята, подсобите!

Ребята выскакивают из купе на площадку и втаскивают центра нападения и правого полусреднего внутрь вагона, ставят их на ноги и ждут объяснений. А тем и говорить нечего.

– Выпили. Опоздали.

Защитники и нападающие злы как черти. Еще бы: столько хлопот и волнений, и все из-за водки!

– Проучить бы вас, прохвостов, намять бы бока! – предлагает вратарь.

Но дружеская учеба откладывается: впереди ответственный матч. И вместо прямого мужского разговора пьяных друзей берут под руки и ведут к мягким постелям.

– Спите! Протрезвляйтесь!! Очищайте мозги и легкие от винного духа! А после игры поговорим.

Важная игра кончается на этот раз победой. А после победы, конечно, и разговор уже не тот. Злость прошла, скандал забыт. Центра нападения вызывают для острастки в управление футбола. Журят. Центр кается, дает слово исправиться. Ему вторит правый полусредний. Им верят, прощают. А через месяц – новое ЧП…

Центру нападения всего двадцать лет, а он ходит уже в «неисправимых». Не с пеленок же он такой плохой? Нет, не с пеленок. Всего года три назад центр был чистым, честным

пареньком. Он не курил, не пил. Краснел, если тренер делал ему замечание. И вдруг все переменилось: центр курит, пьет, дебоширит. Уже не тренер дает ему указания, а он понукает тренером. Кто в этом виноват? В первую очередь сам тренер. Тренер не только технорук команды: он воспитатель. Ну а какой же из тренера воспитатель, если он боится сделать футболисту замечание?

– Помилуй боже, разве можно, наш центр – звезда команды!

Ну а раз центр – звезда, то с него начинают сдувать пылинки. И делает это не только тренер, но и всякие меценатствующие начальники. Команда возвращается из очередной поездки. Все игроки едут с вокзала в автобусе, а центру подают лимузин директора завода.

Портят мальчишек не только меценаты. Три месяца назад центр попал в больницу. Его пришла навестить мать. И мать принесла сыну не фрукты, не книги, а бутылку водки.

Врачи отобрали у мамы бутылку.

– Не портите парня. Пристрастится сын к водке – плакать будете.

А мать, вместо того чтобы прислушаться к словам врачей, шепнула сыну:

– Спусти бинт в окошко, я тебе с улицы подарок пришлю.

И прислала: вместо одной бутылки – две. А на сына водка действует одуряюще. Выпита всего стопка, и перед нами уже не милый, славный парень, а драчун и забияка. Вот и на этот раз попробовал сын маминого подарочка и начал буйствовать. Врачи, больные хотят его угомонить, а он на них с кулаками.

Голова у молодого футболиста кружилась все больше и больше. Вот тут управлению футбола и вмешаться бы в жизнь центра нападения, поговорить с матерью, сделать серьезное предупреждение тренеру, ударить по рукам меценатов. А высокие спортивные инстанции подлили масла в огонь: взяли и присвоили девятнадцатилетнему пареньку звание Заслуженного мастера спорта.

– Центр нападения – талантливый футболист. Он забил в последних играх дюжину мячей в ворота противника.

Пусть талант, пусть забил. Но зачем было спешить с присвоением почетного звания? У нас есть талантливые люди не только в спорте – в музыке, живописи, науке. Но ни Шостаковичу, ни Хачатуряну, ни Туполеву, ни Улановой, ни Рихтеру, ни Долухановой не присваивали почетных званий в девятнадцать лет. Почетное звание нужно завоевать, заслужить, выстрадать подвижническим трудом. А от легких наград наступает быстрое пресыщение.

– Я всего уже достиг, все испытал, изведал. Я ел даже салат за тридцать семь рублей пятьдесят копеек, – говорит центр нападения команды.

И вот такой пресыщенный вниманием молодой человек начинает забываться. Ему уже наплевать на честь спортивного общества, наплевать на товарищей. Он любит уже не спорт, а себя в спорте.

Держится такой спортсмен и на футбольном поле, и в жизни не так, как требуют общепринятые правила, а так, как хочет его левая нога. Левая нога хороша, когда она бьет по воротам да и не промахивается. А во всех остальных случаях левую ногу следует держать под контролем.

А наш центр нападения не желает контролировать свои действия. Он выступает в соревнованиях не как член команды, а как знатный гастролер на бедной провинциальной сцене. Товарищи стараются, потеют, выкатывают ему мячи, а он кокетничает. Один раз ударит, а три пропустит мяч мимо.

– Мне это можно. Я звезда.

Тлетворное влияние звездной болезни коснулось не только центра нападения, но и его товарища – правого полусреднего. Спросите футболистов команды, почему они провели прошлый сезон ниже своих возможностей, и они скажут вам прямо:

– Кроме центра нападения, в этом немалую роль сыграл и правый полусредний.

Полусредний тоже, оказывается, почувствовал признаки пресыщения. Он, оказывается, тоже уже отведал свою порцию салата за 37 рублей 50 копеек.

Команда старается провести игру как можно лучше, а полусредний сводит на нет все старания товарищей. Бьет с трех метров – и мимо. Да и как попасть в ворота, если после вчерашней вечеринки до сих пор в глазах зеленые круги?

Терпение игроков футбольной команды лопнуло, и они собрались, чтобы начистоту поговорить со своими «звездами». Решение было единодушным: вывести пьяниц из состава команды и просить высокие спортивные инстанции снять с футболистов звание Заслуженных мастеров спорта. Была у игроков команды еще и вторая просьба, так сказать, неофициальная, и уже не к спортивному начальству, а к нам, журналистам: рассказать на страницах печати в профилактических целях о людях, зараженных микробом звездной болезни. И вот, внимая просьбе футболистов, автор и написал этот фельетон».

Помимо того что, по сути, фельетон абсолютно верный, интересно другое. Обратим внимание на указанную цену салата: 37 рублей 50 копеек. Казалось бы, зачем такие детали? Ресторан,

стоимость салата… Во Владивостоке до сих пор памятен некий болельщик, в чьей жизни незабываемым событием стало посещение вместе с Эдиком Стрельцовым ресторана «Золотой Рог» в 1956 г., когда советская сборная возвращалась из Австралии. Болельщик на всю жизнь запомнил, как оставил тогда за обед 450 рублей. То есть ничего удивительного и сверхъестественного не было в этом салате. Зачем же было поминать его? Вот и А.Т. Вартанян уверен, что «человеку, наверняка считавшему себя культурным и образованным, не мешало бы знать, что бестактно заглядывать в чужой кошелек и тарелку и цинично делиться своими соображениями на сей счет с многомиллионной страной». Однако не все так просто.

В 50–60-е гг. в СССР была запущена кампания против «вестернизации» или обуржуазивания молодежи. С чего же все началось? В вышедших недавно «Дневниках Берии» есть запись от 23 апреля 1947 г. (орфография и синтаксис сохранены): «Из Америки пришли интересные материалы. Не смогли взять нас силой, хотят разложить изнутри. Прямо пишут, будут драться за людей с детских лет, будут разлагать нашу литературу и искусство и найдут для этого помощников и единомышленников внутри России. Ну, этого дерьма у нас хватало и хватает. Вредят крепко. Так что расчет у Америки выбран правильно. Хотят поощрять у нас неразбериху и бюрократов. Этого тоже хватает. Андрей (Жданов. – *С.З.*) правильно сказал: «Теперь не разберешь, где бюрократ, а где агент». Коба сказал, ничего, ЧК разберет. Сказать легко, а сделать. Да и Виктор (Абакумов. – *С.З.*) насчет этого не силен. Не мыслитель. А нашу гибель, так прямо и пишут гибель, они очень хотят получить. Пишут, будут превращать советскую молодежь в космополитов. Ну, это мы еще посмотрим. Мы тоже не дураки. Но опасность большая. Идиотов хватает, недобитой сволочи и просто гнилой интеллигенции. Гнилая, это верно. Говорят высокие слова, а на уме выпивка и девки. Ну, хрен с ними, Коба говорит, других пока нет, надо новых людей воспитывать. Мы их будем воспитывать по своему, а их агенты по своему. Душа человека самое сложное. Хорошо, что это по части Георгия и Андрея (Маленкова и Жданова. – *С.З.*). Пусть воюют. Тоже невидимый фронт».

Правда, вокруг дневников Берии ведутся свои баталии, поскольку, как утверждают многие, нет никаких доказательств, что дневники подлинные. Но публикатор дневников Сергей Кремлев (Брезкун) уверяет и доказывает, что мы имеем дело не с апокрифами, а с самыми настоящими записями, сделанными рукой генерального комиссара госбезопасности. Как бы то ни было, но в том же апреле 1947 г. вышел другой секретный план,

подлинность которого ни у кого не вызывает сомнений. А именно «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». Совпадение по времени записи в дневниках Л.П. Берии и документа Агитпропа ЦК вполне может быть и не случайным. В секретном плане говорилось о необходимости воспитания советского патриотизма, о решительной борьбе против всяких проявлений низкопоклонства перед буржуазной (читай «западной») наукой и культурой. Прежде всего нужно воспитывать гордость за свою страну, за культуру, за научные и общественные достижения. «Следует разъяснить, что наш народ сделал неоценимый вклад в мировую культуру. Необходимо раскрыть всемирно-историческое значение русской науки, литературы, музыки, живописи, театрального искусства и т. д., вести решительную борьбу против попыток принижения заслуг нашего народа и его культуры в истории человечества, против антинаучных теорий об ученической роли русского народа в области науки и культуры перед Западом». Вряд ли появление в СССР секретного плана по воспитанию патриотизма оказалось чьей-то блажью или случайностью, что косвенно доказывает правоту публикатора «Дневников Берии». Кстати, план рекомендовал «Президиуму, партгруппе Союза советских писателей разработать и внести на обсуждение пленума Правления ССП развернутую программу идейно-творческой и организационной работы с различными группами членов Союза – прозаиками, поэтами, драматургами, литературными критиками, литературоведами и переводчиками, предусмотрев в этой программе создание художественных произведений, публицистических и литературно-критических работ, популяризирующих достижения советской культуры и посвященных критике буржуазной культуры». Имелись в виду, конечно, не просто западные фильмы или книги. Тем более что уже в конце 40-х гг. в СССР появились представители молодежи, копировавшие – в той мере, как они его себе представляли, – западный образ жизни. В «Крокодиле» от 10 марта 1949 г. появился фельетон Д.Г. Беляева «Стиляги», осудивший пестрые одежды, связанные в восприятии советских людей с приверженностью западным ценностям. Такая молодежь выделялась не только одеждой, но и активным посещением ресторанов, клубов, где играли джаз, и танцплощадок с рок-н-роллом. «Крокодил» регулярно публиковал карикатуры на стиляг, в газетах все это называлось попыткой воспроизвести «буржуазный образ жизни».

К антизападной кампании, разумеется, подключился и комсомол. В 1950–60-х гг. шла активная борьба с «тлетворным

влиянием Запада». Эта борьба проходила и на страницах газет, и в литературе, и в кино. В фильме «Сверстницы» (1959 г.), например, показано, как запутавшаяся героиня Людмилы Крыловой оказывается в компании таких вестернизированных молодых людей, уделявших повышенное внимание своему внешнему виду и времяпрепровождению, не желавших работать, зато с удовольствием проводивших время в ресторанах. 19 ноября 1953 г. «Комсомольская правда» опубликовала фельетон «Плесень» Б.С. Протопопова и И.М. Шатуновского. В фельетоне рассказывалось о молодых людях, сыновьях обеспеченных родителей, больших любителях коротать вечера в ресторанах. Когда денег на кабаки не хватало, они продавали вещи из дома, воровали, а кончили убийством. Все были детьми обеспеченных родителей, один – даже сын крупного ученого, академика. Их преступление, за которое они были достаточно сурово наказаны, считалось следствием той самой вестернизации или обуржуазивания, поскольку образ жизни такой молодежи – любовь к кабакам, шмоткам, заграничным безделушкам – в советской действительности рассматривался именно как буржуазный. Вот почему и появилась цена салата в фельетоне Нариньяни – увлечение ресторанами выглядело как привычка прожигателя жизни. И замашки Стрельцова – кабаки, пьянки, особенно при необходимости соблюдения спортивного режима, а также дебоши и драки – указывали на него как на представителя той самой «золотой молодежи».

Советский образ жизни предполагал другой досуг, активно продвигавшийся комсомолом. Это спорт, творческие вечера, художественная самодеятельность, фестивали и конкурсы, встречи в клубах, домах и дворцах культуры. Причем указанные направления подразумевали огромное разнообразие мероприятий – от высадки деревьев на улицах городов до массовых заплывов. Но борьба с обуржуазиванием велась не только противопоставлениями. ВЛКСМ создавал патрули и рейды, выгонявшие из клубов, ресторанов и театров пьяниц, хулиганов и стиляг – такая сцена тоже вошла в фильм «Сверстницы». Активно задействовалась печать. Например, в «Комсомольской правде» от 1 июля 1960 г. был опубликован фельетон «Охотники за подтяжками», обличающий стиляг-фарцовщиков. Горячо обсуждался внешний вид и поведение таких молодых людей на комсомольских собраниях.

В комсомольской печати критиковались не только стиляги, но и ответственные должностные лица, чью работу по организации досуга считали неудовлетворительной. Поэтому угодить под перо фельетониста мог любой человек. Что, кстати,

мы и видели в фельетоне того же С.Д. Нариньяни, подвергшего критике не только Стрельцова, но и тренера В.А. Маслова. О Шатуновском по сей день говорят, что его фельетоны ломали судьбы. Приводится, кстати, в пример фельетон «Чечетка налево» о «левых», нигде не учтенных концертах молодой актрисы Людмилы Гурченко, звезды «Карнавальной ночи» (1956 г.). «В левых, как их называют в артистической среде, концертах, – писали Б.Д. Панкин и И.М. Шатуновский, – на сцену вместе с хорошими артистами проникают халтурщики, которые несут пошлятину, потрафляют мещанским вкусам, наносят большой вред эстетическому воспитанию молодежи <…> Настоящий артист, уважающий себя и свой труд, всегда найдет дорогу к сердцам зрителей. И вовсе не нужно такому артисту посредничество дельцов, которые, боясь яркого света рампы, толкутся в околотеатральных закоулках и подворотнях».

Нельзя утверждать, что вся эта деятельность по борьбе с влиянием Запада была безупречна, но и напраслину возводить тоже не стоит. Во всяком случае, утверждение, что Нариньяни выступил лично против Стрельцова, исполняя чей-то там заказ, не просто не соответствует действительности, но и вопиет о незнании фактов, о неосведомленности по поводу происходящего тогда в стране.

Часто можно услышать: вы не жили в то время в той стране, а потому не можете судить, что и как было тогда. Что ж, давайте спросим у тех, кто жил в те годы, кто знал и страну, и молодежь, и прессу, и комсомол. Не у мифических болельщиков из Минска, которые, по странному стечению обстоятельств, оказываются в нужном месте в нужное время и знают все обо всех, а у реальных, к тому же известных и уважаемых людей.

Валентин Васильевич ЧИКИН – родился в 1932 г. в семье рабочего. В первые месяцы войны вместе с семьей эвакуировался в Тамбовскую область. По возвращении в Москву осенью 1943 г. продолжил учиться в семилетней школе, которую окончил в 1949 г. С этого времени начал сотрудничать в газете «Московский комсомолец», продолжая обучение в вечерней школе. Получив аттестат зрелости в 1953 г., поступил на факультет журналистики МГУ. Во время учебы в университете продолжал сотрудничество в столичных молодежных изданиях. Диплом об окончании университета получил в 1958 г. К этому времени его творческая судьба была прочно связана с «Комсомольской правдой». Здесь проработал четырнадцать лет и прошел путь от литературного

сотрудника до первого заместителя главного редактора. В 1971 г. пришел на работу в газету «Советская Россия», в которой трудится уже более четырех десятилетий. На короткое время в 1984 г. переходил на работу в Госкомиздат СССР (Государственный комитет по делам издательств и полиграфии СССР) в качестве первого заместителя председателя. В феврале 1986 г. утвержден главным редактором газеты «Советская Россия», а в сентябре 1991 г., когда газета стала независимым изданием, избран на этот пост коллективом учредителей.

СТРЕЛЬЦОВА ВСЕ ЛЮБИЛИ – И РАБОЧИЕ, И ПАРТИЙНЫЕ БОССЫ. ОН БЫЛ НЕОТРАЗИМ НА ПОЛЕ, НЕПРЕВЗОЙДЕН. КОГДА СЛУЧИЛАСЬ ЭТА БЕДА, КОГДА ЕГО АРЕСТОВАЛИ И ОСУДИЛИ, МНОГИЕ ПЕРЕЖИВАЛИ ЗА НЕГО – ПАРНЯ БЫЛО ЖАЛКО.

– Валентин Васильевич, верно ли, что в 1958 г. на Эдуарда Стрельцова была организована травля какими-то недоброжелателями и что «Комсомольская правда» участвовала в этой травле?

– Ни в коем случае! Стрельцова все любили – и рабочие, и партийные боссы. Он был неотразим на поле, непревзойден. Когда случилась эта беда, когда его арестовали и осудили, многие переживали за него – парня было жалко. Но он был виноват, это факт. Поколение футболистов, к которому принадлежал Стрельцов, отличалось от тех, кто играл в футбол сразу после войны. Там было другое отношение к мячу, они играли, как за Победу дрались. Но постепенно все менялось. Молодежь была уже другая, даже дети победителей давали повод к осуждению или насмешкам. Говорили тогда о дочери маршала Чуйкова, не знавшей, кто руководил обороной Сталинграда, другие были случаи. И Стрельцов уже относился к игре не как Бобров или Федотов. Это было совсем другое поколение, с другим отношением к жизни. Но никто его не травил, никакой организованной травли персонально против Стрельцова не было! Наоборот, ему многое прощалось. «Комсомольская правда» в те годы вела кампанию против стиляг, против «золотой молодежи», как теперь называют. Появились такие прожигатели жизни из обеспеченных семей. На окраинах страны, в союзных республиках оживилась местная «знать», «князьки». Вот они пытались строить из себя буржуа, вели такой образ жизни, такие замашки демонстрировали народу. И боролись тогда с этим буржуазным влиянием, с буржуазным образом жизни – была такая кампания в

прессе.

– С чем было связано появление в «Комсомолке» 2 февраля 1958 г. фельетона Семена Нариньяни?

– Нариньяни был очень талантливым журналистом, автором множества фельетонов о самых разных людях. Он весьма тщательно относился к работе, все проверял всегда. А вот в выполнении каких-то спецзаданий, указаний сторонних организаций замечен не был. Был его фельетон еще 40-х гг. «Растиньяк из Таганрога», тоже посвященный молодежи, любителям красивой жизни. О «звездной болезни» тогда говорили, и была она не только у Стрельцова – у детей из интеллигентных семей, у детей генералитета. Вышел тогда знаменитый фельетон «Плесень» – как раз о такой молодежи. Так что Стрельцова не персонально осуждали, он попал в такую волну – борьбы со звездной болезнью, с обуржуазиванием, с «тлетворным влиянием Запада». У него, как у всех футболистов такого уровня, были большие по тем временам деньги, он пил, это было известно, любил в ресторанах бывать, его милиция задерживала за драки, поэтому кампания борьбы с «золотой молодежью» коснулась и его.

– Высказывается мнение, что «Комсомолкой» через А.И. Аджубея руководил лично Н.С. Хрущев, что он и распорядился устроить гонения на Стрельцова.

– Этого не было. Вообще Аджубей был человеком простым, дружил со многими журналистами. Когда были праздники или кто-нибудь из редакции получал новую квартиру и приглашал на новоселье, он всегда тоже участвовал в таких собраниях, никак не выделялся. Над ним могли и посмеяться, в капустниках его вышучивали как человека с влиятельной родней. Говорили тогда: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Это, по-моему, из редакции пошло, не со стороны. Уже, наверное, на последнем этапе работы в «Комсомолке» он мог получать привилегии. Но какие? Через МИД, например, договаривался о встрече с Папой Римским или с американским президентом. А Хрущев не вмешивался в редакционные дела. Стрельцовым гордились, никаких гонений никто не хотел на него устраивать. Фигурой он был заметной, поэтому попал в эту волну. Но когда случилась с ним беда, в редакции очень сочувствовали, такой судьбы ему, конечно, никто не желал. Когда он вышел, вернулся на поле, все радовались за него. Играл он красиво…

Юрий Анатольевич ПРОКОФЬЕВ – родился в 1939 г. в семье инженера-строителя на острове в Аральском море, куда его отец был направлен в командировку. Летом

1941 г. переехал в Москву, в 1941–1946 гг. жил в эвакуации в Уфе, Тавде, Ташкенте. С 1946 г. проживает в Москве. В 1958–1962 гг. учился в Московском автомеханическом институте, совмещая учебу с активной общественной работой. После окончания института находился на комсомольской работе. Работал инструктором, вторым секретарем, первым секретарем Первомайского районного комитета ВЛКСМ г. Москвы, заместителем заведующего и заведующим отделом комсомольских организаций Московского городского комитета ВЛКСМ. С 1968 г. на партийной работе: инструктор, заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы Московского городского комитета КПСС. В 1972 г. окончил Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1977 г. избирается секретарем, в 1978 г. – вторым секретарем Куйбышевского районного комитета КПСС (г. Москва). В 1985 г. – заведующий организационным отделом Московского городского комитета КПСС. В 1986–1988 гг. секретарь Исполнительного комитета Московского городского Совета народных депутатов. В 1988–1989 гг. секретарь, второй секретарь Московского городского комитета КПСС. С декабря 1989 до ноября 1991 г. – первый секретарь Московского городского комитета КПСС. С 1990 до ноября 1991 г. – член ЦК КПСС, с 14 июля 1990 г. до ноября 1991 г. – член Политбюро ЦК КПСС. После 1991 г. создал ряд предприятий, работающих в сфере высоких технологий. Их разработки использовались Министерством обороны, Министерством внутренних дел, Министерством иностранных дел и другими государственными органами.

– Юрий Анатольевич, вы помните историю с Эдуардом Стрельцовым? Можно ли сегодня утверждать, что его целенаправленно преследовали, травили в прессе?

– Стрельцова очень любили, уважали, многое прощали ему, в том числе и хамское отношение к людям. Он был кумиром молодежи. Потом вдруг неожиданно такой случай: где-то в Тарасовке на даче гулянку устроили. Его обвинили в изнасиловании, причем в жестоком изнасиловании. И сразу же появились статьи, фельетоны. Я понимаю это так же, как и появившийся за несколько лет до того фельетон «Плесень». Там тоже речь шла о том, что молодые люди позволили себе неподобающее поведение. Насколько серьезное преступление

совершил Стрельцов, я сам не знаю. Но речь шла уже не просто о Стрельцове в этих фельетонах, но о распущенности наших спортсменов, особенно футболистов. О том, что платят им большие деньги, у них почет, слава, льготы всякие, а у них от этого голова кружится, они забывают, как надо себя вести. Достаточно долго эта история продолжалась, потому что не ограничилась одним или двумя фельетонами. Были не только фельетоны, но очень резкие статьи. Во всех молодежных газетах – в «Комсомольской правде», в «Московском комсомольце», даже в «Правде» было. Создали состояние нетерпимости, и не столько ко всем этим молодым людям, сколько к Стрельцову. Его, по сути, смешали тогда с грязью.

– Это было незаслуженно, неправильно?

– То, что реакция была, – это было совершенно правильно. Но следовало наказать не только Стрельцова, но и тренера, и ребят, которые принимали участие в той пьянке, в том безобразии. Обрушились непосредственно на одного Стрельцова. В этом отношении было неправильно. Нужно было осудить такое поведение, наказать по закону – это безусловно.

– В той истории оказались замешаны Михаил Огоньков и Борис Татушин. Их не судили, но лишили званий, дисквалифицировали…

– Если о Стрельцове много писали, то шума вокруг поведения Огонькова и Татушина не было. О них упоминалось вскользь. А зря – написать следовало и о них, и о тренере.

– Как реагировал на эту историю комсомол?

– Никак. Не было реакции. Из комсомола Стрельцова исключили, поскольку он был осужден, но чтобы говорили на собраниях – такого я не помню. В то время я был уже секретарем комсомольской организации института. Было осуждение только в прессе.

– Мог бы комсомол как-то влиять на поведение футболистов?

– Вы знаете, пытались. Тем более было уже у людей недовольство, что, скажем, футболисты получают квартиры, футболистам обязательно ставят телефоны, продают им машины. Но хоть и было недовольство, сказать, что резко против этого комсомол выступал, не могу. Отдельные случаи были, когда достаточно известные спортсмены совершали какие-то мелкие нарушения – подделывали, например, документы о сдаче экзаменов или что-то еще в этом роде. Такие мелкие вещи комсомол обсуждал, а серьезных обсуждений не помню.

– А когда вернулся Стрельцов, стал снова играть, писали о нем в газетах?

– Сказать, чтобы возмущение было, не могу. Большинство

отнеслось к этому безразлично, фанаты были довольны. А в прессе просто прошла информация о том, что отсидел, опять играет. Споры о нем поднялись еще единожды, когда стадион «Торпедо» назвали именем Стрельцова. Это было в конце 90-х, тогда большое число людей, увлекающихся спортом, высказали свое неудовольствие. Только фанаты Стрельцова поддержали переименование. Под видом увековечивания памяти Стрельцова тогда использовали в политических целях. Ведь преступление было, наказание было, поэтому многими такой ход рассматривался как плевок в советское прошлое. Подтекст был такой: вы его замарали, а мы вот теперь его именем стадион назовем.

– Поклонники Стрельцова требуют сегодня его реабилитации. Возможно это?

– То, что подняли тогда, в 1958 г., шум вокруг одного Стрельцова, было серьезной политической ошибкой. Нужно было писать о проблеме вообще, обо всех нарушителях, и немного выделить одного Стрельцова как совершившего преступление. И все. Тогда бы никто не посмел сказать, что это борьба не за чистоту спорта, а против Стрельцова. Это напоминает «Бульдозерную выставку», когда художникам предложили одно место, но они все равно пришли в Беляево, где кому-то вздумалось тогда же вести строительные работы. Но это до сих пор преподносится как отношение советской власти к современному искусству. Хотя были в то время выставки современного искусства в парке Горького, я сам туда ходил. Была выставка на Кузнецком Мосту. Тот случай не говорил об отношении к искусству; по-моему, даже специально было спровоцировано такое столкновение. А власть поддалась на провокацию, дала повод до сих пор говорить о насилии. И со Стрельцовым то же.

– А смысл?

– Опорочить советские порядки. Сегодня есть люди, делающие это осознанно. Но большинство просто недостаточно или неправильно информировано. Стрельцов совершил тяжкое уголовное преступление, поэтому на его примере подняли шум с целью воздействовать на других спортсменов, позволявших себе лишнее. Но вообще-то не такое уж это было выдающееся событие. Все достаточно быстро забылось. Только когда «Торпедо» проигрывало, говорили: «Вот если бы был Стрельцов…» Поначалу его жалели и жалели, что не играет. Потом забыли. Конечно, когда он вернулся, фанаты радовались. Уже после его имя использовали в политических целях, чтобы плюнуть в прошлое.

– Сейчас говорят, что будто бы после ареста Стрельцова

некие агенты, внедренные на ЗИЛ, сообщали о возможности массовых демонстраций в его защиту. Будто бы в ЦК нарастало напряжение, прошло сверхсекретное совещание, разработавшее план действий на случай осложнений, то есть митингов или иных возмущений.

– Никаких митингов не было. Была жалость, что такое произошло, что его посадили, что он больше не играет. Но каких-то выступлений в защиту, слухов, что неправильно посадили, что не было преступления, все выдумали, – такого не было.

– Его называют «первым диссидентом».

– Он никогда диссидентом не был. Это смешно. Это сейчас из него делают диссидента, так можно каждого нарушителя спокойствия назвать диссидентом…

Следующая публикация, осуждавшая Эдуарда Стрельцова, появилась в «Московском комсомольце» 4 февраля 1958 г. В апреле того же года сначала «Комсомольская правда», а затем и «Советский спорт» опубликовали письмо от имени уже самого Эдуарда Стрельцова с заверениями в раскаянии, осознании ошибок и активной работе над собой. В конце апреля в газете «Вечерняя Москва» появился список участников сборной команды СССР по футболу, готовящейся к чемпионату мира. Среди прочих игроков упоминался и Стрельцов. И вот тут-то, узнав из газет, что Стрельцов включен в сборную, руководство «Торпедо» и провело собрание команды, где задним числом было оформлено обращение в Спорткомитет с просьбой включить в состав сборной Стрельцова.

Фельетон Шатуновского и Фомичева, названный интернет-фантазерами «косвенной причиной длительного тюремного заключения звезды советского футбола Эдуарда Стрельцова», вышел в «Комсомольской правде» в июне 1958 г., когда меч Немезиды уже обрушился на голову несчастного Стрельцова. Повлиять ни на что не могли уже ни Шатуновский, ни Фомичев. К тому времени как вышел фельетон, преступление уже свершилось, следствие было в разгаре, вот-вот должен был состояться суд. Поэтому ни о каком влиянии фельетона на судьбу Стрельцова говорить нельзя. Да и ничего такого, что могло бы изменить ход дела, не было в фельетоне.

Но стоит признать, что авторы действительно перегнули палку, зачем-то принявшись оскорблять футболиста, приписав ему невероятную дремучесть. Из-за этой будто бы дремучести Стрельцов, как персонаж чеховского рассказа «Экзамен», верил в селедку, делавшую море соленым. Справедливые в целом обвинения зачем-то перемежаются с оскорбительными

фантазиями. И в результате о Стрельцове остается впечатление как о глупом и злобном существе, которое вообще непонятно как проникло в сборную СССР. Очень может быть, что именно такого эффекта и пытались добиться авторы. В таком случае получилось и впрямь непорядочно. Но в остальном журналисты оказались правы, показав «подвиги» Стрельцова на протяжении 1957 г. как превзошедшие все ожидания. Чтобы избежать голословности, приведем отрывок из пресловутого фельетона.

«…В январе этого года «выдающийся», «исключительный» опять соприкоснулся с органами власти по той простой причине, что, напившись пьяным, никак не мог попасть в метро. Центру нападения дежурный сделал от ворот поворот. Тогда «центр» набросился на первого подвернувшегося прохожего. В качестве оружия он использовал свое удостоверение Заслуженного мастера спорта: именно этим документом он наносил прохожему удары по лицу.

Кончилось это, конечно, тем, что Стрельцов был препровожден в милицию. Но и здесь он продолжал драться и сквернословить. Словом, действия «центра», как это зафиксировано в протоколе, подпали под статьи Уголовного кодекса.

Но не успел Стрельцов оказаться в милиции, как в кабинете начальника отделения начал беспрерывно трезвонить телефон:

– Вы знаете, кого вы задержали? Это ведь Стрельцов, наш лучший футболист! Не делайте, ради бога, шуму!

Толпа заступников устремляется в суд, не понимая того, что защищать-то надо советский футбол, а не пьяниц.

– Пожалейте Стрельцова. Ведь ему скоро играть.

Защитники Стрельцова наступают широким фронтом, они атакуют судью и в устной, и в письменной форме. Отношения в суд посылает Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту, на суде в роли адвоката выступают такие авторитетные в спорте люди, как М. Якушин. Цель у всех одна – выгородить хулигана.

Меценатствующий судья 1-го участка Ленинградского района пишет в приговоре: «Принимая во внимание, что он уезжает с командой, суд считает возможным применить к нему минимальную меру наказания». Э. Стрельцов получает всего лишь трое суток ареста.

Но выехать на игру с командой ему все-таки не удалось. Стрельцов, по настоянию игроков сборной, был выведен из сборной…

Фельетон «Звездная болезнь», опубликованный в нашей газете, меценатствующие руководители завода встретили с

искренним негодованием. Тот же Фатеев запретил заводской многотиражке перепечатать фельетон, касающийся завода. Вскоре «Спортивная жизнь России» поместила карикатуру на Стрельцова. Тут уже не выдержал председатель завкома Г.П. Софонов. Он позвонил в редакцию и выразил свое возмущение. Аргументация Софонова выглядела весьма странной. По его словам, печать мешает ему воспитывать «выдающегося и исключительного».

После выступления «Комсомольской правды» Стрельцов прислал с юга покаянное письмо в редакцию. На бумаге он признал свои ошибки… А на деле продолжал безобразничать. Стрельцов участвовал в попойке в Сочи, вслед за этим напился в Кишиневе. Все это происходило на глазах у начальника команды Ястребова, тренера Маслова и одного из самых рьяных меценатов – заместителя председателя профкома Платова, путешествующего вместе с командой по южным городам.

Стрельцов превращался в социально опасный элемент, а восторженные меценаты «курили ему фимиам».

Мы спрашивали у Софонова, с какой стати Стрельцов, имея двухкомнатную квартиру, получил новую? Разве молодым рабочим в 20 лет завод дает отдельные квартиры?

– Ну что же сравнивать Стрельцова с рядовыми рабочими! – возмутился Софонов. – Стрельцов – выдающаяся личность. Мы хотели помочь ему наладить нормальные отношения с женой.

Но Стрельцов выгнал жену с грудным ребенком на улицу, как только вселился в новую квартиру, ведь жена решительно протестовала против пьянства и дебоширства своего супруга.

– Ну выпивал Эдик, – сказал Софонов. – Что ж тут особенного?

После таких рассуждений председателя завкома нам становится все понятнее, почему так трагически закатилась «футбольная звезда».

Впервые за много лет Пролетарский райком ВЛКСМ вспомнил, что Стрельцов – комсомолец. Центра нападения вызвали в бюро райкома ВЛКСМ. Члены бюро райкома и приглашенные на заседание члены заводского комитета ВЛКСМ были до глубины души возмущены поступком хулигана. Они внесли предложение исключить Стрельцова из комсомола.

Такая постановка вопроса не укладывалась в головах руководителей района:

– Как «выдающегося» и «исключительного» вдруг исключить?..

Слово взял первый секретарь райкома ВЛКСМ Виктор Полищук. Сначала секретарь дал туманное определение понятия «широта русской души», потом решительно стал утверждать, что

именно такая душа у Эдика. Из выступлений Полищука явствовало, что Эдик – человек, в сущности, хороший, что он одумается, исправится, и посему достаточно записать ему выговор, а на футбольном поле оставить, ибо забитыми мячами он искупит свою вину…

На Колхозной площади среди ночи ему втемяшилась в голову блажь: он ворвался в незнакомую квартиру, перепугав спящих жильцов, и принялся с ожесточением бить посуду. Хулигана доставили в милицию…

Тлетворное влияние «звездной болезни» коснулось не только Стрельцова и Иванова. Спросите спартаковцев, почему они провели прошлый сезон ниже своих возможностей, и футболисты скажут вам:

– Кроме неполадок в защитных линиях, немалую роль в этом сыграли Исаев и Татушин.

Эти два молодых спортсмена тоже почувствовали признаки пресыщения. Они тоже, оказывается, уже отведали свою порцию салата по 87 рублей 59 копеек…»

Да, цены на салаты выросли. Но, кроме нескольких неточностей, все соответствует происходившему. Стрельцов выгнал жену в положении, а не с грудным ребенком, и вместо Колхозной площади была Крестьянская Застава – немудрено перепутать. Но разве эти неточности отменяют суть? Разве не было пьянства, дебоширства, хулиганства? Все было. Не было только влияния фельетонов на расследование и заключение суда.

До сих пор вокруг происшествия, из-за которого центрфорвард оказался в тюрьме, ведутся ожесточенные споры. В Википедии, например, сказано, что Стрельцова осудили при отсутствии достаточных доказательств. Того же мнения придерживаются и поклонники Стрельцова. Один из биографов – В.И. Галедин, ссылаясь на своих предшественников А.В. Сухомлинова и Э.Г. Максимовского, уверяет, что «следствие велось ужасно, приговор написан заранее, несправедливость налицо». Но ни Сухомлинов, ни даже Максимовский не утверждают, что приговор был написан заранее. Да и доказательств было больше чем достаточно. И мы сможем убедиться в этом сами.

«Подстрелил стрелец лебедь белую…»

Задачу нам во многом облегчил Э.Г. Максимовский. Книга Э.Г. Максимовского «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?» чрезвычайно интересна и полезна для интересующихся вопросом и желающих разобраться. Правда, интересна только в части документальной, то есть опубликованными в книге документами. Что же касается авторских комментариев, то тут, как при грохоте пушек, музы умолкают. Но поскольку нам интересны факты и материалы дела, то оставим удивительные комментарии без внимания.

Итак, что же случилось. Сразу оговоримся: весь рассказ строится на показаниях нескольких свидетелей – участников событий, а также соседей по даче. Предложенная версия – это совпадение всех показаний.

15 мая 1958 г. в Москву приехал Эдуард Караханов – военный летчик, проходивший службу на Дальнем Востоке. С детства Караханов приятельствовал с Борисом Татушиным, а приезжая в Москву, обязательно встречался со старым другом. Так было и в тот раз. 23 мая они встретились в Тарасовке – подмосковном поселке, где футболисты сборной СССР готовились к чемпионату мира, открывавшемуся в Швеции 6 июня. Друзья договорились о встрече на следующий день в Москве. В субботу 24 мая сборная СССР играла с поляками на стадионе «Динамо». Матч завершился победой 3:0, что, конечно же, увенчалось банкетом. На сей раз в ресторане гостиницы «Ленинградская». В перерыве между банкетом и матчем друзья условились, что из «Ленинградской» Борис Татушин вместе со своей девушкой Инной Ефимовой приедет домой к Караханову в Столешников переулок.

В Столешниковом, кроме Татушина с Инной, собралась большая компания. И после шумной вечеринки с вином и танцами некоторые гости остались ночевать. Инна жила в подмосковном Пушкине и рассчитывала, что домой ее отвезет Борис. Но поскольку выпил он за вечер не так уж мало, то садиться за руль побоялся. Добираться в Пушкино ночью на электричке Инна не рискнула, почему и заночевала в чужом доме. А наутро Эдуард Караханов, его знакомая Ирина Попова, тоже заночевавшая в Столешниковом, Татушин и Ефимова договорились ехать на дачу к родителям Караханова на станции «Правда». Но сначала Татушину необходимо было побывать в ателье на примерке костюма, специально заказанного для

чемпионата мира в Швеции.

Накануне Татушин условился поехать за город с Огоньковым, для чего они договаривались встретиться в воскресенье 25 мая на улице Горького. Одновременно Огоньков договорился со Стрельцовым вместе поехать на примерку костюмов. В ателье Татушин и Огоньков со Стрельцовым разминулись, и встреча произошла на улице Горького. Татушин с Карахановым, Поповой и Ефимовой приехали на «Москвиче» Татушина. Огоньков и Стрельцов – на машине той же марки Огонькова. Последовало приглашение от Караханова новым знакомым провести выходной на даче. Огоньков поинтересовался, будут ли еще девушки, и, получив обещание от Инны Ефимовой пригласить подружек, согласился ехать. Кстати, припомним, что ровно год назад 25 мая 1957 г. Эдуард Стрельцов женился на Алле Деменко, так что первую годовщину свадьбы центрфорвард отправился отмечать в компании незнакомых девушек.

Вообще-то футболистам надлежало быть на базе в Тарасовке, но начальник сборной В.В. Мошкаркин позволил игрокам поехать домой, с условием, что 26 мая к 16 часам все соберутся в Москве на стадионе «Динамо».

С улицы Горького компания выдвинулась на дачу. По дороге купили шампанского, коньяка и водки, заехали за мачехой Караханова Верой, заглянули на Рижский рынок и, ничего не купив там, выбрались наконец-то на Ярославское шоссе. Доехав до поворота на Пушкино, остановились заправиться, и Караханов пересел из машины Татушина в машину Огонькова. Затем «Москвич» с Татушиным, Инной Ефимовой и Ириной Поповой свернул с шоссе, а машина с Огоньковым, Стрельцовым и Карахановыми остановилась. Дело в том, что Инна отправилась созывать на пикник подружек, в то время как пассажиры второй машины остались ждать их на шоссе.

Что же происходило в Пушкине? Заехали к Инне, чтобы она переоделась, после чего Инна пошла разыскивать приятельниц. Сначала она зашла за Тамарой Тимашук и велела ей одеться получше, потому что пикник намечается с ребятами из сборной, одетыми просто шикарно. Тамаре, никогда не видевшей футболистов – да еще из сборной – так близко, очень захотелось на них посмотреть. Однако родители Тамары, читавшие прессу и еще не забывшие фельетон Семена Давидовича Нариньяни, напомнили ей, что за люди эти футболисты. Тамара поделилась опасениями с Инной, но Инна ее успокоила, заверив, что на самом деле это простые, хорошие ребята. Причем Инна уверяла, что все они не женаты. А еще было бы неплохо, если бы Тамара передала одной их общей знакомой – Ире, – какие приятели

имеются у Инны. А то вот Ира хвалится своими знакомствами, так уж мы не хуже! И после этого поручения Инна побежала за другой подружкой – Марианной или, как все называли ее, Мариной Лебедевой, с которой они были дружны со школы. Марины дома не оказалось, тогда Инна направилась к Гале Климовой. Ехать на пикник Галя уж было согласилась, но тут появилась Марина, и Галя решила вернуться домой.

Двадцатилетняя комсомолка Марина, окончившая десятилетку и техническое училище, работала чертежницей в семнадцатой лаборатории Национального института авиационных технологий. Марину характеризовали как дисциплинированную, исполнительную, скромную и добросовестную работницу. С молодыми людьми Марина к тому времени не встречалась и жила с матерью. В тот день, 25 мая, в 7 часов 50 минут мама Марины Лебедевой уехала сажать картошку, а к 10 часам к ней присоединилась и Марина. После картошки Марина на велосипеде поехала домой и вот тут-то встретила Инну с Галей. Запыленная после картошки Марина умылась у колонки и, подбадриваемая рассказами Инны о футболистах сборной, заторопилась за подругой. Они зашли за Тамарой, после чего Инна повела их к машине, где вместе с Татушиным ждала Ирина Попова. Марина домой даже не заходила – как была в пыльном платье, так и поехала в гости на дачу поглазеть на футболистов. Ни денег, ни документов с собой не взяла.

Наконец все расселись и куда-то поехали. Оказалось, что на Ярославском шоссе их ждет другая машина. Теперь они ехали все вместе до поселка Правда и остановились у дачи Карахановых. Здесь хозяева дали им ковер, посуду, и, загрузив все это в машины, захватив с собой младшего брата Эдуарда Караханова Сергея и приятеля брата, они отправились на Тишковское водохранилище.

Расположились на берегу, и в это же время подъехала еще одна машина со старшими Карахановыми и их гостями – четой Каяндер. Молодежь расселась на своем ковре, старшее поколение расположилось в сторонке, и начался пир. Пили все много, так что спиртного не хватило, и Тамара, Стрельцов, Огоньков, Эдуард Караханов поехали в магазин, откуда привезли «Старку». Не привыкшая к спиртному Марина выпила в общей сложности стакан сорокоградусных напитков – всего понемногу. Поначалу она сомневалась, что парни действительно футболисты, и склонялась к мысли, что они всего лишь выдают себя за таковых. Но потом начался импровизированный футбол, и пришлось признать, что играть они умеют. Интересен в этой связи

комментарий В.И. Галедина, почему-то уверенного, что не знать Стрельцова в лицо Марина не могла – уж очень велика была его популярность. Однако что в те годы, что сейчас огромное число людей вообще не интересуется футболом и о футболистах знает постольку-поскольку. Как, например, обе супруги того же Стрельцова.

А на берегу между тем становилось все веселее. Играли в футбол, потом в волейбол, потом изрядно опьяневший Стрельцов, а с ним Инна уехали кататься на машине Огонькова. Огоньков, испугавшийся, что Стрельцов разобьет его «Москвич» так же, как и свою «Победу», упросил Татушина догнать Стрельцова. И тогда они с Мариной и Тамарой бросились в погоню. Но, не найдя беглецов, вернулись, обнаружив, что Стрельцов с Инной вернулись еще раньше.

С самого начала Марина оказалась рядом со Стрельцовым. Поскольку Инна приехала с Татушиным, Ирина – с Карахановым, Тамаре и Марине надлежало составить пары для оставшихся Огонькова и Стрельцова. Пары составились сами – сначала сидели рядом, потом разговорились, потом уже он за ней ухаживает, а она, опьянев с непривычки, кладет ему голову на плечо. И вот нужно ехать домой, а места в машине не хватает, и тогда она садится к нему на колени, а он, приобняв ее одной рукой, другой прикрывает ей голову, чтобы на ухабах она не ударялась, и нежно целует шею. И конечно, он ей нравится, очень нравится, и непонятно, от чего – от вина ли, от поцелуев, кружится голова. А там вечереет, становится прохладно, и он набрасывает ей на плечи свой пиджак…

Примерно так все и было. Когда они вернулись на дачу, Ира, Тамара и Марина собрались домой и пошли на электричку. Причем Тамара не горела желанием возвращаться домой, поскольку в то воскресенье ей надо было быть на работе в 18 часов, но работу она прогуляла и являться домой среди ночи, нарываясь на вопросы родителей и неизбежный скандал, совсем не хотела.

Ира жила на станции «43-й километр», Марина и Тамара – в противоположной стороне, в Пушкине. По дороге их на машине догнали Стрельцов и Караханов. Последнему нужно было что-то сообщить Ирине, и Стрельцов увел других девушек обратно. Ирина хотела переодеться, сменить разорванное платье. Татушин согласился отвезти ее на 43-й километр, вместе с ними поехали Инна и Караханов. Все остальные, то есть Тамара с Мариной и Огоньков со Стрельцовым, остались дожидаться их на даче. В ожидании играли в пинг-понг, в «жучка» – детская игра, когда нужно угадать ударившего сзади. Водящий становится к

остальным игрокам спиной, а игроки по очереди хлопают его по выставленной ладони. Задача – распознать, кто именно хлопнул. Когда отъезжавшая компания вернулась, было уже около одиннадцати вечера. Хозяева предложили поужинать, и все расселись вокруг стола. Марина снова оказалась рядом со Стрельцовым, укрывшим ее плечи своим пиджаком.

После ужина Марина опять завела разговор о необходимости ехать домой. Она считала, что раз ее пригласили в гости и привезли на машине, то таким же образом должны доставить обратно. Тем более денег с собой у нее не было, а идти до дома 6 километров через лес ей совсем не хотелось. Но Марину никто не поддержал. Футболисты были пьяны, к тому же весь день она провела рядом со Стрельцовым, и все смотрели на нее как на девушку Эдика, вот пусть он ее и провожает. Тамара окончательно раздумала возвращаться домой. Только Ирина все порывалась уехать и снова пошла на станцию пешком – поезд ее уходил в 00.15, но она жила в противоположной от Пушкина стороне, поэтому, когда Татушин с Карахановым опять поехали ее догонять, остальные девушки даже не обратили на это особого внимания. Озаботились они другим: у Татушина в машине осталась сумочка Инны, а Огоньков сказал, что Татушин уехал в Москву. Инна, а за ней Марина и Стрельцов вышли за калитку. Инна – чтобы удостовериться в отъезде Татушина, Марина – за компанию с Инной. У Стрельцова, как выяснилось, были вопросы к Инне. Отозвав ее в сторону, он спросил, что собой представляет Марина. Инна заверила, что Марина – очень хорошая девушка, что они давно знакомы и дружат со школы. Но все-таки, добавила Инна, лучше поговорить, когда он будет трезвый. Они вернулись на дачу.

Огоньков тем временем пообещал Марине, что отвезет ее домой в пять утра, а хозяева предложили остаться переночевать – действительно поздно! Остаться Марина не боялась, хотя вернуться домой было бы, конечно, лучше. Но здесь, на этой даче, оставались ее подруги, потом были хозяева и гости хозяев – люди солидные. Что же плохого может случиться? Вон хозяйка – Вера Караханова, так волнуется за гостей, что и сама пешком пошла на станцию разыскивать уехавших. Правда, они разминулись, Вера пришла домой одна, а вскоре приехали и Татушин с Карахановым – привезли с собой Ирину.

Пока же они ездили и ходили туда-сюда, на даче произошло самое интересное. К ужину опять было спиртное, все пили, пил и Стрельцов. Когда Ира ушла, а Татушин с Карахановым уехали, остальные еще сидели в саду. Сначала Инна, Марина и Стрельцов выходили за калитку, потом вернулись, Инна ушла на террасу.

Следом собралась и Марина. За Мариной опять пристроился Эдуард. Опять началось какое-то хождение, но в какой-то момент Стрельцов предложил Марине идти спать. На отказ он заявил: «Ты все равно будешь моей!»

Тогда Марина пошла в дом, в комнату, где была Инна. Следом вошел Стрельцов, а за ним – Огоньков. Марина считала, что если они будут все время с Инной, то ничего неприятного не произойдет. Но вдруг Огоньков сказал Инне: «Пойдем посмотрим, не приехал ли Борис», имея в виду Татушина. Инна ушла, и Марина осталась со Стрельцовым. Как только Инна подошла к калитке, то из дома раздался крик Марины, звавшей Инну по имени. Замешкавшись вначале, Инна все-таки пошла в дом, а с ней – Тамара и Огоньков. Но потом Огоньков объявил, что это не их дело – у дачи есть хозяева, пусть они и разбираются. Выключив свет на веранде и в комнате, он увел девушек.

Что происходило дальше с гостями дачи Карахановых, нас не очень интересует. Наша задача – понять, что произошло со Стрельцовым. Марина, оказавшаяся девственницей, вела себя со Стрельцовым, по мнению окружающих, слишком развязно, что в принципе было ей несвойственно. Даже адвокат на процессе заявил, что Марина вела себя не как целомудренная девушка, а как доступная женщина. Из чего это следовало? Да из того, что она прижималась к Стрельцову, позволила ухажеру кормить себя с вилки, целовать, надеть на себя пиджак. На этом основании защитники и поклонники Эдуарда Анатольевича считают его пьяные поползновения абсолютно уместными и закономерными. Лебедеву пытаются представить коварной соблазнительницей, манипулирующей наивными мужчинами. Но все обстоит с точностью до наоборот. С одной стороны – девственница, совершенно неопытная девушка в обращении как с противоположным полом, так и со спиртным. С другой стороны – видавший виды «донжуан», успевший не то что вкусить греховного плода, но и переболеть сопутствующей болезнью. И потом, что это за пещерный взгляд на отношения полов: позволила себя поцеловать – обязана отдаться? А.В. Сухомлинов пишет: «Необъяснима девичья психология». Да нет, тут-то как раз все объяснимо: любопытная, неопытная девушка опьянела и стала вести себя развязнее, чем следовало бы. По той же неопытности пустилась флиртовать, неверно оценив степень галантности и уровень культуры выбранного кавалера. Когда поняла, что кавалер не интересуется романтикой, а требует все и сразу, по-настоящему испугалась. А вот кавалер, привыкший считать себя неотразимым, не мог, очевидно, и мысли допустить, что какая-то провинциалка и в самом деле не собирается ему отдаваться.

Необъяснимо как раз другое – когда взрослые дяди пытаются выгородить пьяного бугая и обвинить изнасилованную девчонку, что не отдалась по доброй воле, да еще и посмела кому-то жаловаться. Необъяснимо, когда деяние Стрельцова такие дяди называют «естественным в его возрасте действием» и делают вид, что не понимают: сексуальное насилие может оставить на психике пострадавшего неизгладимый след, дальнейшая жизнь изнасилованной однажды женщины может оказаться сломанной. Биографов-защитников Эдуарда Стрельцова отличает какое-то упорное нежелание быть до конца правдивыми и объективными. Не говоря уже о том, что никто из них не выразил ни малейшего сочувствия Марине Лебедевой. Напротив, ее, точно мужики из дремучей дореволюционной деревни, заклеймили самыми гнусными прозваниями. В самом деле, как ее только не называли: и «б….ю», и «динамщицей», и «кагэбэшницей»… Один даже Фрейда приплел: дескать, такие, как Лебедева, фаллосом грезят и мужчин оттого ненавидят. Ведьма просто! Как в стихотворении М.В. Исаковского:

…Виновата во всем вдова;
В непозволенный богом день
Городила она плетень,
И плетнем заслонила дождь.
Оттого-то и сохнет рожь…

«Великий грех»

Мужики, посовещавшись, решили утопить вдову вместе с ее грехом в деревенском колодце:

…Закричала, завыла вдова.
И в колодце погасли слова…
Опускали живую в сруб.
А оттуда тащили труп…

Такое впечатление, что и наши мужички, была бы их воля, охотно отправили бы Марину Лебедеву в какой-нибудь колодец или иную пучину вод.

…А в тот вечер, когда Марина с Эдуардом остались одни, он первым же делом попытался увлечь ее в постель. Она сопротивлялась, она стала его отталкивать, начала кричать, и крик этот слышали все, кто был в тот момент на даче. Он повалил

ее и ладонью зажал рот, она схватила его руку зубами и прокусила палец. И вот тут, как нас уверяют, он, просто следуя инстинкту самосохранения, ударил ее. После чего все и произошло.

От удара она потеряла сознание (но, возможно, просто не хотела живописать перед следствием все, что с ней происходило), когда очнулась, увидела, что лежит голая. Сопротивляться она перестала, потому что все стало безразлично. Потом она слышала, что кто-то пришел в комнату, что Стрельцов попросил закурить. И чувствовала запах сигаретного дыма. А еще мужской голос сказал: «Нельзя же так!» Потом она уснула, а когда проснулась рано утром, увидела, что в комнате на полу спит Караханов. Она встала, оделась, причем одежду кто-то аккуратно повесил на стул, и ушла пешком домой. В 5 часов утра она была дома, когда же мать открыла ей дверь, то не сразу узнала свою дочь – лицо было отекшим и распухшим, глаза полностью заплыли, губы разбиты, вся одежда была в крови. В 8 часов 30 минут мать Марины Лебедевой обратилась в милицию. В тот же день началось следствие.

На каком же основании сегодня отрицается вина Стрельцова? Во-первых, Марина вела себя развязно и дала повод думать, что на все согласна. Потому и сопротивление Стрельцов принял за кокетство. Во-вторых, на первом допросе Стрельцов заявил, что не насиловал Лебедеву, что она добровольно согласилась вступить с ним в связь. В-третьих, и это, пожалуй, больше всего воодушевляет фанатов, в той же комнате спал Караханов, а значит, он и мог изнасиловать Лебедеву. В-четвертых, многих смутил А.В. Сухомлинов, написавший, что следствие прошло слишком быстро, дело велось небрежно, а возобновление дела о хулиганстве было-де незаконным. Что ж, давайте остановимся на каждом пункте.

С развязностью Марины мы более или менее разобрались: ее неправильное и, возможно, некрасивое поведение – это не повод для совершения над ней сексуального насилия. Теперь по поводу насилия. Можно ли поверить Стрельцову и тем, кто сегодня его выгораживает? Нет, потому что он прежде всего был пьян, а в таком состоянии, как мы уже имели удовольствие убедиться, бывал буен. По причине опьянения он мог и не помнить того, что с ним происходило. Но главное, что такое «изнасилование»? В соответствии с УК РСФСР от 1926 г., действовавшего до 1960 г., изнасилованием считалось (и считается!) половое сношение с применением насилия, угроз, запугивания или с использованием путем обмана беспомощного состояния потерпевшего лица. Как выглядела Марина со слов ее матери, мы выяснили. Теперь

выясним, что же сказали на этот счет эксперты. Были проведены три (!) медицинских освидетельствования – 26 мая, 31 мая, 2 июня. Все три экспертизы показали одно и то же: примерно 25–26 мая у Лебедевой нарушена целость девственной плевы. В то же время Лебедевой получены легкие телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, как то: перелом костей носа, обширные кровоподтеки в веках обоих глаз, кровоизлияние в склере обоих глаз, ушибленная рана на слизистой оболочке верхней губы, множественные кровоподтеки на плечах, на бедрах, на левой голени, осаднение кожи передней поверхности щеки, на подбородке, на передней и на правой боковой поверхностях шеи – ссадины и кровоподтеки. Другими словами – она вся была избита, вся в синяках и с переломанным носом. Но ведь половой акт, сопровождаемый хотя бы только переломом носа, это и есть изнасилование.

Значит, изнасилование было. Теперь к вопросу, совершал ли его Стрельцов, абстрагируясь от его собственных показаний. В ходе следствия была проведена судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств. Попросту говоря, были исследованы вещи Лебедевой и Стрельцова. На всех вещах обнаружены следы крови Лебедевой и крови I группы. К этой группе относилась кровь как Стрельцова, так и Караханова. Но у Стрельцова был прокушен палец, и все свидетели в голос заявили, что утром 26 мая его рубашка была в крови, палец поврежден, а лицо исцарапано. Более того, кровь I группы, а равно кровь Лебедевой и сперма были обнаружены на трусах Стрельцова. Понятно, что оставить такие следы никто, кроме нее и него, не мог. То есть Стрельцов как минимум участвовал в изнасиловании. Тем более что Лебедева показала на него как на насильника, что он и бил, и совершал половой акт. Все свидетели в голос подтверждали: когда Марина кричала и звала на помощь Инну, Караханова на даче не было. Участие Стрельцова в насилии доказано неопровержимо: кровь Лебедевой оказалась на его одежде вследствие дефлорации Лебедевой, его собственная кровь – из-за прокушенного Лебедевой пальца. Его кровь на одежде Лебедевой – потому что он касался этой одежды. Его сперма на его трусах и на одежде Лебедевой – тоже по вполне прозрачной причине. Да и тот факт, что Лебедева прокусила палец Стрельцову, а не кому-то еще, тоже, наверное, говорит о многом.

Ну, допустим, и Караханов участвовал в насилии, на чем почему-то очень настаивают поклонники Стрельцова. Только эти поклонники, в силу разных причин, не обратили внимания на одно весьма интересное обстоятельство. Дело против Стрельцова возбудил 26 мая следователь Прокуратуры Мытищинского района

по признакам части 2 Указа Президиума Верховного Совета от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Но 26 июня старший следователь Прокуратуры Московской области постановил привлечь гр. Стрельцова Э.А. по статье 143 части 1 УК РСФСР и части 1 Указа Президиума Верховного Совета от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Забегая вперед, скажем, что так его и осудили: по ст. 143, ч. 1 и ч. 1 Указа от 04.01.49., возобновив старое дело по статье о хулиганстве. Что это означает? Статья 143 часть 1 подразумевает умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья, и наказывается лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года. С Указом об усилении ответственности за изнасилование вроде бы все ясно. Но! Часть первая этого Указа гласит: «Изнасилование карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет». А часть вторая сообщает, что «изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой особо тяжкие последствия, – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет». А что же считается «изнасилованием, совершенным группой лиц»? Групповым изнасилованием признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей. Другими словами, если только доказать, что Караханов совершил половой акт с Лебедевой, как преступление сразу же, автоматически переходит под действие части второй того самого Указа Президиума Верховного Совета от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». И докажи только следствие участие в этом деле Караханова, как оба они – и Караханов, и Стрельцов – получили бы по двадцатке, как говаривал Глеб Жеглов, «на душу населения».

Поклонникам же Стрельцова следует внимательнее читать документы и не ратовать за то, чтобы их кумира считали чудовищем. Если бы эти горе-защитники выступали на процессе шестьдесят лет назад, то наверняка бы упекли Стрельцова лет на двадцать.

Что касается ведения дела, то и тут не так уж все просто.

Уже после 1991 г. поклонники Стрельцова, в том числе и знаменитые спортсмены, озаботились реабилитацией своего кумира. Что такое реабилитация? Это восстановление утраченного доброго имени, отмена необоснованного обвинения

невиновного лица либо группы лиц из-за «отсутствия состава преступления». То есть сегодня эти люди стремятся всеми силами доказать, что Стрельцов преступления не совершал, в насилии не участвовал и побоев не наносил. Поскольку доказать это честным путем невозможно, в ход идут ложь, подтасовка фактов, навязывание удобной кому-то версии. Выглядит это на удивление цинично и некрасиво. Например, когда солидные люди пишут об изнасиловании Стрельцовым невинной девушки «что-то там натворил», то ничего, кроме недоумения, такие заявления не вызывают. Понятно, что отечественным болельщикам хочется красивой игры, хочется, чтобы сборная хотя бы раз поднялась на вершину мирового футбола, а потому обиды никому не известной девушки из подмосковного поселка представляются нелепой помехой, досадным недоразумением. До сих пор пишут: вот если бы Эдик поехал тогда в Швецию!.. Только забывают добавить: вот если бы Эдик вел себя по-человечески.

В Интернете можно встретить даже такие утверждения: «Одна из них, Марианна Лебедева, как позже выяснилось, занималась проституцией. С ней Стрельцов и провел почти всю ночь, «разогревшись» перед этим горячительными напитками. На следующий день гражданка Лебедева не вышла на свою официальную работу. От нее потребовали объяснений, и «жертва дачного отдыха» написала заявление, что ее изнасиловали». Другая версия интернет-следователей гласит, что Лебедева в обмен на отказ от обвинений потребовала у Стрельцова его «Победу». Понятно, что фантазеры не в курсе: очевидные дела об изнасиловании – со следами побоев, со сломанными носами – не прекращаются по капризу одной из сторон. Но все же, читая такие истории, понимаешь, что ради хорошего футбола люди готовы на любую подлость, на любую мерзость. И вспоминается тогда Н.Н. Озеров с его знаменитой фразой: «Такой хоккей нам не нужен!»

> ЕСЛИ ПРИЗНАТЬ ВСЕ ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОШИБКАМИ, ЗА КОТОРЫЕ ОН ДОРОГО ЗАПЛАТИЛ, ОСТАНЕТСЯ ЧЕЛОВЕК, ПРЕОДОЛЕВШИЙ СЕБЯ, СОВЕРШИВШИЙ ВОЗВРАЩЕНИЕМ В БОЛЬШОЙ СПОРТ ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНОЕ.

Конечно, с одной стороны – футбол, незабитые голы, несостоявшийся поединок с Пеле, а с другой – какая-то баба. Но остается вопрос: если спорт перестает быть частью культуры, если отказывается от миротворческой, гуманитарной, воспитательной миссии, во что он превращается? В самоцель? В гладиаторские бои? В кровавое шоу? И невольно напрашивается вывод: очевидное сегодня вырождение спорта началось не на пустом

месте.

Непонятно и то, ради чего затеяна суета вокруг судимости Стрельцова. Кому нужно доказать, что Стрельцов не совершал преступления? Зачем? Если признать все его преступления ошибками, за которые он дорого заплатил, останется человек, преодолевший себя, совершивший возвращением в большой спорт почти невозможное. Другими словами, Стрельцов предстанет как сложная личность, достойная всяческого уважения. Вместо этого нам пытаются навязать идею Родиона Раскольникова – одним можно старухам головы крошить, девчонок насиловать, а другим лучше помалкивать. Нелепая защита, попытка добиться отмены приговора по доказанному преступлению – это медвежья услуга, превращающая образ футболиста в уродливую карикатуру. Его пытаются выставить каким-то enfant terrible, отвлекая внимание от лучшего в нем и сосредотачиваясь на неприглядном, во-первых, и на несуществовавшем, во-вторых. Чего стоит одна история с Фурцевой, якобы мечтавшей выдать замуж дочку-восьмиклассницу за футболиста, знакомого лишь по газетным фотографиям. Еще один слух: якобы Хрущев, узнав о «драме на даче», затопал, захлопал и закричал: «Посадить, и надолго!» Слух этот легко опровергается: посадить Стрельцова действительно могли бы лет на двадцать с гаком и вполне на законных основаниях. Однако этого не случилось. Значит, вести речь о какой-то заданности приговора, о старании дать срок побольше просто невозможно.

26 мая Стрельцова, Татушина и Огонькова задержала милиция. 27 мая о происшедшем стало известно в Спорткомитете СССР, тотчас дисквалифицировавшем горе-нападающего. Председатель Комитета по физической культуре и спорту Н.Н. Романов доложил о случившемся секретарю ЦК КПСС, от которого весть дошла и до Хрущева. Тут-то и начинаются слухи, потому что никто точно не знает, что именно сказал Хрущев, зато все ссылаются на неких «сведущих людей». Но когда речь заходит о ссылках на «сведущих людей», вспоминается книга А. Линдгрен «Малыш и Карлсон»: «Карлсон засунул руку в карман и вытащил карандаш и блокнот.

– Пожалуйста, продиктуйте мне имена и адреса хотя бы двоих из этих тысяч, – попросил он.

Но фрекен Бок не желала давать адреса».

При этом мы отнюдь не собираемся отрицать принципиальное существование давления сверху. Мы лишь призываем не принимать слухи за факты и не делать на основе слухов серьезных выводов. Удивляет и другое. В наши дни довольно часто приходится слышать: «президент той или иной

страны взял под свой контроль…», или «под личный контроль дело взяли руководители силовых ведомств…». Но никто не возмущается и не видит недопустимого вмешательства государства в жизнь граждан. Напротив: участие первых лиц внушает оптимизм и надежду. Так что же недопустимого в том, что руководители советского общества, основанного, кстати, совсем на других принципах, отличных от нынешних, могли точно так же контролировать ход следствия? Если уж говорить о футболе, то, например, в Великобритании, считающейся едва ли не идеалом демократии и либерализма, начиная с 1920-х гг. государство весьма активно вторгалось в управление спортивными вопросами. Например, в 1930-е гг. МИД Великобритании всячески препятствовал связям британских футболистов с советскими коллегами и, напротив, ратовал за установление контактов с немецким футболом.

Впрочем, здесь необходимо небольшое отступление для прояснения вопроса, который обычно уходит на второй план, но без четкого понимания которого многое предстает в искаженном свете. Речь пойдет об управлении футболом в СССР и о том, как именно была организована структура руководства в большом спорте. Ведь когда вспоминают «дело Стрельцова», непременно ссылаются на «давление сверху», на вмешательство партократов и прочую несправедливость. В.И. Галедин, например, считает, что зависимость сборной от воли властей выглядит отвратительно. Но правомерно ли вообще так ставить вопрос?

> СПОРТ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАХОДИЛСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ ЦК КПСС, СУЩЕСТВОВАЛА СИСТЕМА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ НАД БОЛЬШИМ СПОРТОМ – ТАК БЫЛО УСТРОЕНО ГОСУДАРСТВО.

Спорт в советское время действительно находился под наблюдением ЦК КПСС, существовала система партийного контроля над большим спортом – так было устроено государство. Причем, как мы видели, не только советское. Поэтому вмешательство Центрального комитета партии в «дело Стрельцова» было естественным ходом вещей. В разные периоды советской истории футбол курировался разными отделами ЦК – в 50-е гг. Отделом административных органов, потом Отделом пропаганды. Кроме того, вопросы спорта рассматривались и на Политбюро, особенно что касается крупных международных соревнований и выезда спортсменов за границу. КГБ в данном случае не занимал какой-то активной позиции, никаких выводов не делал, оставляя это право партийным органам. От Комитета

в ЦК могли поступать сигналы на проштрафившихся спортсменов, обзоры международного положения, письма о каких-то ошибках или явных недостатках в спорте. До войны организация спортивных событий была устроена иначе. В 20-е гг. стране вообще было не до спорта, и в том числе не до футбола. Лишь к концу 20-х гг. государство обратило на спорт внимание. Поначалу было много разных идей. Например, что скоро рухнет старый буржуазный мир, на смену ему придет мир новый, и спорт обновится, как и все остальное. Потом было решено создать свою спортивную систему, отличную от буржуазной. Причем футболу придавалось особое значение, поскольку этот вид спорта – самый массовый из всех, а игра оказалась необыкновенно популярна. Но в те годы Советский Союз находился в международной изоляции, и советские спортсмены не имели опыта общения с зарубежными коллегами. Также и опыта проведения спортивных соревнований у страны в ту пору не было. Тот футбол нельзя было назвать профессиональным, не было и профессиональной системы управления футболом. Существовали какие-то общественные организации, которые и заправляли делами футболистов. Советский футбол того периода называют «диким» и по уровню игры, и по уровню организации. Когда советские футболисты начали встречаться с сильными зарубежными командами, эта дикость стала для всех очевидной. Только в 30-е гг. отечественный футбол сдвинулся с мертвой точки и попробовал развиваться. Появились спортивные общества, организации, стала формироваться государственная структура управления. Проблемы футбола стали решаться на уровне наркоматов. Появился Спорткомитет, занимавшийся организацией соревнований и озвучиванием от своего имени решений вышестоящих организаций. Так что и позже решения ЦК КПСС озвучивал от своего имени Спорткомитет. К 50-м гг. советский спорт достиг очень высокого уровня. На Олимпиаде 1952 г. в Хельсинки советские спортсмены получили то же количество очков, что и лидеры соревнований американцы, проиграв лишь по числу золотых медалей. Но советская футбольная сборная после той Олимпиады подверглась расформированию. Однако это не было чьей-то блажью. Мало-помалу спорт стал восприниматься как проводник политики, как инструмент пропаганды. Спорт должен был свидетельствовать о превосходстве советского образа жизни. Поэтому власть поначалу очень опасалась проигрышей. После войны СССР стал вступать в различные международные спортивные организации, но при этом участвовать в соревнованиях СССР отказывался. И все по причине боязни проиграть, потерять лицо, опорочить советский строй и образ

жизни. Но не стоит смеяться и ругать советских функционеров. Например, перед войной МИД Великобритании настаивал на усилении британской сборной, отправлявшейся в Италию, на том основании, что поражения британского футбола создают в мире впечатление британского упадка. Те же настроения и взгляды господствовали и в СССР, потому что такова была реальность того времени. После войны спорт действительно стал свидетелем уровня развития страны. Важно было побеждать, чтобы так заявить превосходство своего образа жизни.

Только к концу 50-х гг. к поражениям советского спорта стали относиться спокойнее, убедившись, что принципиального значения это уже не имеет. Притом что советский спорт все равно оставался одним из лучших в мире, и отдельные поражения не могли повлиять на впечатления в целом. Что касается футбола, то лучший период пришелся на 50–60-е гг., после чего заметных достижений советские футболисты уже не показывали.

Итак, что остается, если отбросить слухи о «деле Стрельцова»? Во-первых, утверждают, что дело «гнали». Следствие по делу об изнасиловании Стрельцовым Лебедевой проходило с 26 мая 1958 г. по 23 июля 1958 г. То есть ровно два месяца. Открываем УПК РСФСР от 1923 г. (действовал до 1960 г.), читаем: «Ст. 116. Предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. При невозможности закончить следствие в 2-месячный срок следователь сообщает прокурору о причинах, задерживающих окончание следствия». Значит, никакой особенной гонки не было, все шло законным путем?

Во-вторых, говорят, что дело велось небрежно, что в суд представили не дело, а ворох плохо подшитых бумаг. Допустим. Что это дает, кроме формального повода требовать дорасследования? Разве это отменяет результаты, например, медицинских освидетельствований Лебедевой? Или судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств? По странному совпадению, те, кто утверждает, что изнасилования не было, никогда почему-то не приводят всех данных освидетельствования и экспертизы.

В-третьих, многие сегодня пишут, что если бы Стрельцов не признал своей вины, то следователям пришлось бы туго – кровь-то у Стрельцова и Караханова одной группы. Но заявление-то изнасилованная и избитая Лебедева написала на Стрельцова, а не на Караханова, который к тому же, по утверждению всех свидетелей, отсутствовал на даче, когда Лебедева звала на

помощь. Вот не признай Стрельцов своей вины, и это ему не позавидуешь – у него расцарапано лицо и прокушен палец, его одежда в крови изнасилованной. Значит, между ними была как минимум потасовка. И если он не совершал с Лебедовой половой акт, то все равно по закону оказывался соучастником группового изнасилования. А значит, к нему применили бы уже другую статью, а точнее – часть 2 Указа Президиума Верховного Совета от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Вспомним, что изначально дело возбудили именно по части второй Указа от 1949 г. Но вряд ли следователь имел в виду групповое изнасилование. Вероятнее всего, впечатленный внешним видом Марины, он подразумевал нечто другое. Та самая часть 2 гласит: «изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой особо тяжкие последствия, – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет». Имея в виду сломанный нос, заплывшие глаза и синяки по всему телу Марины, следователь мог расценить, что преступление повлекло за собой тяжкие последствия. Но в итоге обвинение предъявили по другой части Указа, не забыв, однако, об избиении, на счет чего и была предъявлена статья 143 – «подразумевает умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья, и наказывается лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года». Так что следствие скорее постаралось снизить срок, избирая соответствующую статью закона.

Возможно, что сам Стрельцов прекрасно понимал это. Такое предположение можно сделать на основании его собственных писем, написанных матери из мест заключения. В одном письме он пишет: «…Ты же прекрасно поняла, что пять лет мне сбросила комиссия Президиума Верховного Совета не по вашей просьбе, их заставил это сделать кодекс, но вид они сделали, как будто по вашей просьбе. Они знали, что мой указ будет по новому кодексу до 7 лет. А если оставить мои 12 лет, то им нужно было бы переквалифицировать статью с части 1 на часть 2». 1 января 1961 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс, в соответствии с которым изнасилование наказывалось лишением свободы на срок от трех до семи лет. Об этом и пишет Стрельцов. Часть 2 Указа 1949 г. рассматривалась новым кодексом иначе. Так, групповое изнасилование предусматривало от пяти до пятнадцати лет. Изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование

малолетней – от восьми до пятнадцати лет либо смертную казнь. Если бы Стрельцова осудили по второй части Указа 1949 г., новый Кодекс не особенно сократил бы его срок наказания.

В-четвертых, Стрельцова в итоге обвинили по ст. 74, ч. 2, ст. 143, ч. 1 УК РСФСР и по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Статья 74 подразумевала хулиганские действия. Как мы помним, дело по части 1 этой статьи было заведено на Стрельцова в ноябре 1957 г. после дебоша на Крутицком валу. Стрельцову грозило тюремное заключение сроком на один год. Но тогда же дело было прекращено, поскольку на Стрельцова представили положительную характеристику, за него ходатайствовали с ЗИЛа. А постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. предписывало не применять 74-ю статью к тем, кто совершил преступление впервые и случайно. Однако летом 1958 г. следствие, выслушав в общей сложности порядка сорока свидетелей, сделало вывод, что Эдуард Анатольевич Стрельцов не был тем скромным пареньком, каким его представила зиловская характеристика. Напротив, оказался он злостным хулиганом, не единожды нарушавшим общественный порядок. Поскольку завком Завода им. Лихачева и заводской совет спортивного общества «Торпедо» представили не соответствующую истине положительную характеристику на Стрельцова, то постановление о прекращении уголовного дела следствие сочло целесообразным отменить и приобщить дело о хулиганстве к делу об изнасиловании. Более того, учитывая, что хулиганские действия совершались не раз, что обвиняемый не подчинялся правоохранительным органам, квалифицировать преступление стоит по 2-й части статьи 74, предполагающей лишение свободы на срок до пяти лет. Возобновление старого уголовного дела и возмущает сегодня защитников Стрельцова, уверенных, что такое возобновление незаконно. Попытаемся выяснить, так ли это, и заглянем в УПК РСФСР.

> Статья 373. Возобновление дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры, допускается лишь в силу открытия новых обстоятельств, каковыми признаются:
>
> 1) установление подложности доказательств, на которых основан приговор;
>
> 2) преступные злоупотребления со стороны судей, постановивших приговор;
>
> 3) все иного рода обстоятельства, которые сами по

себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжелом преступлении, нежели то, за которое он был осужден. Новыми признаются такие обстоятельства, которые не могли быть известны суду при вынесении приговора.

В нашем случае дело возобновили, установив подложность доказательств, на которых был основан приговор. К тому же объявились новые обстоятельства, не известные суду при вынесении приговора. Характеристика на обвиняемого не соответствовала действительности, суд не знал, что обвиняемый уже был замечен в хулиганских действиях – например, дебоши во Дворце культуры ЗИЛа.

Статья 374. Пересмотр оправдательных приговоров допускается лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств, указанных в п. 3 предыдущей 373 статьи, и не позже 5 лет со дня вступления приговора в законную силу.

В соответствии с этой статьей тоже не было нарушений.

Статья 378. По окончании расследования прокурор, если признает необходимым возбудить вопрос о возобновлении дела, представляет акты расследования со своим заключением непосредственно в Верховный суд по кассационной коллегии.

И данное требование было исполнено: постановление о приобщении дела о хулиганстве к делу об изнасиловании прокурора Следственного управления Э.А. Мироновой утвердил помощник Генерального прокурора СССР А.Н. Камочкин. Стало быть, нарушений законодательства не было? И даже участие в этом деле А.Н. Камочкина является вовсе не признаком «давления сверху», а всего лишь соблюдением законности.

В 1997 г. Российский футбольный союз обратился к юристу А.В. Сухомлинову с просьбой помочь провести дело о реабилитации Э.А. Стрельцова: «Российский футбольный союз доверяет главному юридическому консультанту Московского городского экономико-правового агентства Сухомлинову Андрею Викторовичу подготовку материалов и ведение дела в судебных инстанциях России по реабилитации бывшего игрока команды мастеров по футболу «Торпедо» (Москва) и сборной СССР Стрельцова Эдуарда Анатольевича. Первый вице-президент

Н.П. Симонян».

Тогда же, в 1997 г., чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов обратился с письмом на имя Генерального прокурора РФ Ю.И. Скуратова с просьбой обратить внимание на дело Стрельцова и дать поручение проверить его. Из прокуратуры пришло письмо:

> «Чемпиону мира по шахматам
> КАРПОВУ А.Е.
>
> Ваше обращение по делу Стрельцова Э.А. рассмотрено.
>
> Генеральной прокуратурой РФ проверено в порядке надзора уголовное дело. Приговор Московского областного суда от 23–24.07.1958 г. является законным и обоснованным.
>
> Вина Стрельцова в совершении преступления, помимо его объяснений, подтверждается показаниями потерпевшей Л., свидетелей Е., Востокова, П., Т., Огонькова и других, заключением судебно-медицинской экспертизы и другими материалами, проверенными в суде.
>
> Действия Стрельцова квалифицированы в соответствии с законом, наказание назначено с учетом степени общественной опасности содеянного и данных о его личности.
>
> Нарушений норм закона, влекущих отмену приговора, не имеется.
>
> Оснований для постановки вопроса об опротестовании приговора не имеется.
>
> Одновременно сообщаю, что в соответствии со ст. 325 УПК РСФСР правом обжалования приговора пользуются осужденные, их защитники и законные представители, а также потерпевшие, гражданские истцы и ответчики в части гражданского иска.
>
> *Начальник отдела управления по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам В.К. Найданов».*

Само собой, письмо это никого не устроило, и разговоры о реабилитации не умолкают по сей день. Но никаких оснований для реабилитации, то есть для снятия необоснованного обвинения с невиновного лица, не существует. По той простой причине, что «лицо» было виновато, а обвинения обоснованными.

В-пятых, незаконным провозглашается отсутствие адвоката у обвиняемого Стрельцова. Но по действовавшему в те годы УПК

адвокаты допускались только на стадии судебного разбирательства. К тому времени адвокат у Стрельцова появился.

В-шестых, особое отношение к Стрельцову, по мнению его защитников, доказывается прекращением уголовного дела на Михаила Огонькова, тоже обвиненного Тамарой Тимашук в изнасиловании. Почему же такую гуманность следствие не проявило к Стрельцову? – вопрошают его поклонники. Тамара Тимашук действительно вслед за Мариной Лебедевой написала заявление об изнасиловании. Свидание Тимашук с Огоньковым происходило той же ночью в машине последнего. Огоньков, как выяснилось на следствии, долго уговаривал Тамару, жалуясь, что субботу и так пришлось прожить без близости с женщиной, а тут она пытается и в воскресенье лишить его удовольствия. Удивленная Тамара на это спросила: «Неужели все футболисты – вот так?..» И Огоньков вынужденно признал: «Да!» Но тут же объяснил: «Жизнь такая». То ли сжалилась Тамара над злополучной судьбой футболиста, то ли Огоньков ей все-таки понравился, но, посопротивлявшись немного, она поддалась его ласкам. При этом ни единой царапины ни у него, ни у нее после этой встречи не осталось. Доказать изнасилование было невозможно. Но по примеру Марины Тамара Тимашук сначала тоже подала заявление, а уже на следующий день забрала его обратно. На вопросы следствия, почему она так поступила, Тамара призналась, что сначала, когда по делу изнасилования Марины к ним домой пришел следователь, хотела скрыть от родителей свое приключение с Огоньковым, вернее, свое согласие на это приключение, потому и написала заявление; но потом пожалела Огонькова, да и пересудов побоялась. Рассказывая, как было дело, Тамара сказала: «Огоньков меня не бил, я его также, я не кричала, не звала на помощь». Никаких оснований называть близость Огонькова и Тимашук изнасилованием у следствия не нашлось. Между ними был половой акт, но насилия не было. Значит, говорить об изнасиловании невозможно. Вот поэтому второе заявление Тимашук следствие приняло без промедлений. Со Стрельцовым то же самое сделать было нельзя: лицо Лебедевой украшали следы побоев, Стрельцов был исцарапан и укушен. То есть в их случае были и половой акт, и насилие, другими же словами – было изнасилование. Прекратить дело об изнасиловании, даже по просьбе потерпевшей, по закону – нечего и думать, это запрещено. Вот и ответ на вопрос: почему та же гуманность, как в отношении к Огонькову, не была проявлена к Стрельцову. Потому что Огоньков Тимашук не насиловал, а склонил к сожительству.

Наконец, в-седьмых, существует ложное утверждение, что

будто бы срок наказания, определенного Стрельцову, суммировался, то есть рассчитывался примерно как в фильме «Джентльмены удачи»: «Год у него был… Три за побег, пять за детсад. Иди-иди, Вась». Но приговор гласил: «Стрельцова Эдуарда Анатольевича подвергнуть по ст. 74, ч. 2 УК РСФСР лишению свободы на 3 (три) года; по ст. 143, ч. 1 УК РСФСР лишению свободы на 1 (один) год; по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах, а по совокупности преступлений на основании ст. 49 УК РСФСР лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах».

…Уже наутро, в начале седьмого, когда Марина уковыляла домой, Стрельцова разбудил Караханов. Ночью Татушин с Инной уехали в Москву, а сейчас заторопились и остальные – Ирине Поповой нужно было явиться на работу к 8.30. Все заметили, что у Стрельцова разодрана щека, поврежден палец, а рубашка – в пятнах крови. Он был зол и просил дать ему адрес Марины, обещая с ней разобраться.

…Когда следователь, выяснив предварительно, что отсутствие на стадионе «Динамо» трех футболистов не прошло незамеченным, спросил у Бориса Татушина, на что же они рассчитывали, нарушая спортивный режим и командную дисциплину, последовал ответ: «Мы думали, что нам за это ничего не будет». В ответе Татушина и в недовольстве Стрельцовым Мариной – ключ ко всему происходящему с футболистами. Стрельцов даже не понял, что натворил, не допускал и мысли, что обиженная им девушка пойдет искать правды. Кстати, друзья Стрельцова и Софья Фроловна уговорили Марину забрать свое заявление. Она так и сделала, вернее – написала новое, заявив, что прощает насильника. Сторонники его реабилитации настаивают, что все дело было в этом втором заявлении и что если бы Лебедевой подсказали в милиции, как правильно оформить примирение, то Стрельцова немедленно отпустили бы. Но… Ведь сломанный нос, гематомы, разбитая губа и прочие следы насилия никуда не делись. Говорить, что все было добровольно, Лебедева не стала – опровержение этой лжи сияло у нее на лице. А закон не дает никому права прекращать уголовные дела об изнасиловании, такие дела не подлежат прекращению даже по причине примирения между обвиняемым и потерпевшей.

Слова «мы думали, что нам за это ничего не будет» давно уже стали девизом многих футболистов, в том числе и Стрельцова. Только поэтому произошла эта отвратительная история, только поэтому Стрельцов не попал на чемпионат мира в Швеции и не сразился с новоявленной звездой футбола – Эдсоном Арантисом

ду Насименту, более известным миру как Пеле. Только поэтому следующие шесть лет Эдуарду пришлось провести не в Мячкове или Тарасовке, а в местах, значительно более удаленных от столицы.

Биографы Стрельцова прямо или исподволь наводят на мысль, что только в советской стране с талантливыми спортсменами не желали считаться. То в фельетонах высмеивали, то в милицию забирали, то в тюрьму отправляли. Создается впечатление, что в других странах все обстоит иначе. Там к спортсменам и вообще к талантливым людям совсем другое отношение. Там не станут травить в печати, не потащат за здорово живешь в полицию, не станут судить судом неправедным за такие пустяки, как изнасилование. Все же понимают: дело молодое, в таком возрасте совершенно естественное. Но на самом деле все опять же обстоит немного иначе. Приведем только несколько примеров из множества. Уильям Тейтем Тилден – американский теннисист, писатель, теннисный тренер, первая ракетка мира среди любителей в 1920–1925 гг. Дважды судим за совращение малолетних. Роберт Джеймс Фишер – американский гроссмейстер и одиннадцатый чемпион мира по шахматам. Арестовывался по подозрению в ограблении банка, был избит полицией. Обвинен в нарушении эмбарго Югославии и неуплате налогов. Был лишен американского гражданства, за что почти год провел в тюрьме. Джордж Бест – североирландский футболист, признаваемый одним из величайших игроков в истории футбола. Был признан виновным по обвинению в управлении автомобилем в нетрезвом виде и нападении на полицейского. Диего Армандо Марадона – аргентинский футболист. Принципиально не дружит с законом. Неоднократно обвинялся в различных преступлениях – хранении наркотиков, избиении и нанесении легких телесных повреждений, неуплате налогов, несоблюдении правил дорожного движения, повлекшим аварию, и т. д. Хосе Рене Игита Сапата – колумбийский футболист, вратарь, изобретатель «удара скорпиона». Был арестован за участие в похищении ребенка, а также за посредничество между наркобаронами. Оскар Писториус – бегун на короткие дистанции из ЮАР с ампутацией обеих стоп. Шестикратный чемпион летних Паралимпийских игр. Осужден за убийство на срок заключения 13 лет 5 месяцев. В настоящее время находится в тюрьме…

Так кто же это все-таки «заказал» Эдуарда Стрельцова?

«Кто заказал Эдуарда Стрельцова?» – так называется известная книга Э.Г. Максимовского. Но поставив вопрос, автор не дает на него ответа. Кто же конкретно «заказал» Стрельцова и с какой целью он это сделал, из книги не явствует. Автор дает лишь смутные намеки на то, что некие «они» где-то «там» почему-то не любили Стрельцова и хотели его добить. Но кто, почему и зачем – ясности нет.

Остается лишь выбрать одну из версий: либо действительно кто-то хотел уничтожить Стрельцова, либо, усвоив, что «нам за это ничего не будет», систематически нарушая закон и надоедая окружающим своими пьяными дебошами, Стрельцов сам дошел до серьезного преступления.

Итак, первая версия – партийная. Якобы Стрельцов был наказан КПСС, которую раздражала зажиточная жизнь ведущих спортсменов страны. Необходимо было показать, что спортсмены ничем не лучше простых тружеников, и с этой целью видного футболиста посадили в тюрьму.

Версия эта абсурдная по нескольким причинам. Прежде всего после осуждения Стрельцова ничего принципиально с уровнем жизни спортсменов не изменилось. Все осталось, как было. А кроме того, получается, что партия собиралась наказать спортсменов за те условия, которые сама же им и создала. Не будем забывать, что спорт в СССР, как и все остальные сферы жизни, находился в ведении партии. Это и было народовластие советского образца, таким образом была устроена государственная система – КПСС занималась не только идеологией, но и культурой, хозяйством и пр. Потому и рухнул СССР, что государство после запрета КПСС не могло существовать без опоры на сложившуюся управленческую структуру. Вмешательство партии в дела спорта было естественным и закономерным делом. Вернее даже, неуместно говорить о вмешательстве, поскольку речь шла о нормальной управленческой работе, об исполнении служебных обязанностей. И вот однажды участник сборной СССР совершает особо тяжкое преступление, и об этом немедленно становится известным в ЦК КПСС. А как должно было быть, если ЦК КПСС курировал большой спорт?

Сегодня пытаются дело представить таким образом, как будто спортсмены существовали сами по себе, а партия – сама по себе.

При этом партократы назойливо и бестактно вмешивались в дела спортсменов и всячески им вредили. Утверждать это можно только, не понимая устройства управленческого механизма СССР. Это партия создала систему воспитания и поощрения спортсменов, а не спортсмены противостояли партии. С тем же успехом можно предположить, что партия мечтала наказать кого-нибудь из космонавтов, живших, надо заметить, побогаче спортсменов.

Но почему именно Стрельцов? – недоумевают его поклонники. Почему не другие футболисты, нарушавшие режим и частенько хулиганившие? Получали наказания и другие футболисты. Но многие ли из них совершали особо тяжкие преступления? А изнасилование наряду с убийством, грабежом, кражей относится к особо тяжким преступлениям. Вина же Стрельцова в этом преступлении доказана: у девушки после половой связи с ним был сломан нос. Единственное, что могла предпринять партия в этом случае, – не препятствовать работе правосудия. Что и было сделано.

Другая версия гласит, что Стрельцова посадили за желание остаться за границей. Здесь даже и говорить не о чем: боялись, что он останется за границей – не выпускали бы. Чего проще… Нет никакой необходимости устраивать сложные, неконтролируемые спектакли и подсылать к пьяному Стрельцову девственниц, провоцирующих изнасилование.

Третья версия – месть Фурцевой. Сразу оговоримся: никаких точных или документальных свидетельств на этот счет нет. Рассказывая о Фурцевой, все неизменно прибавляют слово «говорят». Говорят, что кур доят, и что дальше?.. Слава Метревели, например, поведал, что «Фурцева, которая была в тот период секретарем ЦК, хотела выдать свою дочь за Стрельцова, но он ей сказал <…> Среди тех девиц была одна б… Утром эта девица возвратилась с царапиной или ссадиной на лице. Мать ее подняла шум. Девицу заставили написать заявление в милицию. Об этой истории сразу узнала Фурцева. Она не упустила случая отомстить Стрельцову». 1. Когда Фурцева «хотела выдать свою дочь за Стрельцова», дочери было 14 лет. 2. Со Стрельцовым Фурцева не была знакома до встречи в Кремле. Как она могла хотеть выдать четырнадцатилетнюю дочь замуж за незнакомого парня? Она что, дура деревенская? 3. Эта б…. оказалась девственницей. И возвратилась она не с царапиной на лице, а со сломанным носом.

В приведенной цитате что ни слово – то абсурд. Так зачем же относиться к этому серьезно? Порой в пользу версии мести Фурцевой говорится, что факт встречи и разговор между

Эдуардом Стрельцовым и Екатериной Фурцевой подтверждает ее дочь Светлана. Но факт встречи и факт мести или факт обиды – это вещи разного порядка. И одно никак не доказывает другого.

Есть и еще одна версия – участие силовых структур. Якобы силовые ведомства вели борьбу за преобладающее участие своих игроков в сборной. Но если эти самые ведомства так ратовали за футбол, зачем же выбили трех ведущих игроков из сборной накануне чемпионата мира? Неужели подождать не могли? Да и после «посадки» Стрельцова динамовцев в сборной не прибавилось. И опять же: к чему эти спектакли?

Наконец, версия обыкновенная: Эдуард Стрельцов, которому все и всегда сходило с рук, уверенный в своей безнаказанности, покидает спортивную базу и вместо того, чтобы готовиться к чемпионату мира, отправляется на пикник. Выпив лишнего, начинает приставать к понравившейся девушке, флиртовавшей с ним и принимавшей его ухаживания. Но девушка не захотела вступать с ним в половую связь и, сопротивляясь, укусила и поцарапала его. Тогда он, буйный, как мы уже знаем, после выпивки, ударил ее так, что сломал нос, чем, что называется, подавил волю к сопротивлению. После чего овладел ею, очевидно, не догадываясь, что половая связь, сопряженная с физическим насилием, квалифицируется Уголовным кодексом РСФСР, да и любой другой страны, как изнасилование и причисляется к особо тяжким преступлениям. Милиция, получив заявление от потерпевшей, задержала обвиняемого, и, разумеется, о задержании стало известно и Спорткомитету, и курировавшему большой спорт соответствующему отделу ЦК КПСС. А поскольку речь, повторимся, шла об особо опасном преступлении, мешать расследованию не стали и, напротив, дали делу ход. Никаких фантазий, все предельно ясно и логично.

«Поигралися, подралися – придется посидеть…»

Нет ничего хуже в этом мире, чем болезнь и тюрьма. И Стрельцову, для которого тюрьма впоследствии обернется болезнью, невозможно не посочувствовать. И кто знает: вернись он домой хотя бы после примерки костюма, ничего, возможно, и не было бы. А был бы чемпионат в Стокгольме, растущая слава, обожание миллионов и, быть может, чемпионский титул. Его любят сравнивать с Пеле, кто-то утверждает даже, что Стрельцов мог бы затмить Пеле в Швеции на чемпионате мира 1958 г. Проверить это уже невозможно. Хотя Пеле стал открытием чемпионата, а Стрельцова в то время футбольный мир уже знал. Кроме того, надо признать, что даже на Олимпиаде в Мельбурне 19-летний Стрельцов не выглядел столь же ярко и результативно, как 17-летний Пеле на чемпионате мира в Швеции.

Но в любом случае бутсы пришлось сменить на сапоги, футболку сборной – на ватник, а вместо игры на шведском стадионе ему выпал лесоповал на вятских просторах.

Но если уж возмущаться и протестовать, то никак не против приговора, вынесенного законно и заслуженно, а против самой пенитенциарной системы, устроенной по принципу жерновов. Человек, совершивший преступление, заслуживает наказания, но не унижения и издевательств. Наказание должно сводиться к ограничению свободы, труду, жесткому распорядку, но никак не к голоду, вредной, разрушающей здоровье работе, антисанитарии и зазеркалью уголовного мира. Но получается, что совершившего преступление не просто запирают в четырех стенах, а помещают в компанию, среди которой еще надо уметь выжить. С одной стороны, кому как повезет с администрацией ИТУ, с другой – тюремная братва становится бонусом к общему приобретению. Люди крайне ожесточенные, живущие по каким-то своим законам, оказываются еще одним испытанием, через которое почему-то должен пройти нарушитель закона. И Стрельцов столкнулся с этим миром в первые же дни заключения.

26 и 27 мая Стрельцов провел в прокуратуре, наверняка надеясь, что и в этот раз все образуется, что снова им «за это ничего не будет». На сей раз все оказалось иначе. Утром 28 мая Стрельцова поместили в Бутырскую тюрьму. Правда, и тут Эдуарду здорово повезло. Если, конечно, вообще уместно говорить о везении в стенах камеры предварительного заключения. Однако есть преступления, в уголовном мире

считающиеся недопустимыми, презренными. Одно из таких преступлений – изнасилование. Жизнь в колонии человека, осужденного за изнасилование, может оказаться нестерпимой. По каким-то скрытым соображениям, насилие по воровским законам – дело подлое, непорядочное. Насильника ждет всеобщее презрение, вину искупать приходится не только лишением свободы.

Статью в тюрьме или в лагере скрыть не получится. Заключенные все равно узнают, кто и за что осужден. И узнав, что обвинение в изнасиловании доказано, начинают «опускать» насильника – вершить свое, уголовное правосудие. Такие «опущенные» выполняют в камере самую грязную работу – выносят парашу, чистят туалеты. С ними брезгуют сидеть рядом, да и прикасаться к ним запрещено. Даже спят они в особом углу. Словом, это низшая каста, неприкасаемые. Перед тем как заключенные окончательно признают насильника «опущенным», он проходит что-то вроде ритуального посвящения, связанного с действиями сексуального характера, и посмотреть на это собирается вся камера. Отныне такой человек становится чем-то вроде проститутки, за соответствующие услуги с ним принято расплачиваться сластями или сигаретами. Бывает, он становится «любовником» авторитетного зэка, в этом случае на связь с ним уже никто не претендует, а вместо обычной работы он обслуживает своего покровителя.

Так что участь Стрельцова могла бы оказаться весьма незавидной, но статьи воровского закона тоже предусматривают разные обстоятельства. Иногда случается так, что зэки не соглашаются с приговором суда. Кстати, прежде чем начать вершить свое правосудие, уголовный мир дожидается вердикта – ведь суд может и не признать обвинение, а раньше времени «опускать» не принято. Но вот приговор оглашен, а блатные, по каким-то причинам, ему не верят. Только в такой ситуации осужденному можно не опасаться стать «опущенным». Но, как говорят, такое случается крайне редко. Один из известных случаев – дело Эдуарда Стрельцова. Проверить это сегодня довольно сложно. Да, вероятно, и не нужно.

> НЕТ НИЧЕГО ХУЖЕ В ЭТОМ МИРЕ, ЧЕМ БОЛЕЗНЬ И ТЮРЬМА. И СТРЕЛЬЦОВУ, ДЛЯ КОТОРОГО ТЮРЬМА ВПОСЛЕДСТВИИ ОБЕРНЕТСЯ БОЛЕЗНЬЮ, НЕВОЗМОЖНО НЕ ПОСОЧУВСТВОВАТЬ.

История взаимоотношений Стрельцова с уголовным миром гласит, что, оказавшись в КПЗ и простодушно раскрыв обстоятельства своего появления, он натолкнулся на странное к

себе отношение. Но когда он, располагаясь в отведенном углу, снял куртку, присутствующие заметили на нем торпедовскую футболку с номером «9». И тут один из узников признал центрфорварда. Судя по всему, Коля Загорский, а именно так звали узнавшего, был футбольным болельщиком. И более того, почитателем лично Стрельцова. Когда спустя годы Стрельцов снова вернулся в футбол, после одной удачной игры «Торпедо» ему принесли в раздевалку ящик шампанского и букет кипрея с запиской: «Рад за тебя, Эдик! С уважением, Коля Загорский».

А тогда, в 1958-м, выслушав Стрельцова в камере, зэк объяснил ему, что статья у него позорная и сулит неприятности, что знаменитостей к тому же на зоне не любят, что срок за изнасилование довольно внушительный, так что впереди много неожиданного. Но тут же Загорский пообещал ему поддержку и покровительство, выразившееся в «маляве», то есть записке, разошедшейся по блатному миру с сообщением, что «Стрелец – мужик нормальный», чистый, что его «подставили», потому как «не на ту масть поставил». Кроме этого мандата Коля Загорский подобрал для Стрельцова защитника, который и выступал на суде, требуя смягчения приговора.

Удивительный человек Э.Г. Максимовский, автор нескольких книг, весьма разнообразного и порой неожиданного содержания, сообщил, – неизвестно, на что ссылаясь, и сообщение это подхватили его последователи, – что Стрельцова отправили в лагеря «с жестоким и в своей жестокости бессмысленным и нечеловеческим предписанием: «Использовать только на тяжелых работах». Как же его хотели добить!». Кто хотел его добить и за что, кто и где сделал такое предписание – не уточняется. Слух, что дело против Стрельцова было сфабриковано, что не обошлось без сильных мира сего, что партийные органы и КГБ специально распускали молву об изнасиловании Стрельцовым дочери шведского посла, жив и упорно повторяется по сей день. Между тем ни один из исследователей, ни один из биографов Стрельцова не привел ни единого факта, ни единого документа, подтверждавшего бы эти слухи.

Зато представители Общественного Стрельцовского комитета (есть и такой!) разыскали старого уголовника, знавшего Стрельцова по зоне. Человек этот подтвердил, что Стрельцова блатные считали осужденным неправильно, а потому не относились как к обычному насильнику. Этому способствовали та самая «малява» и имя Коли Загорского, на которого Стрельцову разрешено было ссылаться в случае необходимости. Но тут, если вдуматься, начинается жутковатая история. Получается, что зэки провели свое расследование и виновным Стрельцова не признали.

По каким соображениям это делалось – другой вопрос. Скорее всего, причина в футбольных пристрастиях Коли Загорского. Но те, кто сегодня призывает реабилитировать Стрельцова, продвигают приговор блатных. Без явных причин предлагается не верить правосудию, но верить уголовному миру, судить о тех событиях по «маляве» Коли Загорского, принять вердикт братвы. Короче, «жить по понятиям», а не по закону. Понятно, что правосудие частенько ошибается, что оказаться в тюрьме невиновному не так уж сложно, оттого и призывает народная мудрость не зарекаться «от сумы и от тюрьмы». Но даже с учетом всех судебных ошибок и всех обид на правосудие не стоит, наверное, отказываться от Уголовного кодекса в пользу блатных «понятий». Что касается призывающих к такому радикальному шагу, то, пожалуй, к ним следует относиться с осторожностью.

29 мая Стрельцова отвезли в Бутырский следственный изолятор и поместили в камеру № 127. Здесь он пробыл до утверждения приговора Верховным судом, после чего был перевезен в пересылочную тюрьму «Красная Пресня», оттуда – в такую же пересылочную Кировскую. Только 3 декабря он прибыл в конечный пункт назначения – Вятлаг. Здесь он провел примерно два года, содержался на 29-м (станция Парманка), Комендантском (станция Лесная), 16-м больничном (станция Има) и 1-м (поселок Сорда) лагпунктах.

Говорят, что кого-то тюрьма калечит, озлобляет, уголовный мир затягивает и уродует, но кого-то – напротив, тюрьма закаляет, делает сильнее. Стрельцов, по всей видимости, принадлежал ко второй категории. Жить в лагере пришлось впроголодь – в письмах он все время просит прислать «пищевую посылку», потому что «здесь ничего нет». От холода казенная одежда не спасала – он пишет, что нужны валенки, шерстяные фуфайки и футболки, безрукавки и варежки. Работы оказалось так много, что за день руки отваливались. Потом, правда, стало полегче – с колки дров и разгрузки-погрузки он перешел на электростанцию, смог даже учиться в 8-м классе. Вот только с продуктами лучше не стало. А еще, несмотря на всю «справедливость», все «благородство» уголовного элемента, зимой, то есть вскоре после прибытия в лагерь, произошла история, едва не стоившая ему жизни.

ГОВОРЯТ, ЧТО КОГО-ТО ТЮРЬМА КАЛЕЧИТ, ОЗЛОБЛЯЕТ, УГОЛОВНЫЙ МИР ЗАТЯГИВАЕТ И УРОДУЕТ, НО КОГО-ТО – НАПРОТИВ, ТЮРЬМА ЗАКАЛЯЕТ, ДЕЛАЕТ СИЛЬНЕЕ. СТРЕЛЬЦОВ, ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, ПРИНАДЛЕЖАЛ КО ВТОРОЙ КАТЕГОРИИ.

Уголовный мир живет по своим законам. Вор лучше останется на зоне, чем уронит честь. Разумеется, в том смысле, как понимают ее сами воры. Например, блатные не прощают обиды. Простил, не отомстил – значит уронил достоинство. Избитому малолетке не стать вором в законе, если не сможет отомстить за себя. Да еще и тень на пахана-покровителя уронит. Вот и Стрельцову повстречался такой юноша по кличке Репейник, начавший было задирать знаменитость, за что и получил вскорости крепкий ответ. И тем же вечером блатные, собравшись на «толковище», приговорили Стрельцова к смерти. Среди ночи вызвали его «поговорить», но после «разговора» Стрельцов оказался в лазарете со множественными ушибами. Удары, скорее всего, наносились обрезками труб, кулаками, каблуками сапог. На излечении Стрельцов находился около четырех месяцев. Говорят, что тот самый Репейник, спровоцировавший драку, оказался лагерным осведомителем. Возможно, от него и дошла до администрации лагеря весть о намерении блатных убить Стрельцова, и, возможно, именно поэтому его все-таки не убили. И в тот же лагерный поселок он уже не вернулся.

Спустя время он напишет матери, что «с этого воскресенья у нас начинается розыгрыш первенства по лагпунктам». Начальник Вятлага подполковник Лев Иванович Любаев уважал футбол и даже разработал Положение о первенстве Управления по футболу среди исправительно-трудовых колоний. Конечно, в лагере знали, что у них проходит перековку знаменитый футболист, поэтому невозможно представить лагерные матчи без Стрельцова. И вот он уже сообщает в письме, что «начали играть в футбол. Играли товарищескую игру с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнется розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей…». А дальше каждую пятницу он действительно ездит в другие лагпункты – играет за кубок. На игру с женой, дочерями и заместителями приезжал и подполковник Любаев. В итоге кубок Вятлага получила команда Стрельцова.

В лагерной газете «Лес – стране» 26 июня 1959 г. вышла статья Б. Гурана и С. Фролова «Спортивные состязания начались!» (пунктуация сохранена): «В прошлое воскресенье, на футбольном поле подразделения, где начальником Жучков, состоялась первая календарная встреча на первенство управления по футболу. Хозяева поля встречались с командой подразделения, где начальником Покидкин <…> На 10-й минуте защитник местной команды Монагадзе своей хорошей игрой спасает свои ворота от мяча, посланного Стрельцовым. На 12-й минуте снова следует сильный прорыв и удар по воротам Стрельцова, но счет не был

открыт и на этот раз: отчаянным броском вратарь Севрюков берет этот трудный мяч. И только на 14-й минуте, Стрельцов передал мяч Кондрашову, который сильным ударом послал его в сетку хозяев поля <…> На 30-й минуте Стрельцов, получив мяч в центре поля, обыгрывает трех игроков противника, выходит на ворота и неотразимым ударом посылает мяч в сетку. Через пять минут – опять сильный прорыв Стрельцова по центру и счет становится 5:2. Со счетом 5:2 в пользу команды подразделения Покидкина закончилась эта интересная встреча…»

Закончилась не только встреча, но и тренировки, так что даже времени свободного стало больше. Хотя наряду с радостью от появившейся возможности играть было всякое. И опять же: не спасало блатное «благородство». Знаменитый боксер В.П. Агеев, тоже, кстати, побывавший в заключении, рассказывал, что со Стрельцовым в Вятлаге приключилась и еще одна история, едва не стоившая ему жизни. Выезжавшему из своего лагпункта Стрельцову зэки дали поручение привезти в грелках водки. Но поскольку дальше футбольного поля он не выезжал, ни о какой водке нечего было и думать. Но те, кто заказывал спиртное, вникать в такие тонкости не пожелали. Не выполнил заказ – получи. И Стрельцов получил доской по лицу, сохранив наглядное воспоминание об этом нравоучении на всю жизнь.

В письмах от 1959 г. он продолжает писать матери, как играл в футбол, как работал слесарем на электростанции, а потом – учеником токаря и даже копировальщиком в конструкторском бюро. Писал он и Алле Деменко, признавался в любви, предлагал, если Алла согласна, снова пожениться. Забегая вперед, скажем, что ничего из этого не вышло. Судя по всему, Алла была слишком нежной, слишком слабой и мягкой для такого мужчины, как Стрельцов.

А еще, как явствует из писем, он много думает о том, что случилось, и о том, как жил до тюрьмы. Сохранилось очень важное письмо к Софье Фроловне, где он кается перед ней. Письмо это не выглядит каким-то дежурным набором успокоительных фраз. Его письма написаны достаточно простым языком, он не живописует лагерную жизнь, ограничиваясь упоминанием событий или обстоятельств, не могущих особенно расстроить и тем более напугать Софью Фроловну. Он просит прислать вещи, деньги, еду и даже футбольные мячи, рассказывает, где работает и учится, как играет за кубок Вятлага или проводит свободное время. Обычно он не очень многословен и скуп на выражение чувств, поэтому это письмо кажется особенным: «Мама, не ты недоглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до

хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот результат… Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе – и в этом заключался весь сыновний долг. А оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому…» Слова «друзья» и «девушки» он взял в кавычки, подчеркнув тем самым не новое свое отношение к конкретным людям, с которыми проводил время, – речь идет о пристрастиях как таковых. К тому же он не просто успокаивает мать, но признает свои ошибки, перечисляя все, что стало причиной его неудачи, и раскаивается перед матерью, сознавая, сколько страданий причинил ей.

Сложно сказать почему, но в 1960 г. Стрельцова из-под Кирова внезапно перевели в лагерь под Москвой. Сначала это показалось обнадеживающим – к нему легче приехать, а значит, навещать будут чаще. Возможно, получится тренироваться или даже поиграть, как в Вятлаге. Почему он так думал? Наверное, близость к дому внушала какое-то ложное чувство послабления, скорого конца мытарств. Это только в вятских лесах все казалось страшным, затерянным, Богом забытым, а в Электростали, что рядом с Москвой, совсем уже не так все и страшно.

Но близ Москвы лучше не стало. Наоборот, здешний начальник больше интересовался производством и планом, чем футболом. Да и вместо работы на свежем воздухе пришлось теперь «вкалывать» на оборонном заводе, где охраной труда заниматься было некому. А потому на пескоструйной шлифовке Стрельцов работал без респиратора, что гарантировало разнообразные болезни легких – от астмы до силикоза и туберкулеза. Работали обычно по три-четыре месяца, потом сменялись свежими кадрами, а использованный контингент уходил в легкотруженики. Так Стрельцов, получив свою порцию кремниевой пыли, попал в библиотекари. И все-таки здоровья хватало не только на работу – после смены он старался устраивать тренировки, если это можно так назвать, занимаясь с мячом в одиночку. О чем он думал тогда? Надеялся вернуться в спорт, прекрасно сознавая, что, потеряв форму, сможет выступать разве за дворовую команду? Старался скрасить время любимым занятием? Сложно сказать. Но очевидно одно: утратить подготовку, необходимую для спортивных достижений олимпийского уровня, можно за пару месяцев, восстановить же после нескольких лет вынужденного простоя, вредного производства, махорки, побоев и, кто знает, чего еще, практически невозможно.

Тогда же – в 1960 г. – Президиум Верховного Совета РСФСР снизил Стрельцову наказание до семи лет. Кто-то считает, что

случилось это, потому что до власти дошло народное возмущение. Конечно, вряд ли возмущение болельщиков, родных и друзей можно назвать «народным», но все, кто мог, действительно хлопотали за Стрельцова. Однако он сам объяснил в письме, почему срок ему сократили. Письмо это мы уже приводили выше – Стрельцов растолковывал Софье Фроловне, что по новому Уголовному кодексу его преступление наказывается лишением свободы на семь лет, поэтому «пять лет мне сбросила комиссия президиума Верховного Совета не по вашей просьбе, их заставил это сделать кодекс». Значит, теперь оставалось сидеть до 1965 г. А пока – в 1961 г. – большую партию заключенных, в их числе и Стрельцова, отправили в Донскую колонию Тульской области. Точнее, колония или исправительное учреждение УЮ 400/5, называвшееся тогда Смородинской исправительно-трудовой колонией, была открыта в 1960 г. – как раз в год приезда Стрельцова. Под колонию тогда же были приспособлены корпуса бывшей шахты Подмосковного угольного бассейна. Это была колония общего режима для содержания осужденных за не самые опасные преступления. С 28 ноября 1960 г. Эдуард Стрельцов находился в ИК-5, а с 13 августа 1962 г. – в ИК-1.

Защитник «Торпедо» Виктор Шустиков, чаще других навещавший Стрельцова, вспоминал, что в Электросталь приезжать к Стрельцову стали многие болельщики с ЗИЛа: «Приедешь в колонию – а там столько зиловских машин, что встать негде. Все ехали к Стрельцову». Шустиков считает, что именно по этой причине Стрельцова и переправили в Тульскую область – туда нельзя было просто так приехать без специального пропуска.

Тут, правда, начинается путаница: биографы Стрельцова допускают намеренную ошибку, рассказывая, как в Донской колонии он попал на самые вредные шахты – № 41 и 45, где добывался кварц. Об этом сообщил А.П. Нилин, а А.В. Сухомлинов уточнил: «Работать пришлось в самых страшных 41-й и 45-й шахтах рядом с Новомосковским химкомбинатом. Там добывался кварц». Из этой фразы следует, что шахты № 41 и 45 были страшны добычей кварца.

Но вообще-то такие рассказы только подрывают доверие к рассказчикам. Во-первых, колония была образована на базе бывшей шахты. Во-вторых, Подмосковный угольный бассейн известен залежами бурого угля, а не кварца. В-третьих, кварц не добывают в угольных шахтах. В-четвертых, кварц встречается повсеместно, даже в Тульской области можно найти кварцевые минералы, но довольно редко и размером от нескольких миллиметров до сантиметра. В-пятых, Тульская область, несмотря

на попадающиеся иногда в карьерах камушки, не является крупнейшим месторождением кварца, и добыча его в этих краях никогда не производилась. В-шестых, заметные кварцевые месторождения залегают в горных породах, чем никак не может похвастаться Тульская область. Наконец, в-седьмых, просто для информации, в России кварц добывают на Урале, в Карелии, на Алдане, в Магадане, в Забайкалье. Быть может, есть и другие месторождения, но совершенно точно, что находятся они не в Тульской области. Поэтому чем уж так страшны были бывшие угольные шахты, где никогда не производилась добыча кварца, осталось загадкой. Эти нехитрые выводы подтверждает очевидец. В 2009 г. журналисты «Советского спорта» провели футбольный матч с осужденными той самой ИК-5, где пребывал Эдуард Стрельцов с ноября 1960 г. Но кроме игры журналисты тогда же нашли двух человек, знавших Стрельцова по ИК-5 и ИК-1. Это осужденный за хулиганство Владимир Демихов и надзиратель в ИК-1 Петр Потапов. Когда у Демихова спросили, правда ли, что Стрельцов подорвал здоровье на шахтах, тот ответил: «Да шахты были уже закрыты! Это точно могу сказать. Никаких там работ уже не велось. Очередная легенда». Таких легенд собралось уже на целый сборник, можно было бы издать «Легенды и мифы об Эдуарде Стрельцове» отдельной книгой. Например, об ИК-5 рассказывается еще и такая байка. Якобы журналисты теперь уже «Комсомольской правды» тоже отыскали бывшего осужденного по фамилии Болохов. И тот поведал, как «благородные» зэки решили устроить проверку Стрельцову. И вот начался матч. Стрельцова определили в команду, где никто не знал, с какой стороны подходить к мячу. Играть же пришлось с матерыми уголовниками, хоть и не чемпионами УЕФА, зато ребятами крепкими и отчаянными. При каждом удобном случае его пинали и толкали, так что вскоре он был уже весь в синяках. Но когда в ворота его команды залетел очередной мяч, Стрельцов вспомнил, что он – игрок таранного типа. Тут уж забивать начал он, а толпа на стадионе подняла такой рев, что в поселке рядом решили: на зоне бунт.

«Было такое?» – спросили в 2009 г. журналисты «Советского спорта» Владимира Демихова. «Выдумка! Если бы такое было, я бы точно знал», – ответил он.

Чем же занимались тогда осужденные? Вообще-то в советское время в колонии собирали вентиляторы. Но в начале 60-х производство вентиляторов еще не открыли, а в чудовищных шахтах, не иначе, произошел обвал кварца. Поэтому, как вспоминает Демихов, учились в школе, а потом «от безделья маялись. Позавтракали и – иди гоняй! Да и что еще делать?

Телевизора нет, карты запрещены, домино только… Подойдешь: «Эдик, давай погоняем!» Играем, болельщики соберутся, кричат: «Эдик, давай!» Благодаря ему с мячами в колонии не было проблем». Мячи Эдику привозили из Москвы, возили и продукты. В какой-то момент запретили передачи и посылки чаще одного раза и не больше пяти килограммов в месяц. Но для Стрельцова сделали исключение.

А как же относились к нему в колонии? Снова вспоминает Демихов: «Прекрасный был мужик, простой! Обреченным не выглядел, часто смеялся, улыбался. Знаменитость из себя не корчил. Бывало, играем в футбол, кто-то стекло разобьет (у нас там штаб был), охранники прибегут, но Стрельцов всю вину на себя брал: я ударил, я разбил нечаянно! Потому что меня бы, к примеру, за такое наказали, а раз он – махнут рукой, ладно!»

Когда его перевели из Электростали в Смородинскую колонию, для приездов потребовался пропуск. Но оказалось, что глава тульской милиции – чуть ли не лучший друг администратора «Торпедо» Г.В. Каменского. Поэтому с пропусками сложностей не возникло. И вот однажды, когда Каменский, Шустиков и Софья Фроловна приехали навещать Стрельцова, то первым делом, как вспоминал Виктор Шустиков, увидели: «на территории тюрьмы – дорога, по обе стороны огороженная колючей проволокой. А на ней Эдик с другими зэками в футбол гоняет».

Конечно, это не значит, что колония напоминала курорт, а жизнь в колонии – сплошной отдых. Неспроста в одном из писем он написал Софье Фроловне: «…Вот какие мои дела на сегодня, т. е. 4 марта 1962 года. Кругом тьма и не видно даже маленького просвета…» Но и никаких самых страшных шахт с добычей кварца не существовало в природе.

Тогда же, в марте 1962-го, он участвовал в слете передовиков производства, куда приглашались и родители, которым было позволено провести с передовиками целый день, посмотреть, как они живут и работают. Как бы то ни было, время шло, и 26 мая 1965 г. заканчивались семь лет, отпущенных Стрельцову на искупление вины. Преступление его относилось к тяжким, рассчитывать на условно-досрочное освобождение можно было не раньше, чем отсидев две трети срока.

Две трети его срока заканчивались в январе 1963 г. И вот 4 февраля в Донскую колонию приехал Донской районный народный суд Тульской области в составе председательствующего народного судьи Рябова, народных заседателей Корнеева и Фомина, с участием районного прокурора Ушенина, при секретаре Жигиной. Рассмотрев дело Стрельцова Эдуарда

Анатольевича, суд установил:

«Наказание Стрельцов отбывает с 26 мая 1958 года. 2/3 срока наказания отбыл 26 января 1963 года. Отбывая наказание в местах заключения в Московской, Кировской и Тульской областях, Стрельцов показал себя с положительной стороны. Работал на производстве. К работе относился добросовестно, за что ему начислено 1207 зачетных рабочих дней.

Находясь в Комендантском ОЛП в 1959 году, Стрельцов допустил одно нарушение режима, за что был лишен ранее начисленных зачетов в количестве 90 дней.

За добросовестное отношение к труду и примерное поведение приказом начальника того же ОЛП со Стрельцова указанное взыскание было снято. Находясь в Смородинской, а затем в Донской ИТК с 1960 года, Стрельцов проявил себя исключительно хорошо. Во время пребывания в колониях все время работал на производстве лекальщиком-инструментальщиком. К работе относился добросовестно.

Порученные работы выполнял своевременно и качественно.

Вел себя положительно, установленного режима не нарушал.

Во внерабочее время принимал активное участие в работе, связанной с благоустройством колонии, в аварийных работах, за что имел несколько благодарностей от администрации колонии.

В 1962–1963 учебном году обучается в 9-м классе общеобразовательной школы. Являлся участником слета передовиков труда.

Исходя из вышеизложенного, суд считает: Стрельцов доказал свое исправление, а поэтому, руководствуясь ст. 363 УПК РСФСР,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Стрельцова Эдуарда Анатольевича от неотбытого срока наказания два (2) года, три (3) месяца, десять (10) дней лишения свободы условно-досрочно освободить.

Народный судья Рябов

Народные заседатели Корнеева, Фомина».

В тот же день, расписавшись в тюремной ведомости, он вышел за ворота колонии. Снаружи его уже поджидали Виктор

Шустиков, Георгий Каменский и Софья Фроловна, приехавшие, как обычно, на «Москвиче» Шустикова. Софья Фроловна так разволновалась, что не смогла выйти из машины, а Шустиков и Каменский бросились навстречу освобожденному. Первым делом, как только уселись в машину, Стрельцов сделал глоток коньяку, а потом вдруг попросил притормозить. И, выйдя на улицу, снял с себя тюремный ватник да запустил его в ближайший овраг. После чего попросил Шустикова посигналить. Так он прощался с последней остановкой на лагерном этапе. Так перевернулась еще одна страница его жизни. Впереди ждала неизвестность. Но даже эта неизвестность была лучше уходящей в прошлое определенности.

«Не только ноги нужны в футболе – нужна в футболе, между прочим, голова!..»

Когда в 1957 г. Г.Д. Качалин отозвался о Стрельцове как о неопытном игроке, он имел в виду отсутствие у молодого футболиста самообладания и сложившегося, уверенного стиля игры. Многие тогда критиковали Стрельцова за лень, за простои на одном месте, за пассивную манеру. Но к 1958 г., как написал сам он впоследствии, у Стрельцова стал складываться собственный стиль игры. Появлялись уверенность и привычка находить собственные решения на поле, появлялось то самое видение поля, когда для оценки ситуации не нужно вертеть головой – каким-то интуитивным образом расстановка сил, положение игроков верно распознавались им без оглядки. Он стал осознавать, что прежде неосознанное нежелание постоянно находиться в движении, та самая «лень», за которую упрекали тренеры и журналисты, это вовсе не лень, а свой личный режим игры с учетом плоскостопия и необходимости беречь силы. И уже осознанно он не бегал за мячом, с которым, по его оценкам, ничего не мог сделать. Зато к мячу, обещавшему гол, он мчался, не жалея сил. Он стал действовать более самостоятельно, оценивая ход игры и решениями своими порой приводя опекавших его защитников в недоумение. Просчитать его действия становилось все сложнее. В арсенале приемов появлялись новые, не усвоенные на тренировках, а изобретенные тут же, по ходу игры. Сама игра, развитие событий подсказывали, как лучше действовать, как использовать знакомые приемы в новом качестве, в новом варианте. И тогда разученные, доведенные до автоматизма на тренировках движения и приемы менялись до неузнаваемости, становились чем-то новым. Когда-то даже знаменитый пас пяткой стал экспромтом, логическим следствием ситуации на поле. И только потом прием этот был доведен до совершенства, став его фирменным трюком. К 1958 г. вместе с обретением своего стиля он уже относился к футболу не по-мальчишески, не только как к удовольствию гонять мяч и забивать голы. Он ясно осознавал, что футбол – это творчество, что тренировка и советы наставников – еще не все, игра требует непрерывной мысли, решимости, хитрости, воображения, раскрепощенности. Сила, уверенность, опыт формировали футбольного творца – раскованного в движении, свободного в

фантазии, уверенного в избранной тактике. Но… Все это вдруг оборвалось. Как мы убедились, вина его была полностью доказана, и ни Фурцева, ни Хрущев, ни КГБ не имели к его деянию никакого отношения. Когда в наши дни случается что-то похожее, когда известный человек нарушает закон, начинаются прения: нужно ли наказывать или с учетом его настоящих и потенциальных достижений лучше закрыть на преступление глаза. Но закон имеет смысл только в том случае, когда он написан для всех. В 1958 г. страна проявила волю и наказала одного из лучших футболистов. В 1963 г. та же страна проявила великодушие, простив преступление, за которое он понес наказание. И напрасно говорят, что Стрельцова сразу отвергли как прокаженного, что никто не хотел брать его в игру. Но ведь спортивная команда – это не богоугодное заведение. Конечно, ему сочувствовали. Но этого явно было недостаточно, все понимали: после такого перерыва играть вряд ли он вообще сможет. Сам Эдуард Анатольевич писал, что в разлуке с игрой физически окреп и раздался в плечах, от тяжелой работы стали сильнее руки, но специальная подготовка оставляла желать лучшего – какой футбол после пятилетнего простоя? Ведь играть-то придется не с третьим лагпунктом, и освещать игру приедут не корреспонденты «Леса – стране». И когда в мае 1963 г. тренер «Торпедо» Н.П. Морозов дал Стрельцову возможность сыграть матч с московским «Динамо» за дублеров, Стрельцов признал, что выносливости ему не хватает – чувствовал он себя после игры не лучшим образом. Выходить просто так на поле он не хотел, понимая, что болельщики ждут его и что разочаровать их не может. Игрок такого уровня не имеет права выступать, не будучи по-настоящему подготовленным. Впервые за команду мастеров он сыграл 25 июля 1963 г. в Одессе против «Черноморца», забив два мяча. Это именно после того матча в раздевалку принесли ящик шампанского, букет иван-чая и записку от Коли Загорского.

> ОН СТАЛ ДЕЙСТВОВАТЬ БОЛЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО, ОЦЕНИВАЯ ХОД ИГРЫ И РЕШЕНИЯМИ СВОИМИ ПОРОЙ ПРИВОДЯ ОПЕКАВШИХ ЕГО ЗАЩИТНИКОВ В НЕДОУМЕНИЕ. ПРОСЧИТАТЬ ЕГО ДЕЙСТВИЯ СТАНОВИЛОСЬ ВСЕ СЛОЖНЕЕ.

Этому матчу журналист А.Р. Галинский посвятил статью «Самый красивый гол Стрельцова». А газета «Черноморская коммуна» написала: «На двенадцатой минуте счет был 2:0 в пользу гостей. Центрфорвард «Торпедо» Стрельцов дважды заставил голкипера «Черноморца» Б. Разинского вынуть мяч из сетки. Первый гол Стрельцов забил со штрафного, а второй мяч

направил в ворота ударом с хода – столь же сильным, сколь и неотразимым». Тот самый первый штрафной Галинский и назвал самым красивым голом. В книге «Центральный круг» В.К. Иванов описывает знаменитый угловой удар Валерия Лобановского: Лобановский сам изобрел этот прием, он разбегался и ударял по мячу так, что мяч летел сначала по прямой, но потом делал крутую дугу. Прием требовал филигранной техники и получался не у всех. Стрельцов, лишь однажды увидев этот прием в исполнении Лобановского, на следующей же тренировке повторил его с точностью. К этому же приему пришлось прибегнуть в игре против «Черноморца». Стрельцов рассказал, что импровизировал, подстраивался под ситуацию: когда уже он разбегался, чтобы послать штрафной в плохо прикрытый угол ворот, «стенка» «Черноморца» сдвинулась, и новое решение пришлось принимать в момент занесения над мячом ноги. На ходу он понял, что ситуацию спасет угловой удар, и отправил мяч в ворота. Мяч, поразивший и зрителей, и футболистов, заставивший А.Р. Галинского посвятить этому голу статью. Дело в том, что после удара мяч, словно заколдованный, вдруг исчез из виду и появился лишь с приближением к воротам судьи. Мяч лежал слева от вратаря в боковой сетке. Как он попал туда, никто не видел.

На Галинского произвела впечатление не только игра вернувшегося Стрельцова, но и перемена во внешности центрфорварда. Галинский знал Стрельцова и раньше, он ожидал объявления приговора в 1958 г. в кулуарах здания суда – на слушании, закрытом, как все слушания об изнасиловании, присутствовать он не мог, – и был уверен в невиновности обвиняемого. Почему – неизвестно, просто верил. Он ждал возвращения Стрельцова в футбол. А потому, «когда увидел Стрельцова, с которым был хорошо знаком, у меня кольнуло в сердце <…> В раздевалке «Торпедо» сидел, зашнуровывая бутсы, уже не юноша с открытым светлым нежным лицом и симпатичным русым коком над высоким лбом, а грузноватый, сильно лысеющий молодой мужчина. У юноши были красивые длинные сильные ноги, теперь же они напоминали колонны. Стрельцов поднял голову, внимательно посмотрел на меня и несколько напряженно поздоровался…».

Да, Стрельцов изменился, это многие замечали. Изменился не только внешне, он стал как будто спокойнее, сдержаннее, а игра его выглядела более вдумчивой и расчетливой. Именно поэтому его игру после возвращения в футбол часто сравнивают с шахматами. В 1963 г. он только пробовал силы в футболе, он начинал новую жизнь. Официально играть ему было пока

запрещено. Но времени свободного у него почти не было. Едва вернувшись в Москву, он уже 12 февраля познакомился с девушкой Раисой, жившей по соседству на Автозаводской и работавшей в ЦУМе, а в сентябре женился на ней. С Аллой он так и не сошелся. Она в то время тоже работала на ЗИЛе – секретарем главного конструктора. И вероятно, новое положение бывшей жены заставляло его тушеваться и комплексовать. Ведь он-то теперь был никем!

Сначала он работал в инструментальном цехе ЗИЛа, окончил 10-й класс в вечерней школе. Потом стал учиться на факультете двигателей во ВТУЗе, перешел работать в отдел технического контроля. Работа его заключалась в испытании грузовиков. С напарником они брали с конвейера машины – «ЗИЛ-130», «ЗИЛ-157» – и отправлялись кататься. Нужно было проверить машину на булыжнике, на асфальте, на бездорожье. Работа ему даже нравилась, как понравилась и учеба во ВТУЗе.

ВТУЗы, или высшие технические учебные заведения, существовали в те годы на базе промышленных гигантов. К началу 1970-х в стране было три ВТУЗа – при Ленинградском металлическом заводе им. XXII съезда КПСС, при Карагандинском металлургическом заводе и при Московском автомобильном заводе им. И.А. Лихачева.

Московский ВТУЗ появился 1 февраля 1931 г. Но уже через год прекратил свое существование, а возродился в 1960 г. Учеба у Стрельцова шла хорошо, да и вообще в то время успехи на работе и в учебе утешали и радовали его. Но заменить футбол нельзя было ничем. Каждый день на заводе Стрельцов слышал один и тот же вопрос от рабочих: «Когда будешь играть за мастеров?» Если бы он знал! Зависело это не от него. Пока же приходилось играть за команду ОТК.

А.И. Вольский, бывший тогда секретарем парткома ЗИЛа, вспоминал, что завод отстаивал Стрельцова и его право продолжить футбольную карьеру. Писались письма на имя секретаря ЦК, председателя Идеологической комиссии ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева. Полтора года велась активная борьба за его возвращение в команду мастеров. Был случай, когда в 1963 г. «Торпедо» проводило товарищеский матч в Горьком. Стрельцов в игре не участвовал, хотя приехал вместе с командой и был объявлен. Когда же болельщики поняли, что в игре Стрельцова не будет, началась настоящая смута. Вольский рассказывал, что болельщики стали поджигать газеты, казалось, еще немного, и стадион загорится. От греха подальше согласились выпустить Стрельцова на поле. Тот вышел и был встречен рукоплесканиями поднявшихся с мест болельщиков. Конечно, об этом тут же узнали

в Москве и страшно возмутились. Сегодня это возмущение оценивается как нечто презренное и недопустимое в приличном обществе, как постыдное воспоминание о прошлом. Но были другие времена и другие нравы, да и статья у Стрельцова, надо напомнить, была весьма пикантного свойства. Статья-то больше всего и смущала тогдашних чиновников, так что Л.Ф. Ильичев пенял Вольскому, что-де бандита, развратника и насильника выпустили на поле.

За историей в Горьком последовала служебная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, который, как мы установили, курировал в те годы спорт. В ней сообщалось, что руководство завода им. Лихачева пытается приуменьшить вину Стрельцова, рекламируя его как дисциплинированного рабочего и квалифицированного футболиста. А между тем осужден Стрельцов был за тяжкое уголовное преступление, и не прошло еще и полугода со дня его освобождения. Возмутило сотрудников Агитпропа и недопустимое своеволие руководителей «Торпедо», выпускавших Стрельцова на поле вопреки ранее принятому решению о дисквалификации. А уж случай в Горьком и подавно не остался без внимания:

> «…Многие зрители, присутствующие на стадионах, встречают выход Стрельцова на футбольное поле аплодисментами и одобрительными выкриками. В городе Горьком накануне товарищеской игры по футболу на центральном стадионе было объявлено, что в составе московской команды выступит Стрельцов. Когда по настоянию руководителей центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Стрельцов не был допущен к той игре, большая часть зрителей скандировала «Стрельцова на поле» до тех пор, пока во избежание беспорядков на стадионе не было принято решение допустить Стрельцова к игре.
>
> Все организуется для того, чтобы разрекламировать Стрельцова и добиться его включения в команду мастеров класса «А».
>
> Считаем, что включение Стрельцова в состав футбольной команды «Торпедо» сделает необходимым его выезды за границу, что создало бы за рубежом нездоровую сенсацию вокруг Стрельцова, поскольку его история в свое время нашла широкое освещение в зарубежной прессе. Вместе с тем включение в состав сильнейших команд морально нечистоплотных людей нанесло бы серьезный ущерб работе по воспитанию

молодежи и спортсменов, авторитету советского спорта как в нашей стране, так и за рубежом.

В связи с изложенным вносим предложения:

– просьбу о включении Стрельцова Э.А. в состав футбольной команды мастеров класса «А» считать неправильной;

– поручить Московскому горкому КПСС дать соответствующие разъяснения по данному вопросу партийному комитету и руководству Автомобильного завода им. Лихачева, обязав дирекцию и партком завода обеспечить правильное отношение коллектива завода к вопросам воспитания спортсменов и развития физической культуры и спорта на заводе.

Просим согласия».

Резолюцию подписали Л.Ф. Ильичев и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев.

Итак, что же смущало чиновников и мешало им согласиться на игру Стрельцова в команде мастеров? Да пресловутое международное положение! Боязнь угодить в международный скандал, самим выдать оружие идеологическим врагам, позволить в разгар холодной войны нанести очередной удар по имиджу или, как говорили тогда, по престижу и авторитету страны. Приезд Стрельцова за границу мог бы дать либо отличный повод к разговорам, что в советской сборной играют уголовники, либо, напротив, к приглашению остаться обиженному советской властью гению футбола. И останься он – новый повод к нападкам на СССР, к разговорам о преимуществах капиталистической системы перед социалистической, к чему, собственно, и сводились взаимные упреки двух миров. К тому же, повторимся, отношение к спорту в те времена отличалось от сегодняшнего, слова о дурном примере – не пустая болтовня. Но, с другой стороны, нельзя же подчинять жизнь международному положению. И не такой человек Стрельцов, чтобы подвести и обмануть тех, кто поверил ему. И на заводе решили действовать иначе.

А пока – в 1964 г. – Стрельцов играл за цеховую команду, за первую мужскую «Торпедо» и налаживал быт. В феврале родился сын, в том же году молодой семье завод дал новую квартиру – в старую на Автозаводской к Софье Фроловне, пока Эдуард «отбывал», подселили гражданина, и квартира стала коммунальной. В книге «Вижу поле» Эдуард Анатольевич не только вспоминает, здесь собраны его размышления, много «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Иногда он не

пишет о чем-то прямо, но пускается в рассуждения, и становится понятно, что это плоды его жизненного опыта, его долгих и не всегда веселых раздумий. Едва ли не первое, что он сделал, вернувшись из заключения, познакомился с девушкой, вскоре ставшей его женой. В книге он пишет: «Футбол, как я уже здесь столько раз говорил, забирает себе человека целиком, если подходишь к нему серьезно. Поэтому далеко не все футболисты счастливы в семейной жизни. Молодость проходит на сборах, в тренировках, в волнениях перед очередной важной игрой. Потом футбол заканчивается – почти всегда это происходит внезапно, как себя к этому ни готовишь. Ощущаешь пустоту и одиночество. И в семье – то же. Поскольку все как-то было не до семьи, на домашние дела времени не хватало. И нередко – и футбола больше нет, и семья распадается. А винить вроде бы некого, кроме себя самого». То есть мысли о потерянной семье не давали ему покоя, что подтверждается и письмом из лагеря к Алле, предложением снова пожениться. Он понимал, что футбольные перспективы его туманны, и боялся остаться наедине с пустотой и одиночеством. В другом месте он пишет: «В жизни своей я многого (и очень причем важного) не замечал, проходил мимо, не понимал, усваивал с опозданием (иногда непоправимым) то, что другие знали с самого начала». Вернувшись домой, он первым делом озаботился созданием семьи, стал учиться – как говорится, наверстывал упущенное, старался вновь не упустить «очень важное».

Тем временем на ЗИЛе написали письмо на имя Л.И. Брежнева на сорока страницах. Собрали подписи десяти тысяч человек – от простых рабочих до Героев Социалистического Труда, орденоносцев и даже депутатов Верховного Совета СССР. И вскоре представителей ЗИЛа пригласили в Верховный Совет. Тогда же Брежнев и произнес ставшую знаменитой фразу: «…Не понимаю: если слесарь отбыл срок, то почему ему нельзя работать слесарем?» Тут же дело сдвинулось, вышло постановление Федерации футбола СССР (так с 1959 г. называлась Секция футбола), и Стрельцов был заявлен в команду. За два месяца до начала сезона 1965 г., то есть в феврале, судьба его решилась – боги смилостивились над своим любимцем.

Тогда же, в феврале, «Торпедо» уехало в Австралию – там на 25 февраля был намечен товарищеский матч с местной командой на стадионе города Перт. А Стрельцов, как в далеком уже 1954 г., с юношами отправился в Сочи – готовиться к первому после большого перерыва чемпионату. С одной стороны, он был счастлив, все складывалось лучше, чем можно было представить. Но в то же время его мучили сомнения. В сезоне 1964 г.

«Торпедо» выступило очень неплохо, заняв 2-е место – после 10-го места в 1963 г. и 7-го в 1962-м. До этого, правда, выступали прекрасно, занимая два раза подряд в 1960 г. и в 1961 г. первые места чемпионата. Но к возвращению Стрельцова состав команды несколько изменился. В официальных играх Стрельцов в новом составе не играл и терзался сомнениями, а подойдет ли он, впишется ли в новую команду? Но главное, как он почувствовал, изменился дух команды, общее настроение. Когда он вынужденно ушел из футбола, «Торпедо» не была командой-победительницей, не знала победительного духа и не чувствовала себя настолько уверенно, чтобы на любого противника смотреть без робости. Теперь же все изменилось, и Стрельцову предстояло вписаться в новую для него команду или, как он сам это назвал, «прийтись ко двору». Но сначала необходимо было восстановить физическую форму. В книге он рассказывает, что привык соотносить свою физическую форму со своей техникой, то есть всегда представлял, сколько и для чего понадобится сил. Теперь же было сложно представить, как именно придется употреблять силы, какая тактика будет задействована в игре новой команды и какая именно роль будет уготована ему. Стиль игры «Торпедо» образца 1965 г. был завязан на атлетических качествах игроков – техника, помноженная на скорость. И Стрельцов понимал, что в таком коллективе без должной физической подготовки просто нечего делать, а необходимой выносливости у него пока не было, он признавал, что «заметно отставал тогда физически». Но все это были общие мысли – команды он все-таки не знал. Предстояло увидеть в игре, кто и как играет, что умеет и на что способен в разных ситуациях. Такой проверкой стал матч, состоявшийся 15 апреля в Баку. Несмотря на то что «Торпедо» проиграло «Нефтянику» 0:3, Стрельцов не раскис и не впал в уныние. В этой первой игре он осматривался, пробовал, примеривался. А еще наслаждался и волновался от радости, что снова может играть. Только увидев поле, он ощутил, что все будет хорошо; может быть, не сразу, но он вернется в футбол не только формально, останется самим собой. «Вижу поле!» – так называется книга воспоминаний Эдуарда Анатольевича. Видеть поле – для него это не просто слова. Это понимание, что он занимается своим делом, уверенность в собственных силах, ощущение, что он дома.

После проигрыша «Нефтянику» Стрельцов немного расстроился, но зато теперь он знал, что надо делать и какое место он занимает в этой новой команде. Ведь он опасался, что ни один игрок, кроме Валентина Иванова, не знаком ему как партнер. Да и сам Иванов мог измениться за прошедшие годы. Однако ничего такого не случилось. С Ивановым они начали

сразу играть так, словно и не расставались. Остальные нападающие охотно и доверчиво приняли его как лидера и вели игру, исходя из его лидерства.

После матча журнал «Футбол» написал: «В команду вернулся Э. Стрельцов. Торпедовские сторонники возлагают на него большие надежды. Но ведь наивно полагать, что после длительного перерыва он сразу же начнет играть в полную силу, да еще в составе, который, судя по первому матчу, уступал своим соперникам в скорости действий, то есть в том, что всегда было коньком команды». Стрельцов и сам признавал, что разочаровал кого-то в своих возможностях. Но важнее, что сам он в себе не разуверился. Тот первый матч стал для него новым стартом, проверкой и разведкой. Теперь он знал, что вписался в команду – его сразу же приняли как своего, и никто не выразил недовольства, что с возвращением Стрельцова стиль игры неизбежно изменится.

Отныне он уже знал и расстановку сил в команде, и возможности каждого игрока, он обрел нужную физическую форму и был готов к дальнейшей борьбе. Следующая игра прошла в «Лужниках» с куйбышевскими «Крыльями Советов». «Торпедо» одержало победу 2:0, мячи были забиты подряд. Как написал «Советский спорт», «первый тайм был интересным и богатым событиями. На 15-й минуте Сергеев слева подал нацеленный угловой на Иванова, тот откинул мяч Стрельцову и получил в ответ отличный пас на свободное место. Косой удар в дальний нижний угол Иванов исполнил мастерски. Спустя две минуты Сергеев от углового фланга навесил мяч прямо на перекладину. Вратарь волжан не угадал траекторию, промахнулся, и подскочивший Михайлов добил мяч в сетку». Стрельцов показал свой знаменитый пас пяткой, хотя, по его признанию, это еще было не то, что они умели в паре с Ивановым. Стрельцов пока не забивал сам – первые два гола после возвращения он забьет 10 июля в матче с минским «Динамо». А пока он чувствовал, что, вернувшись в футбол, меняется, что играть по-прежнему не получится. Поначалу он и сам не понимал, хорошо это или плохо, лучше он играет или хуже. С ним происходили изменения, к которым он словно и не был причастен. Приходилось полагаться на интуицию, подсказывавшую, что все это временно, нужно полностью войти в форму, и тогда пойдет настоящая игра – обновленная и усиленная.

У Стрельцова появилась и новая задача: увидев, что к нему стали относиться как к лидеру атаки, он хотел продемонстрировать каждому из партнеров свою полезность, завоевать полное доверие, выказать надежность. В этом

заключалось принципиально другое понимание игры и лидерской роли. Если в 1953 г. он обижался, что старшие игроки обходили его с мячом, не пасовали ему, то теперь он сам хотел быть полезным партнерам пасами. Если поначалу он не задумывался над игрой, то теперь его интересовала организация игры, построение нападения, продуманность атаки. Высшей радостью в футболе для него стала игра с умным игроком.

И здесь действительно напрашивается сходство с шахматами. Когда-то великий Александр Алехин говорил, что «был бы счастлив творить один, без необходимости, как это случается в партии, сообразовывать свой план с планом противника, чтобы достичь чего-нибудь, представляющего ценность». Порой, сталкиваясь с отличным от своего подхода к шахматам или оказываясь один на один с противником, не заботившимся о красоте партии, ставившим перед собой задачу – выиграть, а не творить, Алехин испытывал настоящие страдания. Поздний Стрельцов смотрел на игру в чем-то похоже. Правда, он не страдал, если расходился с партнером в отношении к игре. Но все большую ценность в его глазах приобретала «умная игра», игра с идеальным партнером, понимающим тактический замысел без слов. Идеальным партнером оставался для него Иванов, но было интересно вовлекать в «умную игру» и остальных нападающих, добиваясь понимания предлагаемой им тактики. Видение поля Стрельцовым стало немного иным. Расстановка сил подсказывала ходы, которые раньше, как правило, он старался реализовать один или в паре с Ивановым. Теперь же варианты игры он просчитывал при участии любого игрока, имевшего шанс поразить ворота противника.

Тренер М.И. Якушин подтверждает, что стиль игры Стрельцова в разные годы менялся. В юности Эдуард был быстрей, активней, но с годами, когда появился опыт, возросла техника, он «стал более рассудительным и грамотным игроком».

И все-таки от него ждали не только рассудительности, но и голов – ведь никто тогда и не знал об этих душевных тонкостях, о происходившей в нем борьбе и о переменах. Разве болельщик станет равнодушно или спокойно смотреть, что центральный нападающий сам не забивает голов? Газета «Труд» о матче с минским «Динамо» написала: «Уж так случилось, что авторами всех трех голов в этом матче стали тезки. Гол в ворота москвичей провел Эдуард Малафеев, а два ответных гола забил Эдуард Стрельцов». С этого матча Стрельцов словно бы окончательно вернулся в большой футбол, вернулся тот центрфорвард автозаводцев, которого ждал болельщик.

От игры к игре он набирал силу и сплачивал вокруг себя

команду. К концу сезона удалось достичь сыгранности и взаимопонимания. Так, игра с ташкентским «Пахтакором» в Москве на стадионе «Динамо», закончившаяся победой москвичей 4:0, запомнилась не разгромным счетом. Пожалуй, впервые идеальными партнерами были не только Стрельцов и Иванов, но и все, кто действовал в линии нападения. Игралось легко и раскованно. Все понимали друг друга мгновенно, Стрельцов ощущал, что команда играет как единый механизм. «А мне ведь больше ничего и не надо, – писал он потом. – Когда я понят – и мне на душе легче, я могу показать, на что способен».

> НО ВСЕ БОЛЬШУЮ ЦЕННОСТЬ В ЕГО ГЛАЗАХ ПРИОБРЕТАЛА «УМНАЯ ИГРА», ИГРА С ИДЕАЛЬНЫМ ПАРТНЕРОМ, ПОНИМАЮЩИМ ТАКТИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ БЕЗ СЛОВ.

Стиль игры, сложившийся к тому времени у Стрельцова и во многом благодаря ему у «Торпедо» вообще, называли тогда «замаскированностью намерений». Именно автозаводцы чаще других клубов демонстрировали умение скрывать каждый следующий прием, замаскировывать новый ход. Им вполне удавалось делать не то, что ожидал соперник. Говорили, что Иванов, Воронин и особенно Стрельцов поступают порой вопреки логике, привнося тем самым неожиданность и внезапность в игру. Театровед А.П. Демидов называл Стрельцова «остроумнейшим футболистом», имея в виду его манеру игры.

Конечно, такой прием применяли не только они. Но комментаторы, журналисты, болельщики отмечали его как фирменный торпедовский прием. «Замаскированность намерений» связывали с превосходством в технике и классе игры. Подготовительный маневр в таких случаях указывал направление паса или удара. Но мгновение спустя выяснялось, что мяч улетал совсем в другую сторону. Эдуард Анатольевич отмечал распространенную ошибку защитников – наблюдение за мячом: «Нередко и опытные защитники «гипнотизировали» мяч возле моей ноги и не улавливали, как он оказывался у Кузьмы, который, бывало, успевал уже и гол забить…»

> СТИЛЬ ИГРЫ, СЛОЖИВШИЙСЯ К ТОМУ ВРЕМЕНИ У СТРЕЛЬЦОВА И ВО МНОГОМ БЛАГОДАРЯ ЕМУ У «ТОРПЕДО» ВООБЩЕ, НАЗЫВАЛИ ТОГДА «ЗАМАСКИРОВАННОСТЬЮ НАМЕРЕНИЙ».

Тактика «замаскированности намерений» активно применялась в финальном поединке чемпионата с одесским

«Черноморцем» 15 ноября и, подчеркнув преимущества «Торпедо», привела московскую команду к победе – 2:1. А после окончания матча, как сообщил «Советский спорт», Эдуарду Стрельцову был вручен приз газеты «Комсомольское знамя» как лучшему игроку матча второго круга «Динамо» (Киев) – «Торпедо» (Москва). К слову, первый матч с киевским «Динамо» автозаводцы играли еще в июне. В сентябре команды встретились повторно, и Стрельцов при счете 0:3 сумел отыграть два мяча и спасти «Торпедо» от сухого проигрыша. «Мог быть и третий гол, – сокрушался Эдуард Анатольевич. – Я обязан был поставить точку в этой игре, но не сумел: вышел один на один с вратарем, кинул в дальний угол – и попал в штангу…»

И все равно: с пятьюдесятью одним очком автозаводцы вышли на первое место чемпионата СССР. А это значит, что возвращение Стрельцова прошло триумфально. Правда, он был еще не совсем прощен, потому что уже 28 ноября, а затем 1 декабря «Торпедо» играло товарищеские матчи в Японии, в то время как Стрельцов с Раисой отдыхали в пансионате на Валдае. Но он был спокоен и уверен в себе. На командной фотографии 1965 г. Стрельцов стоит в верхнем ряду – полысевший, погрузневший, выглядящий лет на десять старше своего возраста, но счастливо улыбающийся.

1965 г. выдался трудным, поскольку нужно было доказать свою пригодность и полезность футболу, нужно было вернуть форму, понять, удастся ли прижиться в команде среди новых и незнакомых игроков. К тому же, как сообщает А.П. Нилин, «своим возвращением Стрельцов застал заинтересованных лиц врасплох». Другими словами, не все были одинаково рады его возвращению в команду и не всем понравилось, что Стрельцов немедленно перетянул на себя внимание болельщиков. Конечно, Стрельцов видел и понимал это недовольство, подчас никак не проявляющееся, наверняка опасался возможной трещины в команде. Но пока радость возвращения перевешивала все неприятное и неудобное. Началась вторая жизнь в футболе, и хотелось думать уже о следующем сезоне. Тем более что в № 2 журнала «Футбол» от 9 января 1966 г. на последней странице была помещена заметка «Новые мастера». Среди прочего в заметке говорилось: «В связи с выполнением нормативов и требований Единой Всесоюзной спортивной классификации президиум Федерации футбола СССР присвоил звание мастера спорта по футболу группе игроков: московскому торпедовцу Э. Стрельцову (за 1-е место в чемпионате) и столичному динамовцу Вад. Иванову (за 5-е место)…» Возвращение было подтверждено официально.

Но после эйфории всегда наступает если не депрессия, то хотя бы эмоциональный спад. Праздник обязательно сменяется буднями. В начале весны сборная СССР, капитаном которой был в то время Валентин Иванов, уехала в Югославию готовиться к чемпионату мира 1966 г. Все шло прекрасно, Иванов участвовал во всех матчах. Как вдруг появившийся откуда ни возьмись недоброжелатель смутил тренера Н.П. Морозова вопросами: «И Иванов играет? А что, помоложе вы никого найти не могли?» После первого тайма ближайшей затем игры Иванова заменили, и больше в сборной Валентин Козьмич, которому в 1966 г. исполнялось 32 года, не появлялся. Он вернулся в «Торпедо», где тоже был капитаном, и старался ничем не выдавать своего состояния. Но футболисты в голос подтверждают: никому еще не удавалось безболезненно пережить окончание спортивной карьеры, особенно когда ты чувствуешь, что мог бы еще играть и приносить пользу, но твои услуги, увы, не нужны. Отлучение от национальной сборной отражается и на клубной игре – такой футболист не только подавлен, но и лишен мотивации. А в команде апатия одного, особенно капитана, неизбежно передается остальным.

К тому же, как рассказал об этом сам Валентин Козьмич, «цепная реакция идет с поразительной быстротой». И вот уже торпедовский тренер В.П. Марьенко стал осторожно намекать Иванову на целесообразность перехода в тренеры, на то, что о лучшем помощнике Марьенко и мечтать бы не мог. Конечно, это не могло не отразиться на игре Иванова и на его настроении. В начале чемпионата 1966 г. 2 мая в игре с куйбышевскими «Крыльями Советов» он стал автором двух голов. Больше мячей он уже не забивал. Из тридцати шести игр он участвовал только в одиннадцати. Все это время «мучился, колебался, раздваивался, терзался сомнениями». Ему казалось, что тренеры смотрят на него враждебно. Под этими взглядами необходимая уверенность исчезала, он начинал играть со срывами; все, что раньше давалось легко, перестало получаться вообще. И вдруг, как следствие, против него восстали болельщики. Можно только представить, что он чувствовал, когда слышал с трибун свист и крики: «Иванова с поля!», «Пора на пенсию!». И тогда он окончательно решил уйти. Ему устроили грандиозные проводы: команда несла своего капитана на плечах, болельщики после всех нападок рукоплескали, сыпались подарки. Но несмотря на утешение, он не мог не сознавать, что прощание могло бы состояться много позднее.

НА КОМАНДНОЙ ФОТОГРАФИИ 1965 Г. СТРЕЛЬЦОВ

СТОИТ В ВЕРХНЕМ РЯДУ – ПОЛЫСЕВШИЙ, ПОГРУЗНЕВШИЙ, ВЫГЛЯДЯЩИЙ ЛЕТ НА ДЕСЯТЬ СТАРШЕ СВОЕГО ВОЗРАСТА, НО СЧАСТЛИВО УЛЫБАЮЩИЙСЯ.

По итогам года «Торпедо» оказалось на 6-м месте. Стоит отметить, что в сезоне 1966 г. Эдуард Анатольевич окончательно стал самим собой в футболе. Если, присматриваясь и наслаждаясь возвращением в 1965 г., он вел себя смирно и законопослушно, то в 1966-м получил несколько предупреждений и даже удаление с последующей дисквалификацией. 4 июля во время игры с московским «Локомотивом» в «Лужниках» он сподобился красной карточки за умышленный удар игрока противника по ногам. В журнале «Футбол» О.С. Кучеренко написал тогда: «…Был удален Стрельцов, который в последнее время часто допускает «вольности». Одно складывается с другим. Неудачи коллектива, ошибки партнеров и даже «мелочи» сначала вызывают просто раздражение, потом раздражение переносится на соперников и судей, и, наконец, футболист совершает неэтичный поступок. Большой спортсмен так никогда не сделает». Следующую игру – с ленинградским «Зенитом» – Стрельцов пропустил.

Но самое яркое событие того сезона ждало команду в конце сентября. Поскольку «Торпедо» стало чемпионом СССР в 1965 г., в 1966-м команде предстояло участие в Кубке европейских чемпионов (Лига чемпионов УЕФА с 1992 г.). Играть предстояло с итальянским «Интернационале» – одной из сильнейших европейских команд. Но на Стрельцова пока что власти страны посматривали с подозрением, вернее – выпускать его за границу побаивались. Когда сегодняшние поклонники Стрельцова возмущаются этой несправедливостью, они либо не знают, либо делают вид, что не знают, по какой причине осторожничали советские чиновники. Мы уже выяснили, что в те годы любой повод мог быть использован в холодной войне. На всякий случай напомним, что, например, в Директиве Совета национальной безопасности США № 20/1 от 18 августа 1948 г. говорилось, что «наша конечная цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой Советской власти <…> Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне его пределов». А в Директиве № 4/А от 14 декабря 1947 г., возложившей ведение психологической войны на ЦРУ, отмечалось, что психологическая война – это «ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых

публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями…».

Это сегодня можно отмахнуться от всех директив, а для тех лет это была реальность, в соответствии с которой и выстраивалась политика государства. Никто не станет утверждать, что политика эта, как равно и политика любого другого государства, была безупречной. Но нам сейчас важно не судить, а понять: почему что-то происходило так, а не иначе. В тех условиях появление Стрельцова за границей могло вызвать, что называется, нездоровый ажиотаж. Во-первых, могла бы отреагировать пропагандистская машина, начав распространять информацию, что в Союзе некому играть, кроме уголовников. Во-вторых, что более вероятно, Стрельцову могли очень настойчиво предложить остаться на Западе, чтобы затем та же пропагандистская машина подхватила лозунг «Он выбрал свободу», представив обиженного Советами спортсмена как очередного пострадавшего от произвола тоталитаризма. Конечно, был бы скандал, и, конечно, отвечать бы пришлось тем, кто выпустил его за границу.

А.И. Вольский вспоминал, что вопрос о поездке Стрельцова решался на заседании бюро Московского горкома партии. Мнения разделились, а страсти накалились. Дошло до крика, но все-таки решение было найдено. Сошлись на том, что Вольский возглавит команду в поездке, а Стрельцов поступает под его ответственность. И если Стрельцов сбежит или что-то натворит, отвечать будет Вольский. Но самому Аркадию Ивановичу эта идея не очень понравилась. Он отказался. Когда же обо всем узнал завод, то Вольского дружно осудили. Директор ЗИЛа П.Д. Бородин заявил, что не узнает Вольского. «Ты всегда такой решительный, – сказал директор, – а тут сдрейфил». Аркадий Иванович вспоминал, что слово «сдрейфил» все и решило. Почему-то не захотел Вольский быть «сдрейфившим» и дал свое согласие опекать Стрельцова. Через два дня они улетели в Милан. Вторая жена Стрельцова Раиса рассказывала впоследствии с чьих-то слов, что, «когда самолет оторвался от шереметьевской бетонки и начал набирать высоту, Эдик заплакал…».

Повторимся, «Интернационале», или «Интер», и тогда, и сейчас – один из самых сильных и титулованных клубов Европы. Итальянские журналисты писали в ту пору, что такого международного опыта, каким обладают игроки «Интера», нет ни у одного другого клуба в мире. Стоит ли говорить, как волновались автозаводцы, предвкушая встречу с таким

соперником, в состав которого входили именитейшие Факетти, Жаир, Суарес. Тренировал команду не менее знаменитый Эленио Эррера, которого многие считают творцом эшелонированной обороны «катеначчо». Следует сказать, что это не совсем так. «Катеначчо» буквально переводится как «дверь на засове», в футболе обозначает стиль игры, где обороне отводится особая роль. Еще в 30-е гг. австрийский тренер Карл Раппан использовал аналогичный стиль игры, впоследствии усовершенствованный итальянцем Нерео Рокко и отточенный уроженцем Марокко с аргентинским гражданством Эленио Эррерой. Стиль подразумевает непробиваемую стену защитников на своей половине поля и резкую смену обороны на нападение, как только соперник упускает мяч. Быстрая контратака и мгновенное превращение обороны в нападение и были коньком этой системы. Вспомним, как в Мельбурне 1956-го действовали индонезийцы против советской сборной – измотали обороной, а потом едва не забили.

Стрельцов вспоминал, что торпедовцы перед игрой с «Интером» переживали по поводу отсутствия в их составе игроков с именем. Себя Эдуард Анатольевич в расчет не брал, единственной знаменитостью считал Валерия Воронина, от ноги которого, по какому-то мистическому совпадению, в ворота советской команды влетел тогда единственный мяч. Гол, забитый миланцам Владимиром Бредневым, судья не засчитал, хотя мяч, попав в перекладину, ударился о землю за линией ворот и только после этого вылетел на поле.

Но Стрельцов не был бы Стрельцовым, если бы не преподнес команде, а главное, А.И. Вольскому сюрприз напоследок. Мы же помним, как Аркадий Иванович поручился в Москве за центрфорварда. И вдруг вечером после игры Стрельцов не вернулся в гостиницу. Думали, объявится к утру – нет. Приехали в аэропорт – нет. Как вдруг объявляется. Оказалось, после игры итальянские коллеги из «Интернационале» пригласили его прогуляться, и он не посмел отклонить их приглашение. Словно в воду глядели московские чиновники, опасавшиеся выпускать Стрельцова за границу, – итальянские журналисты, узнав о его совместной вечеринке с игроками «Интера», набросились с вопросами: «Не хотели бы вы остаться в свободном мире?» Но Стрельцов со своей обезоруживающей простотой ответил: «Что мне тут делать? У вас президентов убивают» (23 ноября 1963 г. в Далласе был убит 35-й президент США Джон Фицджеральд Кеннеди). И как-то этот поступок, обнаживший стрельцовскую простоту и бесхитростность, словно бы снял с него всякие подозрения – и впрямь не сбежит, не предаст и не изменит.

Ответный матч с «Интером» играли в Москве 12 октября. «Интеру» достаточно было сыграть вничью. Так и сыграли. «Торпедо» выбыло из соревнований за кубок. Результат был закономерным, в Москве у «Торпедо», как бы странно это ни казалось, шансов было меньше. Ведь команды уже неплохо друг друга поняли, а с точки зрения техники итальянцы были заметно более опытными. Среди автозаводцев только Стрельцов и Воронин не уступали в технике игры итальянским футболистам.

1966 и 1967 гг. оказались переходными для «Торпедо»: состав команды все время менялся. Но молодые почему-то не задерживались надолго. Игра в чемпионате 1967 г. не складывалась – даже на счету Стрельцова за весь сезон насчитывалось всего шесть голов, а знаменитость Воронин стал автором всего лишь одного мяча. С тренерским составом тоже происходила какая-то чехарда. Сначала вновь тренировать «Торпедо» стал Н.П. Морозов. В августе, то есть уже к концу сезона, тренером был назначен В.К. Иванов. Возможно, из-за нестабильности по итогам 1967 г. недавний чемпион СССР оказался на 12-м месте. Так низко автозаводцы не падали с 1951 г.

Но для Стрельцова 1966 г. стал важным потому, что впервые после возвращения в футбол он смог сыграть за сборную. 16 октября в «Лужниках» прошел матч с турецкой сборной, названный тогда же «отрезвляющим душем». В начале 60-х турецкая команда считалась одной из слабых в Европе. Перед матчем в Москве турки словно призвали всю восточную хитрость, дабы усыпить бдительность советской стороны. Президент Федерации футбола Турции Шереф Апак заявил: «Мы не рассчитываем на победу. Нам важно сыграть с вашими прославленными футболистами и поучиться у них». Ему вторил и старший тренер: «Я убежден, что полтора часа игры моих питомцев против четвертого призера мирового чемпионата окупятся для нашей команды сторицей». Действительно, с 11 по 30 июля в Англии проходил чемпионат мира. Впервые хозяйка соревнований – Англия – стала чемпионом мира. Второе и третье места разделили ФРГ и Португалия соответственно. СССР оказался на четвертом месте, уступив Португалии 1:2. Стрельцов не играл в ту пору в сборной и участия в чемпионате не принимал. Это был уже третий чемпионат мира, в котором он не смог выступить. Забегая вперед, отметим, что ни один мировой чемпионат так и не увидит игры Эдуарда Стрельцова.

А пока началась подготовка к чемпионату Европы 1968 г., и турки прибыли в Москву с визитом дружбы – поучиться и познакомиться. Однако учиться пришлось кое-кому другому.

Сборная СССР проиграла сборной Турции со счетом 0:2. Турки показали хорошую технику, продуманный стиль и желание побеждать. В то время как советская команда выглядела несобранной и несыгранной. И если Стрельцов пытался организовывать атаки, то все его попытки натыкались то ли на непонимание, то ли на нежелание играть в командную игру. В тогдашней прессе после матча с турками появилось множество возмущенных отзывов. Так, в журнале «Футбол» от тренера Б.А. Аркадьева досталось всем: «В одиночестве пытался что-то делать Поркуян. Проба Матвеева в составе сборной не вдохновила его на активную игру. Банишевский, слабо игравший за сборную в Англии, не стал лучше…» Отдельно тренер прошелся и по Стрельцову. По его наблюдениям, «Стрельцов – пока проблема, которую он должен решить собственными усилиями. В первом тайме игры «Торпедо» – «Интернационале» он выглядел одним из лучших игроков матча. Тогда он сочетал остроту индивидуальной игры с тонким дирижерством. В этом же духе, не слабее Стрельцов провел первый тайм и в рецензируемой игре. Вторые таймы Стрельцов «не вытянул» и заметно сдал как в энергии, так и в качестве». Что отметил Эленио Эррера в игре «Торпедо» с «Интером», подчеркнул и Аркадьев применительно к матчу с Турцией: остроумные ходы с мячом Стрельцова неожиданны не только для противника, но застают врасплох и его партнеров, слаженной атаки не получается. Стрельцов, мечтавший в ту пору об «умной игре», никак не мог найти для этого достойных компаньонов. Игроки его окружали неплохие, но той связки, как была у них когда-то с Ивановым, не получалось – ни в обновленном «Торпедо», ни в сборной, где он также остался едва ли не один из «ветеранов». Стрельцов понимал, что он самый опытный и самый сильный игрок, и считал себя еще на многое способным. Его не смущали ни командные неудачи, ни непонимание со стороны молодых игроков. Вкус к игре и азарт оставались с ним. А равно и новое, утвердившееся в нем понимание игры. Главным в футболе теперь считал он коллективную игру. Но понять это каждому игроку нужно было сердцем, а не только умом. Только в этом случае от игры можно испытать настоящую радость. Его молодые партнеры пока не понимали этой футбольной философии, поэтому он остался в одиночестве или даже в изоляции, но нисколько не смущался этим, как человек, познавший истину и сторонящийся суеты.

Следующие два товарищеских матча – с ГДР в Москве и с Италией в Милане – Стрельцов тоже сыграл в составе сборной. А в № 2 журнала «Футбол» от 8 января 1967 г. был опубликован «Список тридцати трех». Тридцати трех участников сборной СССР

по футболу. Там же говорилось: «Президиум Федерации футбола СССР утвердил этот традиционный почетный список после того, как совет тренеров придирчиво обсудил каждую кандидатуру». Из московского «Торпедо» в сборную вошли А. Кавазашвили, В. Андреюк, А. Ленев, Э. Стрельцов.

1967 г. был очень насыщен для Стрельцова. Он вернулся в сборную, и с февраля начались товарищеские матчи и поездки: Югославия, Италия, Шотландия, Франция… К ноябрю стало ясно, что сборная вышла в четвертьфинал первенства Европы. В апреле стартовал чемпионат страны. В мае «Торпедо» включилось в битву за Кубок СССР 1966/67. Как мы помним, в 1966 г. команда заняла шестое место в чемпионате страны. На первое место вышло киевское «Динамо», выигравшее тогда же Кубок СССР. Вроде бы «Динамо» предстояло участвовать и в Кубке европейских чемпионов, и в Кубке обладателей кубков. Но, по правилам Кубка кубков, клуб, выигравший и национальный чемпионат, и национальный Кубок, участвует только в розыгрыше Кубка чемпионов. В Кубке обладателей кубков принимает участие в таком случае финалист национального Кубка. 8 ноября 1966 г. в «Лужниках» за национальный Кубок боролись московское «Торпедо» и киевское «Динамо», поэтому «Торпедо», как финалист игры за Кубок СССР, стало участником Кубка кубков 1967/68.

> ГЛАВНЫМ В ФУТБОЛЕ ТЕПЕРЬ СЧИТАЛ ОН КОЛЛЕКТИВНУЮ ИГРУ. НО ПОНЯТЬ ЭТО КАЖДОМУ ИГРОКУ НУЖНО БЫЛО СЕРДЦЕМ, А НЕ ТОЛЬКО УМОМ. ТОЛЬКО В ЭТОМ СЛУЧАЕ ОТ ИГРЫ МОЖНО ИСПЫТАТЬ НАСТОЯЩУЮ РАДОСТЬ.

В сентябре состоялась первая игра с командой «Мотор» из ГДР. Обыграв в итоге немцев, московские автозаводцы в ноябре дважды играли с чехословацким «Спартаком» из Трнавы. В первом матче, проходившем в Ташкенте, чехи проиграли 0:3, хоть и казалось, что преимущество было на стороне чехов, атакующих чаще и настойчивее. Игра торпедовцев строилась вокруг Стрельцова, находившего единственно верные решения, так что, имея минимум голевых моментов, «Торпедо» сумело использовать едва ли не каждый из них.

Теперь у «Спартака» появилась задача отыграть три мяча. Но сумев отыграть только один, чехословацкие футболисты сорвались. На поле началась настоящая потасовка, вратаря Анзора Кавазашвили затолкнули в ворота и стали бить, так что синяки еще долго украшали его лицо. Даже чехословацкая пресса не удержалась от упреков арбитру. И «Ческословенски спорт»,

и «Руде право» пеняли голландскому судье Адрианусу Альбрехту, не сумевшему унять бузотеров. А в № 49 от 3 декабря 1967 г. в советском журнале «Футбол – Хоккей», переименованном так из журнала «Футбол» именно с № 49, сообщалось о победе торпедовцев, как о победе «современного рационального футбола над бесшабашным навалом, продуманной стратегии над нехитрой схемой “быстрее беги, сильнее бей”».

«Торпедо» вышло в четвертьфинал Кубка кубков. Следующая встреча с уэльским клубом «Кардифу» предстояла в 1968 г.

Но для Стрельцова приятное на этом не заканчивалось. Ведь еще в июне, в № 25 «Футбола» появилась большая статья А.П. Старостина об отборочном матче чемпионата Европы-68 между сборными СССР и Австрии, окончившемся поражением Австрии 3:4. В статье среди прочего говорилось: «Четвертый гол, забитый Стрельцовым с подачи Бышовца, кстати говоря, как и второй, забитый Бышовцем с подачи Воронина, может удовлетворить по искусству исполнения самого взыскательного зрителя». А на обложке номера помещалась фотография того самого четвертого гола, забитого Стрельцовым головой. В сорок шестом номере того же издания от 12 ноября 1967 г. на втором развороте (с. 4–5) рядом с фотографиями А. Кавазашвили, Э. Стрельцова и Э. Малафеева размещалось такое сообщение: «Постановлением президиума Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР футболистам сборной команды СССР А. Кавазашвили, Э. Стрельцову (оба – московское «Торпедо») и Э. Малафееву (минское «Динамо») присвоены звания Заслуженных мастеров спорта». О Стрельцове говорилось: «Матч сборной страны, в котором впервые участвовал Эдуард Стрельцов, – со сборной Швеции в Стокгольме – тоже закончился с убедительным счетом 6:0 в пользу наших футболистов. Только было это ровно за десять лет до дебюта Кавазашвили – 26 июня 1955 года. В том же году он возглавил список бомбардиров чемпионата страны (15 мячей), а в следующем – в составе сборной стал олимпийским чемпионом.

В зрелые годы игра Стрельцова обогатилась новыми красками. Из футболиста, славившегося умением забивать голы, он превратился в дирижера атаки, умело руководящего действиями молодых партнеров».

Наконец, в самом последнем, в пятьдесят третьем номере журнала «Футбол – Хоккей» от 31 декабря 1967 г. на третьей странице большими буквами значилось: «Эдуард Стрельцов – лучший футболист года». Уже в четвертый раз еженедельник проводил опрос среди журналистов. В 1967 г. в опросе приняли участие шестьдесят пять журналистов из двадцати восьми

печатных изданий, а также из ТАСС, с телевидения и радио. Каждый опрашиваемый должен был назвать трех лучших футболистов. За первое место спортсмен получал три очка, за второе – два, за третье – одно. По результатам этого опроса Стрельцов получил 45 первых мест, 4 вторых и 12 третьих. Набрав 155 очков, он опередил всех конкурентов. В предыдущих опросах Стрельцов также лидировал – в 1965 г. он вышел на 2-е место, в 1966-м – на четвертое. Прокомментировать мнение журналистов, освещающих спорт, редакция попросила В.К. Иванова, заявившего о бесспорной поддержке голосования. Иванов рассказал об особенностях стиля игры бывшего партнера, о его «умной игре», о том, как трудно играть со Стрельцовым, не научившись понимать его манеры, его «футбольной мысли». По мнению Иванова, Стрельцов стал не просто прекрасным игроком, но играющим тренером, рядом с которым молодые игроки оттачивают мастерство. «Мне очень приятно, – заключил Иванов, – что в год своего 30-летия Стрельцов признан лучшим футболистом. Честно говоря, я всегда был уверен, что он – лучший игрок страны. И я рад, что наконец это оформлено, так сказать, официально».

> СТРЕЛЬЦОВ СТАЛ НЕ ПРОСТО ПРЕКРАСНЫМ ИГРОКОМ, НО ИГРАЮЩИМ ТРЕНЕРОМ, РЯДОМ С КОТОРЫМ МОЛОДЫЕ ИГРОКИ ОТТАЧИВАЮТ МАСТЕРСТВО.

В том же номере был опубликован список «Золотого мяча». Это приз, учрежденный редакцией еженедельника «France Football» в 1956 г. Можно сказать, что редакция советского «Футбола» позаимствовала идею у французских коллег. «France Football» тоже проводил опрос среди руководителей крупнейших спортивных изданий Европы. Каждый опрашиваемый составлял свой список из пяти имен, и точно так же названным игрокам начисляли баллы. Только французы награждали победителя еще и памятным знаком – золотистым мячом на постаменте. Кстати, в 1963 г. «Золотой мяч» получил советский вратарь Лев Яшин. Лауреатом 1967 г. стал венгерский нападающий Флориан Альберт. Но в списке «Золотого мяча» оказался и Эдуард Стрельцов, занявший 13-е место. Кроме него, среди пятнадцати лучших игроков оказались Игорь Численко на 9-м месте и Анатолий Бышовец на пятнадцатом. К слову, «France Football» отметил советскую сборную как лучшую команду в Европе 1967 г.

Казалось бы, все идет хорошо: Стрельцов снова в сборной и снова Заслуженный мастер спорта. Наконец он признан лучшим в СССР. Но и здесь нас пытаются убедить, что этого мало, что

страна должна была извиниться, покаяться за то, что унижали, травили, предали. В.И. Галедин уверяет, будто бы «неглупые люди уже тогда понимали: не был Эдуард никаким насильником, приговор несправедлив». Но это неверно. Не зная всех обстоятельств, руководствуясь только личными симпатиями, ни один даже самый умный человек не сможет понять, справедлив приговор суда или нет. Неглупые люди понимают сегодня, что каким-то убежденным насильником Стрельцов, разумеется, не был. Но тогда, в мае 1958 г., он, пьяный, совершил то, что в юриспруденции обозначается словом «изнасилование» – то есть половой акт вкупе с насилием, выразившимся в конкретном случае через сломанный нос и изрядно помятое лицо девушки. А такое деяние предполагает наказание. А.П. Нилин также неоднократно повторяет, что не верит в изнасилование Стрельцовым Марины Лебедевой. Да и многие тогда не верили, а те, кто верил, по убеждению Нилина, были попросту зомбированы тогдашней пропагандой. Таких людей А.П. Нилин называет «запропагандированными обывателями». Но дело в том, что вина в нарушении закона – это не предмет веры. Вы можете верить или не верить, но, во-первых, это никому не интересно, а во-вторых, ни на что не влияет. Вина человека в совершении преступления определяется фактами. Если есть бесспорные и неопровержимые факты, свидетельствующие о нарушении закона, значит, есть и вина. И следовательно, должна быть ответственность. Независимо от чьей бы то ни было веры. Факты по делу Эдуарда Стрельцова, вокруг которого образовалась настоящая «секта свидетелей невиновности», давно установлены. Материалы дела опубликованы. Поэтому для того, чтобы во всем разобраться и судить о происшедшем шестьдесят лет назад, основываясь не на вере, а на знании, придется поинтересоваться протоколами допросов, данными медицинского освидетельствования и действующим на ту пору законодательством.

Но зачем постоянно возвращаться к этой теме – непонятно. Стрельцов прожил короткую, насыщенную и очень непростую жизнь. Во многом, что происходило с ним, он бывал виноват сам. Но делать из него обиженного – значит принижать его, значит не видеть личности, пытаться превратить сложного человека, постоянно менявшегося, испытывавшего влияние и самого влиявшего на окружающих, переходившего из одного состояния в другое, боровшегося с собой и обстоятельствами, проигрывавшего и, наоборот, одерживавшего верх, в какой-то манекен, статичный и равнодушный. За свои ошибки он заплатил высокую цену. Но тот, кто сурово, но справедливо заставил его платить, позволил впоследствии начать все сначала, подняться и получить уже

заслуженные награды. Нельзя нехитрыми схемами объяснять сложнейшие общественные процессы или движения жизни. Такой путь ведет к упрощению человека как такового и не позволяет видеть все многообразие, всю запутанность человеческих взаимоотношений. Поиск правды в обход лицеприятия и пристрастности – вот что можно противопоставить зауженному, сектантскому взгляду на мир.

А пока вернемся в 1968 год, обещавший быть не менее насыщенным, чем год ушедший. «Торпедо» надлежало завершить сезон и определиться с Кубком кубков, продолжалась борьба за национальный Кубок, с марта стартовал внутренний чемпионат. Что касается сборной, предстоял финальный турнир чемпионата Европы.

В марте, с началом сезона, Стрельцов не участвовал в товарищеских матчах сборной, поскольку вместе с «Торпедо» играл в четвертьфинале Кубка кубков. Правда, встреча с уэльским клубом «Кардифф Сити» закончилась поражением для москвичей – со счетом 0:1 они выбыли из соревнований. Но стоит отметить, что только в сезоне 1986/87 г. «Торпедо» вновь оказалось в восьмерке сильнейших европейских клубов, сражающихся за Кубок кубков. За двадцать лет автозаводцы ни разу не смогли преодолеть рубеж 1/16 финала.

Все-таки в любой игре немалую роль играет везение. Стрельцов считал «Кардифф Сити» командой посредственной, но выиграть у нее «Торпедо» не удалось. Стрельцов, описывая встречи двух клубов поочередно в Кардиффе, Ташкенте и Аугсбурге, использует такие эпитеты применительно к игре своей команды: «слабо», «глупо», «бездарно». Игра не шла: моменты не использовались, один гол торпедовцев не засчитали, в третьей игре Стрельцов упорно не мог попасть в ворота – бил выше. Мастерства-то не стало меньше, да и клуб попался не самый сильный. Словом, отвернулась удача!

Выиграть Кубок кубков не удалось. Но для «Торпедо» начался новый сезон чемпионата, а сборная уже вовсю играла товарищеские матчи. 24 апреля Стрельцов присоединился к сборной в матче с Бельгией в «Лужниках». Встреча не была зрелищной, и несмотря на то, что бельгийцев называли «красными дьяволами», почти до конца сохранялся ничейный счет. Уже на последней минуте Стрельцов, получивший мяч в центре, продвинулся к воротам бельгийцев, обыграв двух защитников. Все решилось в считаные мгновения – у ворот образовалась сутолока, замешательство, и с передачи Стрельцова мяч оказался в воротах. Советская команда выиграла 1:0.

И следующий матч – первый в 1/4 финала чемпионата

Европы, проходивший в Будапеште, не отличался красотой игры, отточенной техникой или яркими, надолго запоминающимися моментами. Да и завершился матч в пользу Венгрии – 2:0. В игре советской сборной были допущены ошибки, многие отмечали вялость и малоподвижность игроков. Ругали и Стрельцова. «Известия» поведали, что Стрельцову не хватило «трудолюбия, бесстрашия, маневренности, ударной мощи и взаимопонимания с партнерами». Даже А.Т. Вартанян, влюбленный в Стрельцова с детских лет, напишет, что «такой слабой игры в составе сборной видеть мне не доводилось».

Старший тренер сборной М.И. Якушин в интервью «Футболу – Хоккею» отметил низкую маневренность Стрельцова. А на вопрос журналиста, не отвернулась ли от сборной фортуна, ответил так: «Фортуна, невезенье, счастье, несчастье – все это не годится, чтобы объяснить причины поражения. Есть более точное определение – нами был допущен промах в самый ответственный момент <…> Беда состояла в том, что Стрельцов и Численко вместо того, чтобы усилить давление, вдруг снизили активность, стали проявлять инертность, короче говоря, вопреки ожиданиям не проявили свойственной им ранее боевитости».

В книге «Вечная тайна футбола» Михаил Иосифович выразился еще более определенно: «Все пошло как в дурном сне. Разладилась игра у команды совсем. Больше всего меня расстроили Стрельцов и Численко. Стоят оба как вкопанные, ничего не делают. Выпали совсем из игры».

Якушин неспроста в интервью сказал о неоправданных Стрельцовым ожиданиях. А ведь Стрельцову в 1968 г. исполнялся 31 год. В том же возрасте Валентина Иванова отправили на покой, на тренерскую работу. К тому же, по заверениям А.П. Нилина, Якушин не слишком высоко ставил Стрельцова. Он не спорил с теми, кто превозносил нападающего, но и не присоединялся к восторженным о нем разговорам. Такое впечатление остается даже по прочтении книги Якушина, но дело вовсе не в том, что Михаил Иосифович не ценил дарование Стрельцова. Напротив, тренер отзывался о нападающем, как об «игроке от бога», но при этом он же отмечал распущенность Стрельцова, его безответственность и недобросовестность в отношении к своим обязанностям. Другими словами, Якушина отталкивали именно те качества Стрельцова, благодаря которым в наши дни центрфорварда записывают в диссиденты. Вот только с каких это пор пьянство и дебоширство стали признаками инакомыслия, никто так и не объяснил.

Кроме того, Якушин так и не мог принять манеру игры Стрельцова – с простоями и выжиданием. Стрельцов, как мы

помним, объяснял это по-своему – плоскостопием, желанием поберечь силы. Но Якушин видел игру нападающего иначе и смириться с щадящим стрельцовским режимом не хотел. «К сожалению, – сетовал он, – Стрельцов часто ограничивал свое участие в игре, вступал в нее периодически, выборочно, в основном в те моменты, когда чувствовал, что ему наверняка удастся сделать что-то стоящее. И поэтому он до конца так и не раскрыл весь свой огромный потенциал как в клубе, так и в сборной». Но заставить Стрельцова играть иначе он тоже не смог.

Якушин стал главным тренером сборной в 1967 г. В книге «Вечная тайна футбола» он рассказывает, как обратился к Стрельцову, прежде чем позвать того в сборную Союза: «Я его прямо спросил перед тем, как пригласить в команду: «Хочешь играть в сборной?» Он ответил: «Хочу!» Тогда я продолжил: «Ты нужен сборной, но только в том случае, если будешь добросовестно относиться к режиму и тренировкам. Согласен?» – «Согласен», – последовал ответ». Между Якушиным и Стрельцовым был заключен негласный договор: участие в сборной взамен на соблюдение режима. Но вдруг после матча в Будапеште Якушин распрощался со Стрельцовым. Почему? Каких-то документальных объяснений этому нет. Да, игра, как мы видели, прошла неудачно. Но ведь других игроков не попросили уйти. Возможно, у тренера сложилось впечатление, что недостаток в нескольких матчах подряд маневренности, активности, задора связан с возрастом игрока, и почти 31-летний Стрельцов не справляется с задачами центрфорварда. Что промахи перестали быть случайностью, и нападающий входит в ту пору своей жизни, когда носиться по полю, проявляя спортивную агрессию, становится просто тяжеловато. Якушин вспоминал в книге: «Месяца за два до этого он как-то ко мне подошел в несколько свободной обстановке и то ли в шутку, то ли всерьез заявил: «Ты меня, Михаил Иосифович, уж лучше не бери в сборную, подведу я тебя…» Вот ведь тоже был игрок от бога, и парень грамотный и начитанный, а за собой не следил, к режиму относился спустя рукава. С людьми такого склада разговаривать тяжело. Да и возраст, конечно, каждому футболисту дает о себе знать. Но проблема не в том, сколько тебе лет, а в отношении к делу». Якушин приводит в пример Олега Блохина, и в 34 года продолжавшего играть за сборную страны. Значит, дело не в возрасте, а в очередных нарушениях режима, в несоблюдении негласного договора? Что ж, очень возможно.

В одном из интервью вдова Стрельцова Раиса Михайловна вспомнила такой, например, случай. Как-то Эдуард Анатольевич уехал на тренировку сборной. Через пару часов позвонил Михаил

Иосифович с вопросом: «Где Эдик?» – «Как – где? – заволновалась Раиса Михайловна. – Он же к вам уехал». Уехал, да не доехал. Пришлось идти искать. Сначала Раиса Михайловна не знала, куда и податься. Потом обратилась к мужниному дружку-таксисту, но и тот не знает. Поехали вместе искать. Уж и неизвестно, каким чудом, но нашли его на Рязанском проспекте в каком-то дворе – кто-то сманил в картишки перекинуться. «Забираем, везем к Якушину, чтобы сдать из рук в руки. Я – как мама, приведшая за руку непутевого сына, который стоит с опущенной головой и канючит: «Михаил Иосифович, простите, пожалуйста, больше не буду». Другой бы, может, и не простил, но Якушин оставляет на сборе. А меня злость гложет и смех разбирает одновременно: то ли лучший футболист страны он, то ли детсадовец – этот мой Стрельцов». Наверное, Михаил Иосифович тоже долго задавался этим вопросом и наконец нашел ответ.

После 4 мая 1968 г. Стрельцов больше не выступал за страну. Но оставалась родная команда, полным ходом шел чемпионат. В июне «Торпедо» подключилось к розыгрышу Кубка СССР 1967/68. Уже в августе определились финалисты Кубка – «Торпедо» выиграло у бакинского «Нефтчи», а «Пахтакор» – у донецкого «Шахтера». А это значило, что 8 ноября предстояло сразиться за Кубок СССР. Игра проходила в Москве, несмотря на приличный мороз – почти 8°. Первый тайм прошел в неторопливой, осторожной игре. Встреча шла на равных, хотя автозаводцы выглядели все же активнее и ошибались меньше. И тем не менее игра не завязывалась. Совсем другое дело – второй тайм. Торпедовцы как будто поняли, что соперник приспосабливается, не навязывает условия, потому что найти свою игру никак не может. Наконец на пятьдесят второй минуте был забит первый и, предвосхитим, единственный гол в ворота «Пахтакора». Михаил Гершкович сделал длинную передачу на Стрельцова, тот передал свой фирменный пас пяткой Юрию Савченко, и Савченко препроводил мяч в ворота. Как написал по этому поводу Л.И. Филатов, «все великолепные футбольные приемы застают соперника врасплох, это обязательно, на то они и великолепные». С этого момента игра пошла веселей, обе команды активизировались, и хотя голов больше не было, но второй тайм получился интересным, живым. Матч окончился победой «Торпедо» 1:0. 8 ноября 1968 г. команда четвертый раз в своей истории (после победы в 1949 г., 1952 г. и 1959/60 г.) стала победителем розыгрыша Кубка СССР. На фотографии в № 45 «Футбола – Хоккея» от 13 ноября 1968 г. широко улыбающийся Стрельцов держит Кубок. Тут же помещено интервью с капитаном команды Виктором Шустиковым. По

традиции журнала, Шустикова попросили представить каждого игрока. «Должен ли я говорить о мастерстве Эдуарда Стрельцова? – сказал Шустиков. – Он демонстрирует нечто такое в футболе, что надо видеть и очень нелегко описывать. Эдик приносит большую пользу всем молодым игрокам, учит их всех и собственной игрой, и подсказом. Хочу только подчеркнуть, что уроки футбола он преподает не только на поле, молодые тянутся к нему, и он порой как-то исподволь преподносит им футбольные знания».

Как видим, Стрельцов не потерял форму. Он мог играть и выигрывать. Кстати, в 1968 г. «Торпедо» вышло на 3-е место национального чемпионата, поднявшись, как мы помним, с двенадцатого. В «Футболе – Хоккее» Стрельцов вместе с Берадором Абдураимовым из «Пахтакора» был назван лучшим бомбардиром года – на счету каждого оказалось по 19 мячей. Наконец, последний номер все того же «Футбола – Хоккея» был снова посвящен Стрельцову – по опросу 1968 г. Эдуард Анатольевич вновь был признан лучшим футболистом года, в этом качестве ему было предоставлено слово на страницах журнала. Год завершался неплохо: Стрельцов стал обладателем Кубка СССР, бронзовой медали чемпионата СССР, был признан лучшим бомбардиром и лучшим футболистом года. Все это доказывает, что расставание со сборной произошло не по причине возраста или неспособности играть. Но в то же время возраст уже не давал Стрельцову надежд на возвращение в сборную. И несмотря на то что в 1969 г. главным тренером сборной снова стал Г.Д. Качалин, сменив М.И. Якушина, Стрельцова к игре уже не привлекали.

Как и большинство игроков, он не хотел с этим мириться или соглашаться. Но и сделать ничего уже не мог. Понимая, что едва ли позовут обратно, продолжал надеяться на чудо и жалеть, что после тюрьмы так мало пришлось поиграть.

Когда пытаешься свести воедино разрозненные материалы о Стрельцове, отмечаешь, что человек он, пожалуй, был несчастный. Не потому что побывал в тюрьме. Что-то все время глодало его, не давало покоя. Какой-то внутренний овод жалил его душу и не позволял быть счастливым. Он никому толком не говорил, почему расстался с первой женой, почему так некрасиво поступил с ней. Пожалуй, только торпедовский врач С.Ф. Егоров более или менее четко сформулировал причину разрыва. На вопрос доктора, почему он выгнал жену, Стрельцов ответил, что «она невкусно готовит и лазит по чемоданам». Видимо, поняв со временем, что повод был пустячный, он всю жизнь жалел о том разрыве и продолжал любить «свою Алку». Уже к концу 60-х,

когда подрастал сын во втором браке, когда семейная жизнь вроде бы наконец наладилась, он стал искать встреч с Аллой. А это значит, что все время ему не хватало чего-то, все время он пытался поймать за хвост птицу счастья, но эта птица неизменно ускользала из его рук. Они стали встречаться с Аллой, он звал ее посидеть в кафе, и она, сознавая, что не следует этого делать, приходила. Ей было важно почувствовать, что она до сих пор ему нравится, потому что и он ей нравился по-прежнему. Он говорил, что прокормит Аллу своими ногами, бормотал что-то еще. Но ей было неинтересно, что он там бормочет, важно другое: она понимала, что он все еще любит ее. Однажды Алла даже позвонила Софье Фроловне и, чтобы подразнить свою давнишнюю обидчицу, сказала: «Может, вам это не очень нравится, а вот Эдик-то мне делает предложение». Но порядком потрепанная жизнью Софья Фроловна только вздохнула: «Теперь уж все равно». Вмешалась мама Аллы, стала ругать дочь, какая-де разница, чей ребенок без отца. Но Алла сама не могла понять, что ей нужно. Так они и остались – каждый при своем…

А с 1969 г. начался спад. В своей книге Эдуард Анатольевич признает, что нередко с языка у него срывались слова, о которых приходилось жалеть. Что ж, бывает. Еще зимой произошел какой-то неприятный разговор между Стрельцовым и Ивановым, бывшим в то время старшим тренером «Торпедо». На вечеринке по случаю окончания сезона и Нового года Иванов пригрозил, что в наступившем году будет нещадно гонять своих подопечных. Стрельцова эти слова почему-то задели. Возможно, потому что он был старшим в команде, а может быть, потому что и сам понимал: физическую форму он вряд ли вернет, так стоит ли сосредотачиваться в 32 года на физической подготовке, не напрасный ли это труд. Иванов же не раз упрекал бывшего партнера, что тот погрузнел и вообще выглядит неважно. Но Стрельцов ничего не хотел менять и был уверен, что его сильные стороны в другом – у него был опыт, была техника, был свой стиль. Поэтому, когда Иванов пригрозил в новом сезоне гонять всех и вся, Стрельцов вспылил и в ответ заявил, что без игроков тренер вообще ничего собой не представляет. Вот игроки возьмут, да и встанут в игре, а спрос будет с тренера, и что тогда?..

Но дело было не только в том, что отношения с Ивановым стали совсем другими, нежели в годы совместных атак. То, из-за чего Якушин отчислил Стрельцова из команды, стало раздражать и В.К. Иванова. Если раньше так называемые «нарушения режима» не особенно сказывались на игре Стрельцова, то с годами все стало иначе. Понятно, что почти пять лет, проведенные в лагерях, не могли не сказаться на здоровье. И просто так прийти и

заиграть с перепоя уже не получалось. М.И. Якушин считал, что само по себе умение играть не пропадает, но качество игры зависит от физического состояния игрока. А это значит, что поддерживать форму нужно постоянно, «серьезно тренируясь и строго соблюдая режим».

А.П. Нилин, проводивший в те годы много времени с футболистами, отмечает, что к 1969 г. нарушать режим Стрельцов стал откровенно, даже на сборы к положенному сроку он порой не являлся. Тогда помощники В.К. Иванова отправлялись за ним домой и привозили в любом состоянии на базу «Торпедо» в Мячково. Там его выхаживали и выталкивали на поле. Никто уже не удивлялся такому положению вещей. Вот только играть после всех этих «нарушений режима» становилось все тяжелее. Да и сам Стрельцов отяжелел, плоскостопие заявляло о себе все настойчивее, нарушенный обмен веществ, геморрой и прочие благоприобретения сковывали активность. Нападающий становился все менее пригоден к нападениям. В сезоне 1969 г. он участвовал в одиннадцати играх из тридцати шести и не забил ни одного гола. Биографы связывают окончание его карьеры с тяжелой травмой – разрыв ахиллесова сухожилия в таком возрасте едва ли можно вылечить бесследно, да и лечение занимает не один день – после травмы Стрельцов вышел на поле только 18 апреля 1970 г. После такой травмы многие в футбол уже не возвращаются.

Эдуард Анатольевич пишет, что неудачи начались не с травмы, да и «ахилл» в августе 1969 г. он порвал, выступая уже за дубль. Значит, из основного состава «Торпедо» тренер предпочел вывести центрального нападающего до травмы. В одном интервью 1995 г. газете «Спорт-Экспресс» вдова Стрельцова рассказала, что покинуть команду в 33 года его вынудили, что он хотел и мог бы еще играть. Но, пожалуй, в этом вопросе стоит довериться тренерам. Неспроста Якушин считал, что первая помеха большой игре – не возраст, но отношение к своим обязанностям, к дисциплине и режиму. Лев Яшин доиграл и до 40 лет. Стрельцов же, как мы знаем, был человеком крайне недисциплинированным, да и запас хорошего здоровья, позволяющего спортсмену выступать после 30 лет, у него был значительно меньше, чем у коллег. И то, что забивать он перестал, говорило как раз об истощении этого ресурса, о том, что какая-то невидимая нить, связывавшая его с игрой, оборвалась. Он ощущал себя нелепо – его то ставили в игру, то оставляли в запасе. Из-за этой нелепости, неловкости хотелось уйти, но уйти он не мог. Былая уверенность в себе исчезла, игра не шла, его не гнали, но и радости, заинтересованности не выказывали. Он старался не

показывать отчаяния, изображая равнодушие и страдая от собственной неестественности. Отношения с Валентином Ивановым испортились, оба начали раздражать друг друга. Стрельцов считал, что не доиграл, что еще может быть полезным, но Иванов, возможно, вспоминал себя, когда ему – совершенно здоровому – ни с того ни с сего вдруг настоятельно предложили уйти. Было тяжело, горько, но уйти пришлось. А что Стрельцов? Играет хуже – за сезон ни одного гола, стал болеть, спивается, но уходить из футбола не намерен. Прямо Иванов не говорил, но и на сборы не позвал. Когда Стрельцов спросил, приезжать ли ему, предоставил самому решать: «Как хочешь…»

Вот и все. Еще недавно он держал в руках Кубок страны, а сегодня… Стрельцов писал о бывших игроках как о жалком зрелище, когда они, не умея найти другого занятия, никак не расстанутся с командой, со стадионом, появляясь незваными, словно просители или бедные родственники. Стрельцов сразу решил, что в такой роли он не покажется на поле. Жил он теперь в центре Москвы, рядом с Курским вокзалом – на Верхней Сыромятнической улице. Так что с бывшими партнерами мог и не пересекаться. Чтобы занять себя, отвлечься от неизбежно навалившейся тоски, решил учиться. Начал ездить в Малаховку, где находился филиал Смоленского института физкультуры. Учиться ему не нравилось, так что учиться пришлось Раисе Михайловне. Зато появилась возможность бывать на людях, а это помогало рассеяться, не думать о грустном.

В команде он появился только в 1973 г. За это время успел привыкнуть к новому положению, много передумал и воспринимал все гораздо спокойнее. После его ухода старшим тренером команды был В.А. Маслов, но в августе 1973 г. решено было тренера заменить. Пригласили и Стрельцова, чтобы посоветоваться. Конечно, решение приняли бы и без него, но потом выяснилось, в чем дело, почему о нем вспомнили. Стрельцов предложил кандидатуру В.К. Иванова и тут же получил предложение стать вторым тренером. Стрельцов надеялся, что они сработаются, как в прежние времена. И действительно, все начиналось не так уж плохо. Но очень скоро Стрельцов понял, что в тренерский состав родной команды в отличие от игрового он не вписывается. Быть в полной зависимости от кого бы то ни было он не мог, соглашаясь на работу второго тренера, он имел в виду пользу, которую мог бы принести игре команды. Но его привлекали как администратора, как дядьку, надзирающего за несмышлеными мальцами. Он не распространялся на эту тему, но впоследствии, уже после смерти Стрельцова, его вдова рассказала, в чем было дело. Сейчас создается впечатление, что

Раиса Михайловна недолюбливала Иванова. Возможно, сказалась обида – отношения между Стрельцовыми и Ивановыми складывались непросто. Сначала, когда только Валентин познакомился в Мельбурне с гимнасткой Лидией Калининой, Стрельцов его выбор не одобрил. Когда Иванов и Калинина решили пожениться, Стрельцов не считал нужным скрывать свою антипатию к избраннице друга, заверяя того, что он достоин лучшей партии.

Зато когда он женился на Раисе, пришла очередь Ивановых выражать свои взгляды. Дело в том, что Раиса Михайловна работала в ЦУМе, а в советское время отношение к торговым работникам было не самым уважительным. «Торгаши», как их тогда называли, воспринимались почти как мафиозная организация. Собирательный образ торгового работника тех лет – дама плотного телосложения, обильно накрашенная и увешанная золотыми украшениями, невозмутимая и наглая, некультурная и горластая, способная довести до обморока любого покупателя. Само собой разумеется, что не все служители прилавка выглядели и вели себя именно так. Но кто же будет вникать? Потому на стрельцовскую избранницу Ивановы смотрели с плохо скрываемым предубеждением. А Раиса Михайловна сразу это почувствовала. К тому же уловила, что между мужем и Валентином Ивановым той прежней дружбы давно нет.

Когда же они оба стали тренерами, Стрельцов, недолюбливавший Лидию Гавриловну Калинину-Иванову, счел, что она испугалась его назначения. Ведь в случае неудачи Иванова старшим тренером могли назначить Стрельцова. Кто знает, быть может, ее опасения – если они были – передались и мужу. Во всяком случае, с некоторых пор Иванов, как расценивала это уже Раиса Михайловна, стремился избавиться от Стрельцова. Как-то Стрельцову было дано поручение зарезервировать в Сочи номера для «Торпедо». И непременно на первом этаже. Но на первом этаже не нашлось необходимого количества комнат. Когда же прибыла и расселилась команда, Иванов поручил своему помощнику бегать по этажам, следить за каждым игроком и докладывать, кто и во сколько возвращается в номер. Именно это поручение Стрельцов счел для себя унизительным. Когда он соглашался на тренерскую работу, не подразумевал, что сведется она к слежке за молодыми игроками. Во всяком случае, он считал, что пользу мог принести на поле, а не в коридорах гостиниц.

На этом их соработничество закончилось. Раиса Михайловна считала, что Иванов только этого и ждал. Больше они не встречались и даже по праздникам не звонили друг другу. Иванов

остался в команде, а Стрельцов стал тренером футбольной школы «Торпедо». Сложно сказать, нравилась ли ему эта работа. Судя по отдельным высказываниям – не очень. Не все рождаются великими футболистами, но и не у каждого получается стать хорошим педагогом. Есть люди, с удовольствием имеющие дело с детьми. Стрельцов явно был не из их числа. Когда у него была возможность играть, он просто играл, мысли его были направлены на игру. Теперь же он хандрил и, не чувствуя удовлетворения от работы, растравливал себя воспоминаниями и поисками своего места в футбольном мире. Глядя на детей, он порой раздражался, хоть и не подавал вида. Ему приходилось думать, как заинтересовать их, что бы такое рассказать, чтобы они слушали его со вниманием. И ломая голову над педагогическими приемами, начинал злиться: да почему он вообще что-то им должен? Разве недостаточно самого футбола? Если хочешь играть, хочешь чему-то научиться, то сам должен находить интерес в общении с человеком, в чьей воле и власти преподать урок.

С мальчишками, приходившими учиться, он вроде бы нашел общий язык – знал, чему их научить, что показать. К тем, кто вошел в юношескую команду, он уже относился как к коллегам, то есть как к равным. «Все они для него Сереги, Мишки, со всеми он по-свойски», – рассказывала Раиса Михайловна. В свою очередь он для них стал Анатоличем. А когда начинался прием, набирал в школу всех подряд – просто не мог отказать, не мог «лишить человека футбола». А потом сам сетовал: никто из учеников его не боялся, а бояться-то надо для пользы дела. Бояться не из страха наказания, а из уважения к футболу, к тем требованиям, что предъявляет футбол. Так по крайней мере рассуждал Стрельцов в те годы.

Вспоминают, пожалуй, единственный случай, когда он проявил строгость или даже жесткость. В школе занимались и дети известных футболистов – сын Стрельцова Игорь, сын Иванова Валя, сын Воронина Миша. С Мишей-то и вышла история. Как-то в спортивном лагере Миша сказался больным и пропустил тренировку. А сам пригласил девчонок, прихватил вина и отправился на пикник. Стоило Стрельцову узнать об этой прогулке, как Миша уже ехал в Москву с наказом не портить остальных ребят.

А ведь и сам, бывало, в молодые годы… Да и в качестве тренера иногда отменял занятия по причине все того же «нарушения режима». Судя по отдельным воспоминаниям, в ту пору Стрельцов уже был капитально зависим от алкоголя. Например, Алла Деменко вспоминала: «Я Эдика и видела иногда,

но видела в таком виде, что, думаю, он не захотел бы, чтобы я его видела таким. И я проходила мимо…» А по рассказам А.П. Нилина выходит, что Стрельцов без водки просто не мог существовать.

С января 1982 г. он стал слушателем Высшей школы тренеров. К его решению учиться знакомые отнеслись с иронией. Но кто-то даже и позавидовал – все-таки и стипендия выплачивается, а возможность поездить на сборы, тряхнуть стариной тоже лишней не будет. Учиться Стрельцову давно разонравилось, последний раз он с интересом учился во ВТУЗе. Потом фактическим студентом была жена. А.П. Нилин рассказывает, что поездки на сборы вместе с «Торпедо» в качестве практиканта превращались в сплошные «нарушения режима», хоть, разумеется, никакого обязательного режима в ту пору у него уже не было. Но просыпаясь среди ночи, Стрельцов будил соседа и молил найти и принести ему выпить, если в комнате на ту пору не случалось ни глотка. Когда нужно было ехать на защиту диплома, Стрельцова не могли добудиться. Комиссия уже собралась, а Стрельцова нет. Только и нужно было, что прийти и ответить на заранее известный вопрос, ответ на который тоже был передан нерадивому студенту заранее. Директор Школы тренеров стал нервничать, отправил Юрия Севидова – сокурсника Стрельцова – домой к пропавшему дипломнику, которого домашние уже «отливали» холодной водой. Но дипломник посылал всех подальше и никуда ехать не желал. Наконец Севидов прибег к крайней мере, начав стыдить непроспавшегося студента: «Эдик, людей подводишь!» Говорят, только это и подействовало – стыдно стало, вспомнился, видно, тот случай, когда подвел всю команду перед выступлением на чемпионате мира; дал себя одеть и поехал отвечать на единственный, заранее известный вопрос. Все обошлось, диплом был получен.

Другой эпизод, приведенный А.П. Нилиным, – о поездке на ветеранский матч в Туле, посвященный Л.И. Яшину. Не успели выехать из Москвы, как Стрельцову уже понадобилось «нарушить режим». Не успели отыграть матч, как Эдуард Анатольевич занервничал: успеть бы в Москву до закрытия магазинов.

Еще будучи студентом Школы тренеров, он рассуждал, что же предстоит ему после получения диплома. И пришел к интересному выводу: чтобы стать тренером, нужно забывать все обиды, нужно быть готовым начать с чистого листа, словно и не было долгих лет общения с самыми разными людьми и неизбежного взаимного недовольства. Тренер не может быть обиженным, иначе его ждет участь футбольного пенсионера, которого жалеют, выслушивают сочувственно, но всерьез уже не

воспринимают. Но когда школа была окончена, о тренерстве он уже как будто и не помышлял. Вернее, жена не пустила. С таким дипломом можно было поехать старшим тренером куда-нибудь в провинцию, но Раиса Михайловна правильно рассудила: и заработка семья не увидит, и кормильца может лишиться – сгинет кормилец-то на воле.

И Стрельцов остался в Москве футбольным пенсионером. А может быть, ветераном, поскольку теперь он регулярно играл ветеранские матчи. Это был и заработок, это было общение, это была поддержка ощущения своей нужности и полезности. О ветеранах не просто помнили, но считали за честь пригласить их или вместе сыграть. Те из футболистов, кто занимал должности, не могли выступать за ветеранов. Но те, кто подобно Стрельцову располагал временем, участвовали в таких матчах не без удовольствия, надо думать.

Случались и разные неожиданные истории во время ветеранских соревнований. Среди тех, кто обступал Стрельцова после игры, частенько попадались бывшие заключенные, утверждавшие через раз, что отбывали наказание вместе с ветераном футбола. И независимо от того, узнавал ли Стрельцов в этих людях сокамерников, нет ли, он старался не показывать, что не знает или не помнит их – не хотел огорчать. Однажды в Узбекистане такие же неизвестные Стрельцову соузники пригласили его после ветеранского матча отметить встречу. Уехали в какое-то затерянное в песках, никому не ведомое селение, долго вспоминали лагерную жизнь, отмечали свидание, после чего мирно разошлись.

В 1987-м после аварии на ЧАЭС для тех, кто оставался в Чернобыле, был устроен футбольный матч с участием ветеранов. Акция, надо признать, довольно странная. С одной стороны, оставшихся людей хотели хоть как-то поддержать. Но с другой – не лучше ли было вместо матча организовать всеобщую эвакуацию?.. Стрельцов потом говорил, что поехал туда не из-за денег. Он прекрасно понимал, чем это чревато. Но опять же никого не хотел обижать. Точно так же, как не хотел обижать незнакомых ему уголовников или обычных людей, приглашавших знаменитого нападающего то выпить, то перекинуться в картишки, то посидеть на свадьбе или проводах в армию. Только в одном случае это выглядело как слабость, а в другом – как мужество.

Возможно, поездка в Чернобыль сократила ему жизнь. Но вряд ли намного. Сегодня, когда столько говорят и пишут об онкологических заболеваниях, хорошо известно, что эти болезни могут развиваться долгие годы. В середине 80-х уже были

подозрения, что легкие не в порядке: случались частые воспаления, были плохие анализы. В конце 80-х он уже плохо выглядел, сильно похудел и быстро уставал. Сказывалось все: и кварцевая пыль, и лагерная махорка, и алкоголизм, а может быть, и предопределение. Осенью 89-го было уже точно известно: болезнь запущена, и жить больному осталось недолго. Это «недолго» продолжалось где-то полгода. Ближе к лету его положили в больницу. 21 июля 1990 г. Эдуарду Анатольевичу Стрельцову исполнилось 53 года. А 22 июля он умер.

Здесь, наверное, стоило бы и закончить главу. Но нельзя пройти мимо одного эпизода, который фигурирует в каждой книге о Стрельцове как мнимое доказательство его невиновности в 1958 г. Так, А.В. Сухомлинов пишет: «Писатель Александр Нилин, друживший с Эдуардом, вспоминает, что незадолго до кончины Стрельцов снова с горечью произнес: «Одного не пойму – за что меня посадили?»

Однако А.П. Нилин пишет совсем другое: однажды, придя к Стрельцову, о диагнозе которого все уже знали, он услышал от обреченного очень важные, как ему показалось, слова. Стрельцов «много выпил, ничем не закусывая, – и барахтался в полудреме – полубреду, из которых вдруг вынырнул, спросив безотносительно к предыдущему бормотанию: «Одного не пойму… за что меня посадили?» Согласитесь, разница опять же колоссальная. Сухомлинов вводит своего читателя в заблуждение, выдавая сказанное в пьяном бреду за плод долгих и горьких размышлений.

И на этом основании сегодняшние поклонники Стрельцова строят доказательную базу его невиновности! Да вот только этично ли это? Этично ли призывать в свидетели смертельно больного и вдрызг пьяного человека? Мало ли что ему померещилось в пьяном бреду, о котором сообщает его летописец! Мало ли что Нилину послышалось – надо думать, что он, сидя рядом с набравшимся, «барахтавшимся в полудреме» Стрельцовым, не был настолько трезв, чтобы отслеживать происходящее с ясностью профессора логики. Неужели непонятно, что пьяный, бредивший Стрельцов – это худший свидетель против самого Стрельцова!

И не пора ли оставить в покое прах человека, в чьей жизни неизвестно чего было больше – радости победы или боли поражения…

«Знаете, каким он парнем был»?

Напоследок стоит задаться вопросом: а что это был за человек? Не футболист, а вот именно человек. Что это был за характер? Почему происходило с ним так много странного и нелепого? Стала ли закономерностью «драма на даче»? И как удалось ему совершить невозможное – не просто вернуться в спорт после пятилетнего перерыва, но и завоевать признание. Напомним, что после возвращения в футбол Эдуард Анатольевич Стрельцов стал Заслуженным мастером спорта, чемпионом СССР, обладателем Кубка СССР, бронзовой медали чемпионата СССР, дважды был признан лучшим футболистом года, а также лучшим бомбардиром.

Прежде всего нужно заслушать тех, кто хорошо знал Эдуарда Стрельцова.

Первая супруга АЛЛА ДЕМЕНКО рассказывала о сложных взаимоотношениях с мужем. Но свое мнение о нем как о человеке выразила одной фразой: «Если бы я была знакома с его сыном Игорем, ему бы сказала, что замечательный у него был отец, добрый, хороший, но Иванушка-дурачок, уж извините. Ну что сделать? Таков уж русский характер…» Иванушка-дурачок – образ сложный, многослойный. Но Алла, вероятно, имела в виду не подноготную этого персонажа, а то, как описан он в сказке: «Жил-был старик со старухой, и было у них три сына: двое умные, а третий – Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил…»

Этот образ дополнила вторая жена Стрельцова – Раиса: «Эдик был насколько талантлив в футболе, настолько же беззащитен, беспомощен в обычной жизни, не приспособлен к ней. Добрый и доверчивый, как ребенок. Никому не мог отказать, если предлагали составить компанию, обидеть боялся. А по какому поводу у нас чаще всего стихийно возникают компании, вы знаете. Я соседку просила, когда уходила на работу: мол, за моим последи и в случае чего – позвони. Бывало, она звонила. Мои цумовские девчата <…> относились к моим проблемам с пониманием и всегда отпускали. Прилечу домой – благо мы уже недалеко от Курского вокзала жили, – гостей разгоню да ему самому по первое число выдам».

А вот как запомнили Стрельцова коллеги – футболисты, тренеры, сотрудники завода.

М.И. ЯКУШИН, Заслуженный мастер спорта СССР, Заслуженный тренер СССР: «Хорошо помню, как Эдуард Стрельцов дебютировал в большом футболе. Это был впечатляющий дебют молодого мастера. Подкупали в нем скромность, трудолюбие и, безусловно, редкий талант». «Был игрок от бога, и парень грамотный и начитанный, а за собой не следил, к режиму относился спустя рукава. С людьми такого склада разговаривать тяжело».

С.Ф. ЕГОРОВ, врач команды «Торпедо»: «Стрельцов был хорошим юношей – не пил, не курил, скромно себя держал <…> Из заграничной поездки Стрельцов вернулся другим. Стрельцов стал высокомерен, думал, что ему должны поклоняться. Пришли слава и деньги <…> Стрельцов начал пить. Выпивал он большими количествами <…> У Стрельцова была уверенность, что незаменимый игрок, что без него не обойдутся и все равно его позовут <…> Стрельцова также испортили во многом большие деньги».

Н.Н. ОЗЕРОВ, Заслуженный мастер спорта СССР, спортивный комментатор, народный артист России: «Стрельцов – это величайший футболист. Вспоминаю, когда он играл, яблоку негде было упасть на трибунах – столько зрителей ходило на игры, чтобы увидеть в деле этого замечательного футболиста. И если бы его жизнь сложилась иначе, в нашей стране вырос бы футболист уровня Пеле, а может, даже и выше. Это необычайно добрый, порядочный, очень ласковый человек».

Л.И. ЯШИН, олимпийский чемпион и чемпион Европы, 5-кратный чемпион СССР, Заслуженный мастер спорта СССР, Герой Социалистического Труда, лучший вратарь XX века по версиям ФИФА, МФФИИС, World Soccer, France Football и Placar, входит в список лучших игроков XX века по версиям Venerdì, Guerin Sportivo, Planète Foot и Voetbal International, единственный вратарь в истории, получивший «Золотой мяч»: «Тогда мы не знали подробностей дела и тяжело переживали случившееся: в беду попали люди, жившие с нами бок о бок, люди, с которыми соединила нас футбольная судьба. А где-то в глубине души, рядом с жалостью и надеждой, жило чувство обиды на них. Мы готовились к первенству мира, а в этот момент трое тех, кого мы считали своими товарищами, устраивают где-то на даче ночную попойку, не берегут себя, попадают в какую-то темную историю и в конце концов наносят команде страшный удар – надо ли объяснять, что значит для команды потеря сразу трех ведущих

игроков?»

ЭДИК БЫЛ НАСКОЛЬКО ТАЛАНТЛИВ В ФУТБОЛЕ, НАСТОЛЬКО ЖЕ БЕЗЗАЩИТЕН, БЕСПОМОЩЕН В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ, НЕ ПРИСПОСОБЛЕН К НЕЙ.

Н.П. СИМОНЯН, олимпийский чемпион 1956 года, Заслуженный мастер спорта СССР, Заслуженный тренер СССР: «Эдика мы очень любили. Звали его «беби». Не только потому, что он был самый молодой в сборной страны. Нас, стариков, Эдик подкупал своей бескорыстностью, добродушием. Заметьте, для юноши его возраста – а ему было всего восемнадцать – это редкое свойство. Как правило, молодые люди, а особенно футболисты, – честолюбивы, тщеславны, да, а он…»

В. СОКОЛОВ, председатель заводского комитета коллектива физкультуры: «Я помню Стрельцова, каким он пришел к нам на завод – скромным, хорошим парнем. Однако в дальнейшем Стрельцова испортили слишком большая слава и большие деньги».

А.А. ПАРАМОНОВ, олимпийский чемпион, Заслуженный мастер спорта СССР, Заслуженный тренер РСФСР, Заслуженный работник физической культуры РСФСР: «Ценили мы Стрельцова не только за великолепную игру, но и за добрый, отзывчивый характер».

А.Ф. БЫШОВЕЦ, Заслуженный мастер спорта СССР, тренер олимпийских чемпионов 1988 г.: «Хороший товарищ, скромный, отзывчивый. Никогда не чувствовалось, что он – СТРЕЛЬЦОВ. За простотой его обращения проглядывала жизненная мудрость. В целом он явил миру удивительное сочетание великого футболиста и Человека с большой буквы».

А.А. СЕВИДОВ, мастер спорта СССР, Заслуженный тренер СССР: «Стрельцов был спортсменом-джентльменом. И он был таким потому, что джентльменское отношение к людям было основой его жизни. Это был человек неординарный и как футболист-профессионал, и как гражданин, как друг и товарищ. У него не было недругов. Он оставался любим народом. Вместе с Эдуардом в Высшей школе тренеров учился и мой сын Юрий. Вспоминаю, как часто он с увлечением рассказывал о Стрельцове. Многие учащиеся Высшей школы тренеров смотрели на великого футболиста как на бога. А он отвечал им нескрываемой простотой и вниманием. Никому не отказывал в совете, а посоветовать ему, конечно, было что. И очень остроумно, с юмором рассказывал о

жизни, футболе. В образе Эдуарда Стрельцова гармонично сочетались прекрасные качества замечательного человека и выдающегося футболиста».

Ю.И. БЕЛЯЕВ, олимпийский чемпион, Заслуженный мастер спорта: «Стрельцов – это выдающийся футболист нашего периода, пятидесятых-шестидесятых годов. Но он был, наверное, и самым человечным игроком за всю историю мирового футбола. Мы его знаем как доброго, отзывчивого, бескорыстного».

И.И. ЛУКЬЯНОВ, судья всесоюзной категории, судья международной категории, Заслуженный работник физической культуры, участник Великой Отечественной войны: «Его игру было очень просто судить. Великолепный мастер и удивительно скромный человек. Грубого слова я от него никогда не слышал на поле. И, думаю, его товарищи тоже. Звездой-зазнайкой он никогда не был. Я, например, сколько его знал, очень редко видел, чтобы он носил значок «Заслуженный мастер спорта». А это уже о чем-то говорит. А ведь он один из двух советских футболистов, кто получил звание «Заслуженного», не являясь даже «мастером»».

И.А. НЕТТО, Заслуженный мастер спорта СССР, олимпийский чемпион, Заслуженный тренер РСФСР: «Футбольный талант Эдуарда Стрельцова, его на удивление отзывчивый характер хорошо известны не только тем, кто с ним часто общался на футбольных полях и за их пределами, поэтому вряд ли есть смысл повторять то, что всем известно».

В.М. ШУСТИКОВ, Заслуженный мастер спорта СССР: «О том, как играл Эдик, какие мячи он забивал и в чьи ворота, говорить не стану. Хотя поиграли мы вместе не один сезон. Немного о другом. Говорят, тюрьма калечит людей, делает их злобными, корыстными. С Эдиком этого не случилось. Хотя, конечно, пять лет, что он провел в заключении, практически закрыли для него будущность великого футбола. Представьте себе, в 18–19 лет он уже знаменит, чемпион. Обласкан и болельщиками, и футбольными властями. Ему дали машину и квартиру. У него есть возможность хорошо и дорого одеваться. Какая почва для, как сейчас говорят, звездной болезни! Эдика она, к сожалению, коснулась. И довольно прямо. Ну, могли бы мы даже на миг представить себе такое – отказаться играть за сборную страны? Или играть спустя рукава. Мог бы хоть на секунду представить или подумать об этом Стрельцов? Он был немногословным, но очень общительным человеком. Годы прошли, и множество

конкретных проявлений его человеческих качеств в памяти стираются. Осталось главное – Стрельцов был нормальным порядочным мужиком».

В.Г. ЦАРЕВ, Заслуженный мастер спорта СССР, Заслуженный тренер СССР: «Эдуарда Стрельцова считаю самым ярким нападающим в нашем футболе, под стать таким выдающимся футболистам, как Пеле и Пушкаш. Но слава не мешала ему оставаться на удивление скромным, добрым человеком, и неудивительно, что его любили не только за великолепную игру. К сожалению, судьба распорядилась так, что свои лучшие годы Эдуард Стрельцов провел не на футбольных полях, а на таежных лесоразработках, в чем, безусловно, прежде всего виноват сам: насколько он силен был на стадионах, настолько же слаб за их пределами. Пройдя с честью огонь и воду, Стрельцов не выдержал звуки медных труб, исполнявших марши в его честь с 17 лет. Раннее признание в конце концов и поломало его жизнь, а любителей футбола лишило возможности восторгаться игрой Стрельцова на протяжении многих лет».

В.В. ПОНЕДЕЛЬНИК, Заслуженный мастер спорта СССР: «Наши пути в футболе с Эдуардом Стрельцовым неоднократно пересекались. Зимой 1958 г. у него возникли первые осложнения, вызванные так называемой «звездной болезнью»: в «Комсомольской правде» был опубликован фельетон. Эдик был выведен из сборной, вылетавшей на тренировочный сбор в Китай. В результате вместо Стрельцова в эту поездку взяли меня.

Затем мы неоднократно встречались и на футбольных полях, и в другой обстановке. Последняя наша встреча как игроков сборной произошла осенью 1966 г. Тогда меня во время матча с командой ГДР провожали из сборной, а Эдуард Стрельцов вернулся в нее после восьми с половиной лет (!). Каким выдающимся игроком был Стрельцов, надо полагать, знают все любители футбола. Но, наверное, немногие знают о его скромности. Лично меня она всегда поражала. Похоже, Эдуард, несмотря на ошибки молодости, связанные с популярностью, до конца так и не понял своего величия и до смерти оставался простым, всем доступным человеком. Каким был и в юности, когда работал на «Фрезере».

> ЭДУАРД, НЕСМОТРЯ НА ОШИБКИ МОЛОДОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ПОПУЛЯРНОСТЬЮ, ДО КОНЦА ТАК И НЕ ПОНЯЛ СВОЕГО ВЕЛИЧИЯ И ДО СМЕРТИ ОСТАВАЛСЯ ПРОСТЫМ, ВСЕМ ДОСТУПНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

Ю.С. САВЧЕНКО, мастер спорта СССР, судья ФИФА и УЕФА: «Я родился на 8 лет позже Стрельцова, поэтому, когда в середине 60-х годов судьба свела меня с ним, более счастливого футболиста, чем я, наверное, не было. Поначалу, правда, авторитет Стрельцова действовал на меня отрицательно – все боялся ошибиться, дать неточный пас своему кумиру. Но Эдик был простым человеком, лишенным зазнайства, менторских привычек. И в конце концов он убедил меня в том, что рядом с ним могу играть неплохо, без оглядки на именитого партнера».

Отдельно нужно сказать о В.К. ИВАНОВЕ, посвятившем Стрельцову главу в своей книге «Центральный круг». Со Стрельцовым их связывала не только игра, но и дружба, знакомы они были почти двадцать лет. Иванов был уверен, что знает Стрельцова лучше и ближе, чем другие. Именно поэтому его мнение о Стрельцове представляется одним из самых интересных и близких к истине. Иванов, рассказывая о своем товарище, проявил и наблюдательность, и проницательность. И главным его выводом стала убежденность в двойственности натуры Стрельцова. В самом деле, читая другие отзывы, отмечаешь порой совершенно противоположные суждения. И кому верить? Кто прав? Видимо, Валентину Иванову удалось отметить главное в натуре Стрельцова, что примиряет противоположные взгляды на этого человека. Стрельцов, по мнению Иванова, оказался средоточием совершенно противоположных качеств. С самого начала было два Стрельцова – Стрельцов-футболист и Стрельцов-человек. То же, разумеется, относится и к другим спортсменам. Но бывает, что человек и спортсмен неплохо уживаются вместе, а бывает, как в случае со Стрельцовым, что ужиться не получается. Вот почему Иванов и написал, что «в нем уживаются мощь и удаль с неумением и нежеланием идти против течения. Он грозен и неудержим на поле, но флегматичен и податлив в быту. Он весь словно соткан из противоречий. В нем мирно соседствуют качества, каждое из которых должно бы начисто исключать другое». Нельзя не признать, что он сильный человек, но в то же время он чрезвычайно слабый. По-своему он необыкновенно благороден – он не любил жаловаться, никогда не выдавал товарищей, предпочитал брать чужую вину на себя, даже если это оборачивалось против него. Он беспредельно добр, «но как часто эта доброта выходила непоправимым, ужасным злом и для него самого, и для окружающих». Благодаря этой противоречивости натуры Стрельцов не достиг и половины того, на что был способен. Сильный на поле, «он становился слаб и незащищен перед превратностями и соблазнами, которые ставит жизнь на

пути каждого известного спортсмена, особенно футболиста». Даже друзей вне поля он не выбирал сам – его выбирали. Как хотелось многим похвалиться, что сам Стрельцов был в гостях, сидел за одним столом. А он никому не мог отказать ни в юности, ни в зрелые годы. Так и оставался робким, подверженным любому влиянию и готовым пойти куда угодно. И сколько раз он зарекался, что все, хватит – больше не будет свадебным генералом, не пойдет неизвестно с кем в ресторан, не сядет непонятно с кем за один стол. Но после игры снова подходили, умоляли, и он шел – неудобно обидеть. Он не был тщеславен, в смысле общения никогда не зазнавался. Обвинения в зазнайстве подразумевали не высокомерие, а вседозволенность, избалованность, уверенность, что все сойдет с рук. И ведь действительно сходило. Одарен Стрельцов был настолько, что даже пресловутые «нарушения режима» до поры до времени на нем не сказывались. Но что бы с ним ни происходило, «он оставался все таким же неустроенным, все таким же незащищенным от постороннего влияния, все так же исполненным самых лучших намерений, на пути осуществления которых вечно что-то вставало».

Вернувшись в футбол, понимая, что стал не так быстр и совсем не так уж неутомим, он сумел перестроить и перенастроить свою игру так, чтобы скрыть благоприобретенные недостатки. В остальном он был прежним Эдиком – добрым, по-своему благородным, доверчивым и слабым. Стрельцов обиделся, когда вышла книга Иванова, из которой любой читатель мог теперь узнать, что Стрельцов-то – слабак! Но, увы, Иванов был прав: «сильный человек выбирает себе линию жизни и идет по ней. Стрельцова сбивал с пути любой толчок, а небывалый талант становился в эти минуты его самым главным врагом». Ведь за его огромный талант ему многое прощали и тренеры, и руководство футболом. А он не умел делать выводы и оказался заложником своего таланта. Годы, проведенные им в неволе, стали расплатой за слабость, которую он так и не научился преодолевать в себе. Со стороны это выглядело «звездной болезнью», но, по мнению Валентина Иванова, все было гораздо сложнее.

ОН ВЕСЬ СЛОВНО СОТКАН ИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ. В НЕМ МИРНО СОСЕДСТВУЮТ КАЧЕСТВА, КАЖДОЕ ИЗ КОТОРЫХ ДОЛЖНО БЫ НАЧИСТО ИСКЛЮЧАТЬ ДРУГОЕ.

А ведь мы помним, как Софья Фроловна кидала в мужа кипящий кофейник, как потом и вовсе выдворила супруга вон, как спустя годы выгнала из дома невестку. Каким мог вырасти

мальчик, воспитанный такой воинственной мамой да еще и без отца? Именно слабым, лишенным примера мужественности. Такие люди, вырастая, стараются всем угодить или не могут отказать в выполнении просьб, что психологически связано с жаждой всеобщего одобрения. Под видом боязни обидеть они, как правило, стараются избегать конфликтных ситуаций, а также ситуаций, где нужно брать на себя ответственность. Такой мужчина не научится быть мужчиной, что и объясняет многие странности его поведения. Стрельцов знал, как нужно вести себя на поле, здесь и не было вариантов. Но за пределами поля, в обычной жизни, он становился другим, поскольку не имел с детства примера мужского поведения, зато вырос рядом с женщиной, которая постоянно подавляла его. Его доброта, покладистость, нежелание обидеть – все это оборотная сторона слабости, отсутствия нормальных ориентиров, правильных примеров и хорошего воспитания. В чем, например, заключалась суть постоянных «нарушений режима»? В распущенности, в потакании себе, в нежелании отказывать себе в приятном. Другими словами – в слабости. Состояние «нарушенного режима» делает жизнь намного веселее, так проще иметь дело с девушками, да и самооценка поднимается. А сколько вокруг «друзей»! И все восхищаются, все смотрят в рот, ловят каждое слово, считают за честь пригласить Эдика в гости.

В кассационной жалобе 1958 г. адвокат Стрельцова С.А. Миловский среди прочего отметил: «По делу известно, что, будучи брошен отцом в 4-летнем возрасте, СТРЕЛЬЦОВ воспитывался одной матерью, неразвитой, полуграмотной женщиной. Несмотря на эти неблагоприятные семейные условия, Эдуард пришел в столичный спортивный мир скромным, застенчивым, вежливым и дисциплинированным 16-летним юношей, который не пил, не курил и краснел при замечаниях со стороны тренера».

В нескольких строчках адвокат выразил главное в личности Стрельцова – семья не позволила ему правильно сформироваться, не дала положительного примера мужского поведения и выпустила в мир неуверенным, несложившимся, слабым. Пока все это выражалось в застенчивости и румянце. Но со временем те же самые черты нашли другое проявление, обусловленное взрослой жизнью. Эта новая жизнь очень быстро подмяла под себя молодого человека без жесткого стержня. Тот же адвокат Миловский упирал в своей жалобе на несправедливость обвинений против одного Стрельцова, предлагая призвать к ответственности и тех, кто развращал молодого футболиста. «Ездившему до этого на электричке юноше по окончании матча

подавались комфортабельные «ЗИЛы» и «ЗИМы» <…> Для него останавливали скорый поезд; к нему на дом снаряжали посыльных с подарками; его засыпали премиями, шили ему костюмы у лучших портных, отдыхать отправляли в правительственный санаторий, – перечислял адвокат. – В 20-летнем возрасте – он уже Заслуженный мастер спорта, обладатель отдельной квартиры, «Победы» и солидного годового дохода при отсутствии понятия о том, что такое труд, производство». Даже у человека со строгим, изысканным воспитанием, с правильным примером перед глазами закружится голова от таких почестей. Кого-то это сделает высокомерным, кого-то – самовлюбленным, Стрельцова сделало распущенным, породило в нем чувство безнаказанности. И если в безнаказанности судьба вскоре разубедила его, то распущенность – или неприятие самоограничения, неготовность отказывать себе в удовольствии – осталась с ним навсегда. Как и слабость, выражавшаяся в том, что жена и тренер 30-летнего футболиста бегали за ним по московским дворам, куда он сворачивал по дороге на тренировку, дабы перебросится в картишки, и вели за ручку на стадион.

Интересно и воспоминание Аллы Деменко о неумении Эдуарда просить прощения. Со временем он вполне освоился с этим, казалось бы, нехитрым делом. Но все-таки не стоит игнорировать такое яркое проявление личности. О чем оно может свидетельствовать? Прежде всего для признания своей вины человеку нужен достаточно высокий уровень самооценки. Человек должен быть не то что уж очень уверен в себе, но хотя бы не должен в себе сомневаться. Сомневающиеся, неуверенные в себе люди как раз и не умеют извиняться, потому что признание своих ошибок способно уничтожить ростки их самоуважения. Извинившись, человек признает свою неправоту, но для кого-то лишнее напоминание о своей неправоте может стать мучительным. У таких людей чувство вины сформировалось с детства, когда их обвиняли напропалую и за все грозили наказанием. В конце концов они вырастают с недоразвитым, искаженным чувством собственного достоинства, и поэтому каждая признанная ошибка наносит им новую травму. А кроме того, внушенное в детстве чувство вины мешает развиваться нормальной, полноценной ответственности.

Сегодня любят сравнивать Стрельцова с литературными и фольклорными персонажами. Тут и былинные богатыри, и Обломов, и Левша… А ведь во многом он схож с Митей Карамазовым из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Митя растет без матери на задворках дома у непутевого отца. С детства он не получает нормального воспитания, перед ним нет

примера мужественности, он тоже вырастает с искаженным представлением о том, каким должен быть мужчина. Это выражается, при всех положительных чертах Митиного характера – доброте, честности, прямолинейности, щедрости, широте души, – в необузданности, в распущенности, в потакании своим страстям и капризам, невоздержанности и буйстве. Прокурор на суде объявляет: «Нет, господа присяжные, у тех Гамлеты, а у нас еще пока Карамазовы!», имея в виду, что перед Митей не стоит вопрос «быть или не быть», он живет жадно, неистово, со всей страстью, на какую способен. Вспомним, как Г.Д. Качалин говорил о Стрельцове: «Парень очень способный, но натура необузданная». Другими словами, невоспитанная, неотесанная, буйная. Вот и Митя такой же – добрый, способный, искренний, но распущенный, не в ладу со своими страстями, человек крайностей. Походя он затевает потасовку в трактире – таскает за бороденку отставного штабс-капитана Снегирева. Но эту жалкую картину видит маленький сын Снегирева – Илюша, для которого унижение отца становится сильнейшим потрясением, вызвавшим болезнь и в итоге убившим мальчика. То есть Митя невольно оказывается причиной смерти ребенка. Но еще до того, как Илюша умер, Митя попадает в другую историю. Его подозревают в убийстве отца – Федора Павловича, хотя действительным убийцей был слуга Смердяков. Однако многие улики и свидетельские показания указывают на Митю как на виновного. Суд присяжных, среди которых мужички, знавшие Митю как буйного малого, выносит вердикт: виновен! Митю ждет каторга. Но еще до суда ему снится странный сон: погорелые женщины плачут и протягивают на руках голодных детей. Митя, глядя на голодное, плачущее дите, недоумевает во сне: «Почему ручки голенькие, почему его не закутают?» Во сне он получает объяснение: «А бедные, погорелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят». Проснувшись, Митя испытывает просветление, понимая, что даже незаслуженное страдание в его случае справедливо. Поскольку «все за всех виноваты». В гневе он не видел, как страдал сын Снегирева от унижения отца. Он даже не знает, что, по сути, убил ребенка. Но интуитивно он понимает свою вину, понимает: в том, что дите во сне плачет, он тоже виноват и должен за это ответить.

Пусть Митя не совершал преступления, за которое его осудили, – он совершил другое. Но главное – он осознал, что наказания, как говорил другой литературный персонаж, без вины не бывает. Еще до суда в Мите, не без влияния сна, происходит переворот, просыпается способность к покаянию и преображению, приходит понимание, сколько страданий он доставил людям, а

потому должен за это ответить, понести наказание.

Стрельцова в отличие от Мити осудили справедливо. Но преступление оказалось в череде других преступлений – против законов как писаных, так и неписаных. Стрельцов – человек, живший своими страстями, касалось ли это футбола, женщин или вина. Человек, не склонный к тому, чтобы дать себе окорот, взнуздать самого себя. И только узилище, как и в случае с Митей, заставило его задуматься, скольким людям вокруг он приносит горе. Вспомним, как из тюрьмы Стрельцов писал Софье Фроловне: «Мама, не ты недоглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот результат… Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе – и в этом заключался весь сыновний долг. А оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому…» Вспомним, как из тюрьмы слал Алле Деменко предложение вновь пожениться. Позже в книге он напишет: «Я причинил своим руководителям немало огорчений. И пользуюсь случаем, чтобы сказать здесь: я осознаю, что часто бывал не прав…» Понятно, что он не поднимается до вершин обобщения Достоевского, но, осужденный за изнасилование, Стрельцов раздумывает о том, как много неприятного причинил людям – матери, тренерам, жене… Это и перекликается с думой Мити: «Зачем мне тогда приснилось «дите» в такую минуту? «Отчего бедно дите?» Это пророчество мне было в ту минуту! За «дите» и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех «дите», потому что есть малые дети и большие дети. Все – «дите». За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти».

Ф.М. Достоевский в черновике письма к М.Н. Каткову от 9–11 декабря 1879 г. написал о героях своего романа – четырех братьях Карамазовых: «Совокупите все эти 4 характера, и Вы получите, хоть уменьшенное в 1000-ю долю, изображение нашей современной действительности, нашей современной интеллигентной России. Вот почему столь важна для меня задача моя». Исследователи творчества Достоевского справедливо полагают, что четверо братьев к тому же это проявления одной личности, по преимуществу – проявления русского характера. Иван Карамазов – логика, разум, Дмитрий – инстинкты, чувства, Алексей – сердце и воля, Смердяков – грех, подсознание.

И не оттого ли, в частности, так полюбился России Эдуард Стрельцов, что воплотил он какие-то сугубо русские черты, сугубо русскую натуру, близкую и понятную народу не только в прекрасных, но и в безобразных своих проявлениях…

Послесловие

В советское время, как известно, спорту придавалось особенное значение. С развитием спорта появилась идея о близости его к искусству. Заговорили о необходимости эстетического осмысления спорта. Зрелищность, эстетическая осмысленность, свой предметный мир, воспитательная роль – все это действительно роднило искусство и спорт. Но главное, что объединяло их, – это творческое, игровое начало. Считалось, что спорт достиг такого развития, что впору перейти на некую высшую ступень.

В 60-е гг. велись даже дискуссии о слиянии искусства и спорта и квалификации спорта как вида искусства наряду с живописью, музыкой, литературой и пр. Важным аргументом в этом обсуждении стало эмоциональное воздействие спортивных мероприятий на зрителей, не уступавшее воздействию театра. Игра, и особенно футбол, как самая массовая и зрелищная из спортивных игр, может вызывать исключительные по накалу переживания. Но даже в командных видах спорта зрительский интерес приковывается прежде всего к личности, к носителю и выразителю определенных качеств, не высказанных, но выраженных в движении, пластике, стиле, в драматизме и артистизме. И чем значительнее личность, тем, как правило, сильнее эстетическое и драматическое воздействие на публику.

Оказалось, что именно личность может способствовать превращению спорта в искусство. Спортивное состязание ближе всего к театру, поскольку и то, и другое – зрелище, творимое актером или спортсменом. Сегодня дискуссии на тему «искусство и спорт» практически сошли на нет. Но в 1960-е гг. журнал «Театр» предоставил специальную рубрику «Спорт как искусство» для обсуждения эстетики и артистизма большого спорта, нового взгляда на его возможности, на слияние мужского начала (спорт) и женского (искусство), на единение борьбы и красоты. В то же самое время к обсуждению присоединилась и газета «Советский спорт», ставшая уделять спортивной эстетике особенное внимание. Участники обсуждений пришли к выводу, что спорту стали тесны его рамки, что неизбежен его переход в новое качество и на новый уровень. Подчеркивалось, что спорт все ближе к театрализованному представлению, все чаще применительно к спортивной игре использовалась театральная терминология – «премьера», «драматизм» и пр. Связывали этот процесс с профессионализацией спорта, выдвинувшей вперед мастерство, технику против простого достижения результата.

Особенно изменения, происшедшие за последнее время в спорте, были заметны, когда, например, встречались высококлассные футбольные команды с командами попроще. Первые предлагали высокотехничную, умную игру с продуманной тактикой и отточенными движениями. Вторые играли на результат. Но поскольку заметных результатов в таком противостоянии им было сложно добиться, то выглядела такая встреча как дворовые танцы под пластинки на фоне балета Большого театра. Спорт переставал интересовать болельщиков только результатом. На примере того же футбола это видно по отношению зрителей к системе 5-3-2, когда игра, нацеленная на защиту, даже в случае эффективности кажется медленной и скучной. С некоторых пор матч все отчетливее стал восприниматься как спектакль, как особый вид театра. Особенность спектаклей в этом театре – в спонтанности, в непредсказуемости действа. Если в обычный театр зритель часто идет на уже знакомое представление, то в спортивном театре всегда есть элемент неизвестности, что придает этому шоу дополнительную загадочность, а значит, и остроту. В сочетании со своеобразной красотой, атлетической пластикой, обязательной динамикой, индивидуальным стилем и специфическим мастерством, личным обаянием участников матч-спектакль стоит особняком, занимая свое особенное место. В этом театре, как и в театре обычном, классическом, есть свои актеры, свои статисты, свои примы.

КОГДА НАЧАЛИСЬ ДИСКУССИИ О СЛИЯНИИ СПОРТА С ИСКУССТВОМ, НЕИЗБЕЖНО ЗАШЕЛ РАЗГОВОР И ОБ ЭДУАРДЕ СТРЕЛЬЦОВЕ КАК О ВЕДУЩЕМ АКТЕРЕ СПОРТИВНОГО ТЕАТРА СТРАНЫ.

Когда начались дискуссии о слиянии спорта с искусством, неизбежно зашел разговор и об Эдуарде Стрельцове как о ведущем актере спортивного театра страны. Ведь многие болельщики ходили на стадион, чтобы увидеть Стрельцова, другими словами, «ходили на Стрельцова». От каждого матча с его участием ждали чего-то необыкновенного, какого-то волшебства, действа или мистерии. Точно так же, как в театре ждут чуда перевоплощения от ведущих актеров. О Стрельцове же отзывались как о спектакле в спектакле, потому что его поведение на поле, его техника, финты, обводки, пасы, комбинации – все это выглядело как особенное зрелище, как вставной, но органичный номер в цельном, продуманном представлении. Ко всему прочему Стрельцов был известен как любитель импровизаций, ему не раз удавалось вызвать смех на трибунах удачно проведенной атакой, когда, обманув соперника

изящным движением, он продолжал свое наступление или выступление. Его приемы воспринимались как фокусы. И получалось, что силовая борьба, завоевание позиции превращались в игру один на один, в поединок иллюзиониста Стрельцова с растерявшимся противником. По подсчетам статистиков того времени, Стрельцов за все время одной игры владел мячом около трех минут, но почти постоянно именно он находился в поле зрения публики, именно за ним следил глазами болельщик. Стрельцов был одним из лучших советских футболистов и, наверное, одним из немногих артистов футбола, приковывавших к себе внимание чем-то незримым – харизмой, внутренним светом, невероятным обаянием. Он говорил, что предпочитает «умный футбол». Но не только его ходы, его пасы были продуманны, причем продуманны зачастую молниеносно, его пластика казалась зрителям осмысленной, его финты обладали своей интонацией, как актерские жесты.

Любой спорт, и футбол в том числе, позволяет проявить творчество, самовыразиться и тем самым раскрыться. Но бывает так, что, раскрывшись, человек обнажает пустоту, бессодержательность. И это не может ускользнуть от зрителя, а в искусстве – еще и от слушателя или читателя. Здесь, возможно, и кроется тайна обаяния, когда, самовыражаясь, творец раскрывается как глубокая, интересная и сложная натура. Все это происходит на уровне интуитивного восприятия и понимания, но тем не менее зритель угадывает за творчеством и широту, и размах, и удаль, и «безудерж карамазовский». Стрельцов отличался в игре контрастностью. То он стоит «руки в боки» и как будто безучастно наблюдает за игрой, то вдруг срывается и молнией проносится по стадиону. Его игра неровная, но зрелище, настоящая драма и не могут быть ровными. Зрительскому воображению нужна кульминация, нужен конфликт и его разрешение. Благодаря интуитивно избранному стилю игры Стрельцов разыгрывал свою партию, как блестящий актер, – с паузами, с патетикой, с отточенными жестами и выверенными движениями. Многие писали о неожиданности, присущей его стилю, что, несомненно, выделяло его на фоне более ровных и спокойных игроков. Но дело не просто в неожиданных решениях, а в обращении к таким решениям в сложных, порой казавшихся безвыходными ситуациях. Особенного совершенства этот стиль Стрельцова достиг уже в 60-е гг. – после возвращения в большой спорт. Он пришел к пониманию футбола как красивой, интеллектуальной борьбы. Гораздо большее удовольствие доставляли ему не забитые голы, а переданные пасы. Он обрел мудрость, поняв, что высшее мастерство в футболе – играть

командой, чувствовать друг друга в своем небольшом коллективе. Многие говорят об этом, но немногие понимают это сердцем, а потому и не испытывают от игры настоящего удовольствия. Футбольная мудрость, приносящая самую сильную радость, – это ощущение себя частью единого целого, действующего как отлаженный механизм. Понимание того, что ты способствуешь этой слаженности, что благодаря твоим усилиям механизм не сбоит, легко далось Стрельцову в силу его благодушия и благородства. Познавший эту радость, он был, несмотря ни на что, счастливым спортсменом. Наверное, он был несчастным человеком, но счастливым спортсменом.

> СТРЕЛЬЦОВ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ СОВЕТСКИХ ФУТБОЛИСТОВ И, НАВЕРНОЕ, ОДНИМ ИЗ НЕМНОГИХ АРТИСТОВ ФУТБОЛА, ПРИКОВЫВАВШИХ К СЕБЕ ВНИМАНИЕ ЧЕМ-ТО НЕЗРИМЫМ – ХАРИЗМОЙ, ВНУТРЕННИМ СВЕТОМ, НЕВЕРОЯТНЫМ ОБАЯНИЕМ.

30 лет прошло, как не стало Эдуарда Анатольевича Стрельцова. За эти годы о нем написано немало книг, снято несколько фильмов. Его именем назван стадион «Торпедо», в Москве открыты памятники. Но до сих пор обвинение не снято. Как же так? Нет «кровавого тоталитаризма», ушла в историю советская власть… Почему бы не вернуть невинно осужденному честное имя? Да потому что вина Эдуарда Стрельцова была доказана. Другое дело, что пришло время переставить акценты. И вместо беспочвенных возмущений и бессмысленной ругани лучше напомнить о его широте и благородстве, о способности признать вину, о мужестве не роптать на судьбу и не винить никого в своих ошибках, о неизбывном желании остаться верным своему призванию и о силе духа, с какой преодолел он самые тяжелые испытания.

Библиография

1. Берия Л.П. Лаврентий Берия. Сокровенные дневники и личные записи. Самое полное издание. – М.: Эксмо, 2017. – 864 с.

2. Вартанян А.Т. Эдуард Стрельцов. Насильник или жертва? – М.: Терра-Спорт, 2001. – 128 с.

3. Галедин В.И. Эдуард Стрельцов. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 438 с.

4. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. – М.: Русская книга, 1993. – 736 с.

5. Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / составитель и автор вступительной статьи И.М. Ильинский. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006. – 501 с.

6. Гранаткин В.А. Международные встречи советских футболистов. – М.: Физкультура и спорт, 1957. – 102 с.

7. Демидов А.П. Артистизм Эдуарда Стрельцова // Театр, № 8, 1969.

8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Художественная литература, 1988. – 848 с.

9. Иванов В.К. Центральный круг. – М.: Физкультура и спорт, 1973. – 256 с.

10. Игра миллионов под партийным контролем: советский футбол по документам ЦК КПСС / Международный фонд «Демократия»; под редакцией Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прозуменщикова; составитель: И.В. Казарина. – М.: МФД, 2017. – 779 с.

11. Иланд-Ольшевски Б. Футбол: современная энциклопедия. – М.: РОСМЭН, 2019. – 96 с.

12. Исаковский М.В. Стихотворения. – М.: Современник, 1988 – 336 с.

13. Максимовский Э.Г. – Кто заказал Эдуарда Стрельцова? – М.: Юстиция-М, 2000. – 416 с.

14. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // СОЦИС, № 2, 1992.

15. Михалков С.В. Дядя Степа. – М.: Малыш, 1987. – 88 с.

16. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 608 с.

17. Набоков Б.П., Туров Б.И. 256 международных матчей. – М.: Физкультура и спорт, 1958. – 104 с.

18. Назаров В.В. Эдик Стрельцов: трагедия человека, позор государства. Знакомство: как СССР не стал чемпионом мира в 1966. – Екатеринбург: Издательские решения, 2019. – 22 с.

19. Нариньяни С.Д. Рядом с нами. – М.: Правда, 1958. – 496 с.
20. Нариньяни С.Д. Со спичкой вокруг солнца. – М.: Советский писатель, 1978. – 528 с.
21. Нетто И.А. Это – футбол! – М.: Физкультура и спорт, 1964. – 191 с.
22. Нилин А.П. Стрельцов: Человек без локтей. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 446 с.
23. Раззаков Ф. И. Российский футбол: от скандала до трагедии. – М.: Эксмо, 2012. – 285 с.
24. Советский футбол по документам ЦК КПСС. Интервью с М.Ю. Прозуменщиковым // Социологическое обозрение, т. 17, № 2, 2018.
25. Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / сост.: Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова; отв. ред. Д.Г. Наджафов. – М.: Материк, 2005. – 765 с.
26. Стрельцов Э.А. Вижу поле… – М.: Советская Россия, 1982. – 176 с.
27. Сухомлинов А.В. Эдуард Стрельцов. Трагедия великого футболиста. – М.: Патриот, 1998. – 226 с.
28. Сушко Ю.М. Эдуард Стрельцов: в жестоком офсайде. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
29. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 256 с.
30. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Юридическая литература, 1971. – 280 с.
31. Ципурский Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг». Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве // Новейшая история России, № 3, 2013.
32. Штомпка П. «Социальное изменение как травма» // СОЦИС, № 1, 2001.
33. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. – М.: Правда, 1985. – 464 с.
34. Якушин М.И. Вечная тайна футбола. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 223 с.
35. Яшин Л.И. Записки вратаря. – М.: Правда, 1976. – 64 с.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Сеть тюрем.

2

Херардо Бедойя – колумбийский футболист, полузащитник, обладатель антирекорда: 46 красных карточек в карьере.

3

Местность в Москве в районе Сокольников. Стадион «Ширяево поле» – один из старейших в столице.